

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. С. Кравец

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ СМЫСЛА

Монография

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2022

УДК 130.1:003(075.8)

ББК 87.452.3я73

К77

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Воронежского государственного педагогического университета *Ю. И. Борсяков*;

доктор философских наук, профессор Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал, г. Воронеж)

В. Н. Первушина

*В оформлении обложки использована работа художника А. В. Загородных
«Портрет доктора философских наук, профессора А. С. Кравеца»
(Воронеж, 2013, холст, масло)*

Кравец А. С.

К77 Философская теория смысла : монография / А. С. Кравец ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 298 с.

ISBN 978-5-9273-3421-6

В настоящей монографии раскрывается общее (родовое) понятие смысла как инварианта построения всех его разновидностей в мыслительной и практической деятельности человека. Книга состоит из двух частей: в первой рассматривается эволюция концепций смысла в логико-лингвистическом плане; во второй – философские проблемы, вопросы бытия смысла, соотношение смысла и ценностей, смыслы социальных действий, соотношение субъективного и объективного смыслов в коммуникациях и практических действиях.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами философии.

УДК 130.1:003(075.8)

ББК 87.452.3я73

ISBN 978-5-9273-3421-6

© Кравец А. С., 2022

© Воронежский государственный университет, 2022

© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2022

Три парадигмы смысла (Введение)

Всё, что делает человек, к чему он стремится, о чём рассуждает, на что надеется или отвергает, проникнуто смыслом. Смыслом окрашена вся человеческая жизнь, а бессмысленность, абсурд характеризуют трагический разрыв в отношениях между человеком и миром.

Однако вопрос о том, что такое смысл, несмотря на его весьма протяжённую историю, до сих пор вызывает острые дискуссии.

Осмысление феномена смысла началось ещё в античной философии и было продолжено ранехристианскими философами, мучительно размышлявшими над смыслом Священного писания, а затем и средневековыми теологами, озадаченными смыслом Творения. Новое время десакрализовало проблему смысла, опустив его на грешную землю. Истоки смысла учёные начинают уже искать не только в отношениях между словами и вещами, но и в способах общения людей, т. е. в человеческих коммуникациях. Средоточием смысла становится язык в его соотнесении с мышлением.

Проблема смысла постепенно ставится на прочную теоретическую основу, с разных сторон разрабатываемую лингвистами (или, как их называли в старину, грамматиками) и логиками. Если лингвисты исследовали обыденный национальный язык, то логики изучали формализованные языки. Можно сказать, что последние исследовали смысл применительно к некоторой идеализированной модели суждения, выражаемой формулой ($S - P$).

Лингвисты, имея дело с живым языком, обращали внимание на лексические формы выражения смысла, обилие коннотаций смысла слова в речи, риторические и стилистические особенности языка.

Логика изначально полагала смысл терминов суждения строго предопределённым, а само суждение – осмысленным только в том случае, если оно имеет истинностное значение. Последнее означает, что любое суждение (утверждение или отрицание) может быть либо истинно, либо ложно. Отсюда задачу логической

науки видят в том, чтобы построить формулы (исчисление), которые обеспечивали бы истинность вывода.

В Новейшее время стали приходиться к осознанию необходимости объединения совместных усилий лингвистов и логиков в изучении проблемы смысла. При этом лингвисты находили в логических исследованиях концептуальные основы для анализа естественного языка, а логики стали постепенно осознавать ограниченность модели формального языка, находя в работах лингвистов аргументы для её расширения.

Наш анализ смысла мы начинаем с рассмотрения его логико-лингвистических концепций, которые исторически развивались учёными при раскрытии его сущности, структуры, формы, функций в жизнедеятельности человека.

Может возникнуть вопрос, который мне часто задавали коллеги: «Причём здесь философия?». Ответить на него не просто, ибо ответ предполагает другой вопрос: «Что такое философия?».

Спор по данному вопросу может увести нас в длинную дискуссию без перспектив его разрешения. Надо учитывать, что философия вплоть до Нового времени занимала позицию законодателя человеческого Разума в наших представлениях о мире, человеке, познании. Вплоть до появления подлинно научных теорий (таких, как классическая механика Ньютона) господствовал генеалогический образ Древа познания: его корни характеризуют философию, а ветви, вырастающие из него, – конкретные науки. Сегодня вектор соподчинения знаний повернулся в другую сторону: философия, считая себя обоснованным знанием, вынуждена оборачиваться лицом к наукам не только естественным, но и гуманитарным, как стартовой позиции своих обоснований.

Наша философская позиция в раскрытии тайн смысла состоит в сущностном обобщении родовых (всеобщих) признаков смысла. Но тут возникает уничижительный для нас вопрос: «Не будет ли ваша концепция смысла чисто лингвистической, пригодной только к языковому общению?» Нет, не будет – отвечаем мы.

Дело в том, что в речевой деятельности сконцентрировались те родовые сущностные признаки, которые характерны для всех видов *осмысленной* человеческой деятельности: научной, практической, коммуникативной, жизненно ориентирующей и т. д. Неда-

ром Хайдеггер утверждал, что «язык – это дом бытия» человека. Это, конечно, не отменяет специфических, конкретных форм порождения смысла в различной многогранной деятельности человека. Слова «*смысл, мышление, осмысление*» связаны неразрывной идейной связью и принципиально важны для порождения и понимания смысла.

Этимология русского слова «с-мысл» как раз указывает на эту связь. Смысл – это то, что соотнесено с мыслью, совместно с мыслью о некотором предмете. Интересно, что английское *sense* («смысл») не имеет подобной коннотации, однако другое слово *meaning* («значение»), часто употребляемое как синоним *sense*, связано с глаголом *mean* – «означать, иметь в виду, подразумевать». Последнее прямо указывает, что под смыслом понимается то, что имеется в виду, когда говорят на каком-либо языке.

Смысл есть продукт мышления человека, а понятие осмысления характеризует установку сознания (своеобразную рефлексию) человека на мыслительные процессы при решении тех или иных жизненных задач. Эта установка принципиально отличает человеческую деятельность от поведения даже самого умного животного.

Поведение животного в природе регулируется безусловными (т. е. генетически наследуемыми) и условными рефлексам. Последние являются приобретёнными действиями, возникшими в результате приспособления животного к среде обитания. Приспособление животного опирается на жизненный опыт «проб и ошибок», что часто наблюдается в действиях (особенно в раннем детстве) и у человека; но осмысленные действия – это качественно новое поведение, основанное на предварительном осмыслении. В своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс показал, что человек (как представитель *Homo sapiens*) возникает в результате трёх социально совместных процессов: формирования языка, мышления и человеческого труда (т. е. человеческой практики), – которые недоступны животному.

Обращаясь к логико-лингвистическому компендиуму, можно установить три парадигмы в трактовке смыслов, исторически сменявшие друг друга: 1) словоцентристскую, 2) пропозициональную и 3) деятельностную.

Словоцентристская парадигма возникает уже в античной философии. Она исходит из того, что слово является первоначалом любого смысла. Вспомним библейское «В начале было слово ...».

Пропозициональная парадигма возникла значительно позже (в начале XX в.) – в лоне логических исследований суждения. Сам термин латинского происхождения и означает *основное положение* в высказывании, его *предпосылку*. В современной трактовке этот термин понимается как содержательное смысловое ядро суждения, неизменное (инвариант мысли) по отношению к его модусам (истинности или ложности). Данная парадигма до сих пор считается основной в логико-лингвистических исследованиях.

Однако в середине XX в. в лоне исследований речевых актов возникает *деятельностная парадигма* смысла, согласно которой любое высказывание человека в коммуникативной сфере является действием, по своей структуре и функциям подобным любому социальному действию. Революционное значение этого открытия состояло в том, что оно сблизило в смысловом плане речь и практику. Речевые коммуникации, оказывается, мотивируются, планируются и осуществляются по тем же смысловым нормам, что и любое социальное действие.

Обратимся к анализу указанных парадигм.

Часть I

ЛОГИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ СМЫСЛА

Глава 1

СЛОВОЦЕНТРИСТСКАЯ ПАРАДИГМА СМЫСЛА

§ 1. Предметные имена, предикаты, денотаты

В лингвистике изучение смысла началось с такой единицы, какой является слово (или лексема). Казалось бы, любой сложный смысл должен состояться из слов: с их помощью формируется предложение, а из предложений конструируется текст. Парадигма первичности слова долгое время доминировала и в отечественной психолингвистике.

Опираясь на авторитет Л. С. Выготского, отечественные психологи-лингвисты в своих теориях исходили из первичности слова. Исходная установка опиралась на идею «от слов к предложению»: первично слово, вторично предложение (или его аналог – высказывание). Правда, эта идея наталкивалась на сакраментальный вопрос: откуда же проистекает смысл самих элементарных единиц, т. е. слов?

Здесь на помощь иногда приходила идея первичного означивания слов в акте номинации. Хотя исторически подтвердить эту идею пока никому не удалось, тем не менее, отголоски её сильны и поныне. Так, в работе А. А. Уфимцевой¹ вводится представление о первичном знакообразовании (и, соответственно, означивании), возникающем в процессе номинации. По мысли автора, первичное означивание, т. е. смысл, возникает в системе средств языка в акте номинации (образования знака слова), а в речи (высказываниях) возникают дополнительные вторичные смыслы. Хотя автор принципиально открещается от понимания слов как титульных ярлыков явлений и предметов действительности, трудно по-

¹ См.: Уфимцева А. А. Лексическое значение : (принцип семиологического описания лексики). М. : Наука, 1986.

нять, как смысловое значение слова может возникнуть вне высказывания. Если исключить ситуацию экстенсивного означивания (экстенсивные определения как раз и не характерны для функционирования языка), то любое означивание слова в языке есть не что иное, как формирование его смысла, а смысл всегда является законченной мыслью, т. е. предложением. К лингвистическому означиванию не применим образ глухонемого странника, указывающего посохом на нужную ему вещь.

В лексикологии чаще всего применялся термин «значение» вместо термина «смысл». До сих пор в толковых словарях вместо термина «слово» употребляется традиционный для языковедов термин «лексема» в качестве обозначения единицы системы языка. То, что пишется в словаре о какой-либо лексеме (т. е. её трактовка в речи) и называется её значением. В логическом анализе суждений говорили о смысле терминов. Модель суждения включала предметные имена (или просто имена) и предикаты, подчиняющиеся формуле « S есть P ».

Эта формула является неким семантическим скелетом предложения. С развитием современной семантики вводились понятия знака и его значения. Таким образом, терминология дискурса о смысле порождала в теоретических исследованиях ряд *родственных* обозначений: слово, имя, знак, — различающихся своей конкретностью (или степенью обобщенности). Наиболее насыщенной конкретикой обладает «слово» в системе языка, зато термин «знак» включает более широкий круг выражения форм трансляции смысла.

Лингвистические выражения являются знаками в наиболее адекватном значении этого слова; это настоящие, подлинные знаки. По Соссюру, знак представляет собой единство означающего (акустического образа) и означаемого (понятия); одно не может существовать без другого, не нарушая коммуникативной функции знака². Соссюр вводит категорию значимости знака, охватывающую и означающее, и означаемое, в отличие от его последователей, связавших значимость лишь с означаемым. *Означающее* в языке, т. е. знак, представляет собой не просто звуковой ряд (или

² См.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 100.

начертание на бумаге), а является психически узнаваемым образом, позволяющим нам выявлять человеческую речь на фоне различных звуков, отделять одно слово от другого в речи, понимать, где заканчивается одно предложение и начинается другое. Обучающемуся иностранному языку на первом этапе труднее всего дается эта дискретизация лингвистических единиц, отграничение друг от друга слов и предложений. Именно этот психический образ внешней формы знака, по Соссюру, наполнен для коммуникантов внутренним смысловым содержанием, т. е. «означаемым».

Соссюр для объяснения специфики знака вводит понятия формы и содержания. Формой знака является его материальная представленность: звук, начертание, рисунок, письменное изображение слова, цвет семафора и даже взмах полицейским жезлом. Содержание знака является некоторой мыслью, означающей знак. Без знака к нам не поступает никакая информация, без мысли знак теряет свою коммуникативную функцию, т. е. становится простым звуком или непонятным начертанием и т. п.

По Соссюру, знак произволен, конвенционален в том смысле, что нет какой-то жесткой, внутренне необходимой связи между внешней формой знака и его смысловым содержанием. Это как раз и отличает подлинные знаки от физической и иной причинно-следственной связи событий (гром и молния, дым и пожар). Знак в целом является продуктом коллективной человеческой деятельности и опирается на традицию его употребления³.

Позже идею конвенциональности знака пытался оспорить, и не без оснований, Э. Бенвенист. Действительно, в системе определенного языка (немецкого, французского и т. п.) звучащий образ слова прочно связывается с некоторым смыслом: нельзя произвольно изменить произношение слова, оставив за ним прежний смысл или приписать старым словам эксклюзивный, не принятый в коллективной традиции, новый смысл, рассчитывая на взаимопонимание.

Однако Соссюр и не собирался утверждать, что между означаемым и означающим нет никакой связи или что она может быть установлена по желанию любого индивида. «Язык не может быть

³ См.: Там же. С. 104–107.

уподоблен простому договору»⁴. Он является социальным институтом, подчиняющимся нормам и правилам, сложившимся исторически в культуре народа.

Язык есть система, а слово – его элемент. Слово в системе языка прорастает структурой связей как со стороны морфологического ряда (образование одних слов на основе других), так и со стороны семантического ряда (семы, антонимы, синонимы, тематические единства и т. д.). Именно знаковые системы в целом конвенциональны в том смысле, что индивид может говорить об одном и том же на немецком, французском, английском и т. п. языках, но значимость слова внутри отдельно взятой системы закреплена структурными связями, детерминирована коллективной социокультурной традицией. Ни звук сам по себе не порождает смысла, ни смысл сам по себе не порождает связанного с ним произношения звука (это, собственно, и хотел сказать Соссюр), но *то* и *другое* встречаются друг с другом в историческом развитии языка, представляющим собой семантическую социокультурную систему.

Эта система имеет свою диахронию, т. е. историю становления, и синхронию, т. е. практику современного употребления языка в коммуникативной деятельности. Практика использования языка – речь – постоянно, как незыблемый закон, сталкивает и соединяет говорящего индивида с коммуникативным опытом коллектива (народа, нации), традицию – с новациями смыслов и словообразований.

В словоцентристской парадигме возникло, как мы уже указывали, противостояние двух смысловых аспектов слова, приблизительно соответствующих русским словам «*обозначение*» и «*означение*». Обозначение предполагает номинацию слова, но, чтобы возникло его понимание в речи, необходимо установить его значимость, т. е. провести означение. Под этой операцией обычно понималась мысль (дефиниция, толкование), трактуемая смысл слова. Именно эта трактовка (интерпретация) слова и получила название смысла слова. В жизненном мире ребёнок постигает эту связь означаемого и означающего в слове в про-

⁴ Соссюр Ф де. Указ. соч. С. 104.

цессе социализации и обучения. Однако в теоретическом плане оставалась проблема, каким образом возникает эта нерасторжимая связь означаемого и означающего, имени и предмета, который номинируется.

В логико-лингвистических концепциях возникли две версии этой связи. Первую, более раннюю, называли двухуровневой, а вторую – трехуровневой⁵. В рамках первой концепции философы пытались напрямую связать имя номинируемого объекта с самим объектом. Как отмечал Г. Кюнг, аналитическая философия постепенно дрейфовала в сторону трехуровневой семантической модели (знаки – смыслы – референты), в чем безусловная заслуга немецкого логика и философа Г. Фреге⁶. Однако у нее до сих пор имеются ярые противники. Среди них наиболее известны работы Х. Патнэма⁷ и Б. Рассела⁸.

Через всю историю дискуссий о смысле слова проходит это противостояние двух его семантических измерений. Соответственно, в логической семантике возникло два семейства не всегда четко разделяемых понятий. Одно семейство (денотат, референт, номинант, экстенционал) явно тяготело к проективной (указательной) сущности слова (знака). Согласно этой трактовке, слово должно указывать на соответствующую ему вещь (или класс вещей). Другое семейство семантических понятий (смысл, сигнификат, десигнат, интенционал) связывало понимание слова с мыслью, сопутствующей его употреблению. Что касается весьма распространенного в философских дискурсах термина «значение», то он обладает неопределённым семантическим статусом, постоянно флюктуируя между двумя указанными семантическими классами понятий.

В конечном счёте, возникло два направления в объяснении смысла слова. Первый подход явно тяготел к экстернализму, ука-

⁵ См.: Кюнг Г. Мир как нозма и референт // Аналитическая философия : становление и развитие : антология. М., 1998.

⁶ См., например: Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информация. М., 1997. Вып. 8.

⁷ См., например: Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции).

⁸ См., например: Рассел Б. О дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции).

зывая на противоположную слову внеязыковую реальность (вещи, свойства, ситуации и т. д.). Слова трактовались как имена вещей. Второй можно назвать интерналистским. Согласно ему смысл слова формируется человеком, в его сознании, а затем соотносится с предметом (референтом, денотатом).

Наиболее древней является двухуровневая концепция, потерявшая в настоящее время свою значимость в научной литературе. Уже Августин Блаженный, объясняя смысл слов, прибегал к ученическому примеру, когда учитель своим перстом указывал на какую-либо вещь и называл её имя, которое должны были запомнить ученики. Позже его концепция получила название «крещенской», подобно тому, как в церкви дают имена новорождённым детям. Эту концепцию критиковали многие, в том числе и Л. Витгенштейн, и Ж. Делёз.

Витгенштейн приводил пример игры в шахматы, указывая на то, что, когда игрок передвигает фигуру на шахматной доске, он имеет в виду не образ фигуры коня, слона и т. п., а смыслы (правила), которые существуют в игре.

Делёз критикует киников, считавших, что жрец объясняет смыслы слов, рисуя копьём фигуры вещей.

Эти два подхода к пониманию семантики слова привели к затяжной дискуссии о соотношении смысла и денотата, которая была разрешена в концепции Г. Фреге, опиравшегося на трёхуровневую семантическую модель имени: знак (имя) – его смысл – денотат⁹. В рамках логического исследования были выделены два класса имен: предметные и предикатные имена. Под предметными именами понимали имена, соотносимые с «вещью» (дерево, лошадь, планета, человек), под предикатными – обозначения свойств вещей (прилагательные – твёрдый, красный, честный и т. д.; и глаголы – гореть, зеленеть, плавать, бежать, думать, говорить и т. д.) В логике (её модели суждения $S - P$) предполагалось, что предмет суждения S представлен предметными именами, а свойство P – предикатными именами. Однако язык в его речевом проявлении гораздо конкретнее и богаче по своим формам проявления, чем рационалистические модели логики. В качестве подлежащего в

⁹ См.: Фреге Г. Указ. соч.

языке, помимо существительного, могут фигурировать и глаголы, и прилагательные (*жить значит любить, умный в гору не пойдет*); и, наоборот, предикатами могут выступать существительные (например, *осёл – животное, ртуть – металл*). Именно после Г. Фреге стали более чётко различать смысл имени и его денотат. Согласно его позиции, смысл имени выражает мысль о предмете, а денотатом является сама вещь, сопоставляемая с именем, т. е. смысл имени предопределяет его денотат. Например: *композитор – автор музыкальных произведений*, – здесь выделенное курсивом является смыслом слова «композитор».

По Фреге, денотат определяется смыслом и не является независимым от способа определения предмета (т. е. смысла). Отношения между смыслом и денотатом не являются однозначными. Один и тот же денотат можно определить разными смыслами. Например, число «десять» можно определить как «произведение 5×2 » и другим способом: «сумма пяти и пяти». Денотат имени «Аристотель» можно определить выражением «создатель классической логики» и другим – «ученик Платона, родившийся в Стагире». Сказанное Фреге можно проиллюстрировать (рис. 1).

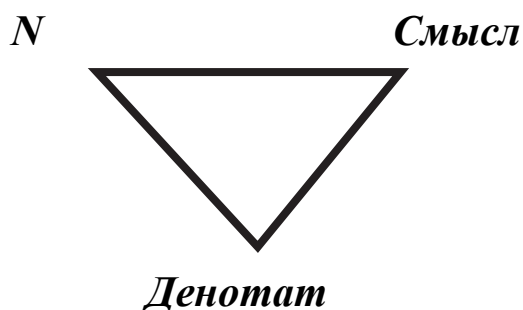

Рис. 1

Представленная схема образования смысла имени предмета получила название «семантического треугольника» Фреге. Термины «денотат», «референт» (сюда можно добавить и термин «значение») часто употребляются как равнозначные, поскольку они действительно используются в философском и лексикологическом дискурсе для характеристики одной и той же семантической функции – смысловой проекции (связки) имени с обозначаемым им объектом. Кстати, знаменитая работа Фреге, которую мы об-

суждаем, называлась в подлиннике *Sinn und Bedeutung* (Смысл и значение)¹⁰, но в русском издании слово «значение» было заменено на слово «денотат». В дальнейшем мы вернёмся к этой запутанной проблеме.

Денотат нельзя рассматривать как вещь реального мира, существующую независимо от языковой системы, каким бы шокирующим не выглядело такое утверждение. Вопрос о существовании реальных вещей в мире – это скорее философский (или практический) вопрос, выходящий за пределы компетенции лингвистики. О денотате можно говорить только в связи с отношением знака к вещи, причём это отношение задаётся смыслом знакового выражения. Если «вещь» не вовлечена в лингвистическое пространство, то мы ничего не можем *«сказать»* об этой вещи, ни о каком денотате в этом случае не может быть и речи. Для соблюдения стерильной философской чистоты следовало бы, по-видимому, ввести дистинкцию между «вещью» и «денотатом», понимая под вещью не концепт, а нечто реальное, существующее в самом мире (но тогда уже точно «число» и «точка» не попадут в эту категорию), тогда как денотатом можно было бы назвать отражение вещи, т. е. её смысловой образ в сознании.

Существование смысла далеко не всегда обеспечивает существование денотата. Например, имена *«вечный двигатель»* и *«самая удалённая точка от поверхности Земли»* не имеют денотата. В обычном языке существует масса ирреальных имён (кентавр, русалка, леший, домовой), которые имеют денотат, но то, что они называют, не существует в мире. То же самое можно сказать о мифах, сказках, фантастических романах, насыщенных смыслами о не существующих объектах. Позже мы рассмотрим понятие пресуппозиции – некое допущение мысли или условие существования некоторого смысла. Например, сказочные тексты начинаются с предпосылки: *«В одном царстве, одном государстве жил старый король и т. д.»*, – которая является пресуппозицией допущения сказочных смыслов. Таким образом, для понимания имени первостепенное значение имеет смысл, денотат принципиально вторичен.

¹⁰ См.: Фреге Г. Указ. соч.

В последнее время в когнитивистике обнаружено более «хитрое» инверсионное отношение – существование лакун для имён. Существуют концепты, которые в принципе наделены смыслом и соответствующим денотатом, но для них в языке не существует предметных имён.

Так, существуют имена *«молодожены»* (супруги, недавно вступившие в брак), *«аборигены»* (коренные жители какой-либо местности), но не существует имён для отдельных концептов *«супруги, давно состоящие в браке»*, *«некоренные жители какой-либо местности»* (как противоположность имени *аборигены*). Это выглядит так, как будто в семантическом треугольнике Фреге пропала одна из вершин, символизирующая имя (знак), при сохранении мысленного образа и денотата.

По аналогии с анализом имён Фреге пытался рассмотреть и предложение. Под смыслом повествовательного предложения он понимает саму мысль, содержащуюся в нём, или, как он выражался, суждение. Например, суждение «В квадрате все углы прямые» утверждает наличие некоторого свойства у предмета. Нельзя сказать, что предложению соответствует некоторый денотат, скорее это понятие можно применить к грамматическому субъекту предложения, но не к суждению в целом. Видя эту трудность, Фреге принимает необычное решение: он считает, что в качестве денотата суждения можно принять его истинностное значение (ложь или истину). Эта экстравагантная идея Фреге не получила поддержки. Впоследствии некоторые исследователи вместо понятия «денотат предложения» предлагали ввести представление о «референтной ситуации»¹¹ или «положения дел в мире» (Л. Витгенштейн)¹². Правильнее надо сказать, что смыслы описывают «мыслимые положения дел в мире».

Следует отметить, что в первоначальных работах философов позитивистского направления (Пирс, Моррис) господствовало представление, что «смысл является функцией истинности». Таким образом, они боролись против «метафизических» теорий, не

¹¹ См.: Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова : психоаналитические исследования. М., 1971. С. 81.

¹² См.: Витгенштейн Г. Логико-философский трактат. М., 1958.

допускающих эмпирическую проверку. Они попросту считали их бессмысленными. Однако в настоящее время утвердилось представление, что смысл – это некоторое содержание мысли, инвариантное, безразличное к её модусам истинности/ложности. Позже это содержание назвали пропозицией. А это означает, что не истинностное значение предполагает существование смысла, а наоборот, истина или ложь зависят от смысла сказанного (т. е. суждения).

Фреге очень волновал вопрос об объективности или, вернее, общезначимости смыслов. Он подчёркивал, что в строгих науках (например, в математике, физике) мы можем добиваться большой строгости в определении смыслов и приходить к однозначному для всех пониманию, выносить суждения об истинности или ложности выражений. Но если признаётся, что смысл ментален, т. е. всецело находится в сфере сознания, то проблематичной становится его желаемая общезначимость для различных субъектов.

Немецкий логик стремился провести границу между субъективным и объективным на основе отделения и противопоставления умопостигаемого смысла и чувственного представления. Вот, что он писал по этому поводу: «У художника, наездника и зоолога с именем *Буцефал* будут связаны, вероятно, очень разные представления. Этим представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием, а не просто частью опыта одного человека. Именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению»¹³.

Другими словами, смыслы можно сделать общезначимыми, общепонятными, в этом плане они более объективны, чем чувственные представления. Чувственный образ Луны действительно варьируется от человека к человеку, но смыслы фраз «луна – естественный спутник Земли», «медь проводит электричество» понимаются людьми, знающими язык, одинаково.

Что же касается денотата, то здесь объективация, по мнению Фреге, доходит до предела: «Денотат знака – это вещь, данная нам в ощущениях»¹⁴. Правда, вещная (т. е. предметная) трактовка де-

¹³ Фреге Г. Указ. соч. С. 186.

¹⁴ Там же. С. 185.

нотата у Фреге размывается, становится неопределённой, когда он наряду с физическими вещами (такими, как Венера, Буцефал и т. п.) приводит в качестве примера денотатов числа, точки, т. е. весьма абстрактные объекты. Поэтому о вещах Фреге вынужден говорить в самом широком смысле слова, включая в них и класс *абстрактных вещей* или то, что в современной методологии называют идеальными (теоретическими) объектами. Более того, мы нашли у Фреге одно высказывание, которое легко можно было бы приписать Гуссерлю: «Когда мы употребляем слово обычным образом, его денотат – это то, что *мы имеем в виду* (курсив наш. – А. К.)»¹⁵. Однако существовать вещественно, реально и *иметь в виду* «нечто» – это весьма разные ипостаси проблемы существования, разводящие философов по альтернативным философским позициям. Это различие в трактовке денотата позднее проявилось более четко в философских дискуссиях.

Как мы уже отмечали, семантическая модель Г. Фреге является трехуровневой (имя – смысл – денотат). Если взять эту модель за некую систему отсчёта в развитии философских дискуссий, как это делает швейцарский философ Г. Кюнг¹⁶, то от неё идут две линии развития семантических представлений: одна – феноменологическая, где смысл становится базисной категорией, другая – аналитическая, в рамках которой была предпринята попытка элиминации категории смысла. В феноменологической традиции, по мысли Кюнга, имя всегда связывается со смыслами; в аналитической пытаются элиминировать смыслы, связав имена с эмпирическими наблюдениями (эмпирическими фактами).

Действительно, если мы обратимся к работе Б. Рассела «Исследование значение и истины» (1940 г.), то в ней почти не встречается понятие смысла. Предубежденность Рассела против термина «смысл» была обусловлена его крайним эмпиризмом. Наоборот, значение, понимаемое как соотношенность имени с объектом (т. е. денотативная проекция знака) имеет для него решающее значение. Дело в том, что понятие смысла, с его точки зрения, является субъективным, тогда как люди обычно понимают друг друга и это возможно только потому, что в именах кристаллизуется их

¹⁵ Там же. С. 184.

¹⁶ См.: Кюнг Г. Указ. соч.

общий опыт. В дальнейшем мы обратимся к феноменологической теории А. Шюца и его последователей, в которой и содержится (особенно в понятии типического) ответ на вопрос, почему люди понимают друг друга.

Установление первичных значений слов происходит, по Расселу, в объектном (эмпирическом) языке на основе чувственных ассоциаций слов с вещью: «Когда ассоциация установлена, объект подкрепляет слово, а слово – объект... Коль скоро связь между объектным словом и тем, что оно означает, установлена, слово делается “понятным” в отсутствии объекта»¹⁷.

Семантика означивания, по Расселу, является двухуровневой, поскольку он признаёт прямую связь (по крайней мере, первичных эмпирических имен типа «красное», «твёрдое», «тёплое») с чувственно ощущаемой вещью.

Категория смысла в качестве основания семантики для многих аналитиков являлась неприемлемой в силу очевидной ментальности смысла. Они старались избежать психологизма, субъективизма, которых не должно, по их мнению, быть в естественно-научной теории.

Позднее сам Рассел сделал очень много, чтобы вернуть понятие смысла в логику означивания имён. Рассматривая парадоксы в определении истинности суждения, возникающие вследствие неудачной референции имён (например, «Нынешний король Франции лыс», «Морской змей»), британский философ предложил дескриптивную трактовку имени. Дескрипция осуществляет переход (редукцию) от общего имени к индивиду. Сравним два высказывания: «дом является жилищем для человека» и «Иван жил в *маленьком доме на берегу реки*». В первом случае мы имеем дело с общим именем «дом», во втором – с составным индивидуальным именем «маленький дом на берегу реки», представленным дескрипцией (т. е. описанием) дома.

Следует отметить, что Фреге не совсем точно вводил представление о собственных именах, как имеющих единственный денотат. Под собственными именами в лингвистике всегда понимались имена (написанные с большой буквы), номинирующие лица,

¹⁷ Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999. С. 71.

города, реки и т. п. Существует довольно устоявшаяся точка зрения, что эти имена возникают в результате акта «крещения», на основе каких-либо юридических, социальных или ритуальных процедур. Подобные имена как ярлыки жёстко закрепляются за соответствующими вещами и сопутствуют любому упоминанию номинируемой вещи. Большинство философов считают, что собственные имена имеют денотат, но не обладают интенционалом (т. е. смыслом). Собственные имена не входят в словари и не нуждаются в переводе.

Индивидуальные имена (*корень квадратный из 25, воспитатель Александр Македонского, основатель идеалистической диалектики*) имеют единственный денотат. В лексических словарях все лексемы (т. е. слова) употребляются в статусе общего имени, чтобы получить из него индивидуальное имя, и необходима дескрипция, о которой говорил Б. Рассел.

Именно эти имена, по Фреге, имеют смысл, определяющий соответствующий денотат. Поскольку собственные имена можно дать только существующим лицам, городам, рекам и т. д., то при их употреблении в суждениях не возникают провалы истинности, тогда как при употреблении составных индивидуальных имён мы не застрахованы от этой опасности. Сравните два суждения: «Нынешний король Франции лыс» и «Франц лыс». Первое суждение мы не можем оценить ни как ложное, ни как истинное, тогда как второе обязательно будет либо истинным, либо ложным.

Индивидуальные имена имеют единственный денотат, а общие имена — экстенционал, т. е. они называют класс, состоящий из множества денотатов. Либо, наконец, возможны имена с пустым экстенционалом, не содержащим ни одного денотата (например, *вечный двигатель*). В речевой практике мы часто употребляем имена, не раскрывая с помощью дескрипций их смысла (например, «Всю ночь лаяла *собака*»), но отсюда не следует, что они не имеют смысла. Смысл в словах может существовать в *свёрнутом* виде, но если кто-то спросит, что значит слово в данном контексте, мы вынуждены будем *развернуть* смысл в определённой или неопределённой дескрипции.

Не принимал трехуровневую концепцию смысла и американский философ Х. Патнэм. Стремясь избежать «психологизма» в

определении референта имени, Патнэм подвергает критике интенциональную (т. е. смысловую) трактовку знака. С его точки зрения, невозможно удовлетворить одновременно двум исходным положениям теории Фреге: 1) интенционал связан с определенным психологическим состоянием субъекта; 2) интенционал имени определяет его экстенционал¹⁸. Предлагая операциональный подход к определению экстенционала, он стремится доказать, что экстенционал не зависит от интенционала. Когда мы говорим об именах веществ (*вода, золото* и т. п.), «значение имени не определяется концептом, находящимся в голове говорящего»¹⁹. Оператор Патнэма, называемый им *жестким десигнатором*²⁰, во многом похож на остенсиональное (т. е. указательное) определение имени и воскрешает старую теорию «крещения»: *это* (с указующим перстом) – *вода, это золото* и т. д.

Патнэм лишь несколько усложняет эту операцию крещения. С его точки зрения, увидев воду в стакане, мы можем взять её за образец и назвать её «водой». Затем мы начнём сравнивать эту жидкость с жидкостью в озёрах, льющемся дожде, реке и т. д. Если срабатывает оператор «*X та же жидкость, что и Y*» (вода в стакане та же жидкость, что и в озере), то, тем самым, по Патнэму, определяется экстенционал слова «вода», не прибегая ни к какому интенционалу²¹. Таким образом, сравнивая различные объекты и отбирая из них совокупности с одинаковыми свойствами, мы создаём экстенционал без всякого интенционала.

Однако Патнэм весьма переоценил операциональные возможности своего жесткого десигнатора. Дело в том, что патнэмовский оператор, по сути, сводится к тому же самому крещению: *это то же самое, что и это*. Однако подобный оператор неприменим к собственным именам (например – это Петр), не действует в означении индивидуальных имён, из которых собирается совокупность с общим именем. Не зная признаков определённого объекта, мы можем собрать целый калейдоскоп разнородных жидкостей

¹⁸ См.: Патнэм Х. Указ. соч. С. 378.

¹⁹ Там же. С. 390.

²⁰ См.: Кравец А. С. Жёсткий десигнатор // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия 1, Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 95–128.

²¹ См.: Патнэм Х. Указ. соч. С. 390.

(вода, ацетон, водка и т. п.), не образующих общего имени. А если знаем эти признаки, мы создаём дескрипцию, т. е. смысл, интенционал. Индивидуное имя всегда производно от общего имени и возникает путём стягивания (редукции) экстенционала к единственному денотату через уточняющую дескрипцию. Если мы впервые увидим пасущееся на лугу животное и определим остенсивно «*это лошадь*», то у нас не возникнет ни общего, ни индивидуного имени. Мы лишь дадим крещение увиденному животному с помощью имени, которое следует писать с большой буквы «Лошадь», т. е. дадим собственное имя. Естественно, увидев другое животное, даже очень похожее на прежнее, мы уже не можем применить к нему это же самое имя. Аналогична и ситуация с водой. Чтобы сказать, что «вода в стакане *та же*, что и в бочке», нужно всё-таки *знать*, что такое вода (как в стакане, так и в бочке). Сравнение предполагает знание свойств сравниваемых вещей. Такое знание и содержится в интенционале имени (например, *вода – это жидкость, молекулы которой содержат два атома водорода и один атом кислорода*).

Прямо противоположная позиция представлена в феноменологической традиции, в частности в феноменологии Гуссерля. Отметим, что в феноменологической традиции понятие смысла является базисным в трактовке значимости имён и более широко – человеческого бытия. «Между сознанием и реальностью, – писал феноменолог, – поистине зияет пропасть смысла»²². Источником смысла Гуссерль считал полагающее, интенциональное сознание. «Под интенциональностью, писал немецкий феноменолог, – мы понимаем свойство переживания быть сознанием *чего-либо*»²³. То, что переживается, мыслится, судится, на что направлено сознание (*cogito*), Гуссерль назвал нозмой, явно противопоставляя это понятие фрегевской трактовке денотата. Если у Фреге денотат – это некоторая вещь, то у Гуссерля нозма – это мыслимое, полагаемое, наделённое смыслом. По существу, феноменолог называет нозмой то, что в классической логике называли «предметом мысли».

²² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. С. 108.

²³ Там же. С. 184.

В ноэме объект переживания, наделённый смыслом, всегда остаётся «как подразумеваемый, представляемый и т. п., независимо от того, существует ли в действительности соответствующий объект или нет, ноэма есть сознаваемое как таковое»²⁴.

Наделённость смыслом, полагаемость, переживаемость – важнейшие черты ноэмы, подчеркивающие, по Гуссерлю, её отличие от физической вещи. Интенциональный объект, находясь в пределах сознания, является субъектом суждения, он на самом деле и репрезентирует в сознании то, что обычно в логике называют предметностью мышления. По мысли Г. Кюнга, ноэма и есть тот референт (денотат), который соответствует предметному имени, это «*интенциональный объект qua интенциональный*»²⁵.

Рассуждения феноменолога Гуссерля коррелируются с мыслями аналитического философа Витгенштейна. По мнению Витгенштейна, референт имени (он называет его значением) нельзя отождествлять с физическим объектом. «Когда умирает господин N, говорят, что умирает носитель данного имени, но не его значение»²⁶.

Следовательно, согласно Гуссерлю, не только смысл, но и полагаемый этим смыслом денотат (в его терминологии – ноэма) находится в пределах сознания. И здесь нельзя не признать правоту Гуссерля, поскольку, оставаясь в пределах языка, рассуждения, высказываемого смысла, мы всегда имеем дело с ноэмами. Это утверждение кажется каким-то трюизмом. Высказывание – это мысль, выраженная в языке, а мыслимое – это полагаемое, сознаваемое и т. п. И, оставаясь в сфере языка, коммуникативных актов, мы всегда остаёмся в пределах сознания.

Однако Гуссерль явно перегибает палку своим вычёркиванием (заключением в скобки) физического мира. Смысл возвышается над миром. Как говорил Л. Витгенштейн, «смысл мира должен находиться вне мира»²⁷. Но этот же смысл и соединяет человека с миром. Смысл вообще постоянно опосредует связь человека с ми-

²⁴ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 208.

²⁵ Кюнг Г. Указ. соч. С. 313.

²⁶ Витгенштейн Л. Философские работы : [в 2 ч.] / [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева ; вступ. ст. М. С. Козловой]. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 98.

²⁷ Там же. С. 21.

ром. Чтобы рассуждать о вещах, нужно построить смысл, иначе рассуждение не сдвинется с мёртвой точки. Но смысл, являясь умопостигаемой сущностью, обладает автономностью. Мы способны его развивать, выводить из него другой смысл. Вместе с именем мы вводим смысл, как это делал Демокрит, рассуждая об атомах, как это делает и современная физика, вводя в теоретический анализ понятия: «кварки», «чёрные дыры», «виртуальные частицы». И каждое имя корреспондирует с соответствующей нозмой, т. е. полагаемым, мыслимым, интенциональным объектом. Но когда-нибудь наступает момент истины, и нам приходится выявлять, чему в реальности соответствует этот образ, стоит ли за ним какая-либо вещь или нет.

Гуссерлевское понятие нозмы весьма существенно в понимании денотата, ибо, акцентируя интенциональность (направленность мысли) на денотат, оно проводит принципиально различительную черту между полагаемым (мыслимым) и реальным. Это различие доходит у него почти до абсурда, ибо в его феноменологической философии объективный (реальный) мир представлен как нечто метафизическое, недоступное нашему сознанию. Хотя феноменология Гуссерля имеет общие корни с трансцендентальной философией И. Канта в плане принятия трансцендентальных (априорных) структур человеческого познания, немецкий феноменолог нигде не ссылается на идеи Канта. И нам представляется, что он это делал сознательно. Кант не сомневался в существовании объективного мира, т. е. «вещи в себе», противопоставляемой им «вещи для нас», т. е. образам человеческого познания. Для Гуссерля всякая «объективация» (которую он называл реификацией; от лат. *re* – «вещь») мира в сознании является метафизической, не критической и невыполнимой. Также он не признавал (впрочем, как и Кант) и принципа отражения в познании, признавая конституированность познавательных идей нашим сознанием. По видимому, поэтому Гуссерль отказывался признавать аристотелевскую концепцию истины (как знания, соответствующего действительности), признавая лишь логическую (когерентную) истину. В своей ранней работе «Логические исследования» он писал, что такие смыслы, как «дважды два четыре», останутся истинными, если даже обрушится весь мир.

Конечно, Гуссерль не первый и не последний, кто исходит из принципов: 1) всё, что мы знаем о мире, заключено в нашем сознании; 2) выход за пределы сознания невозможен. И с этим можно согласиться. Но отсюда отнюдь не следует, что не существует объективной реальности, что в своем познании человек способен формировать истинное знание как в жизненном мире, так и в науке. Опираясь на проверенное знание о мире, человек успешно действует в этом мире и изменяет его. С нашей точки зрения, денотат, определяемый человеческим смыслом, конечно, является смыслообразом, но за ним может стоять как реальный предмет, так и ложное представление.

Не всё мыслимое является истинным, но кое-что из него, безусловно, соответствует реальности. Даже в простых высказываниях, обращённых к слушающему как «Открой дверь», «Поддай мне соль», выражающих просьбу, говорящий имеет в виду отнюдь не нозму, а реальную дверь, реальную соль и т. п. Если слушающий *на деле* выполняет эту просьбу, значит, он переходит в своих действиях от мыслимого к реальному предмету. Не случайно Г. Кюнг определяет нозму «как острие смысла, указывающее на определённую точку в физической реальности»²⁸.

Итак, мы установили, что существуют имена общие, индивидуальные и собственные. Лишь трактовка общих имён входит в толковые словари (лошадь, дом, бук и т. п.). Индивидуальные имена являются лингвистической конструкцией, т. е. словосочетанием, называемым обычно именной группой. Такую группу Рассел назвал дескрипцией. Они обозначают уникальный, единственный в своём роде объект, например, *самая высокая вершина в мире, первый космонавт* и т. п. Эти имена не входят в лексические словари.

Собственные имена пишутся с заглавной буквы, они также не входят в словари и не требуют перевода (*Москва, Сократ, Полкан и т. п.*) Присвоение собственных имён уникальным объектам и лицам напоминает «крещение», оно привязывает собственное имя наподобие ярлыка к называемому объекту.

Общее предметное имя коррелирует с термином «понятие», принятым в логике. Именно в логике были введены понятия ин-

²⁸ Кюнг Г. Указ. соч. С. 300.

тенсионала и экстенционала в качестве основных семантических характеристик. Интенционал выражает содержание понятия, его смысл, который задаётся классообразующим признаком. Большинство правильно построенных дефиниций предметных имён в толковых словарях соответствует указанному правилу: *бук – крупное дерево, растущее в гористых местностях с гладкой и крепкой древесиной; композитор – автор музыкальных произведений*; и т. п.

Интенционал предопределяет и экстенционал общего имени, т. е. то множество идентичных объектов, которые входят в характеризуемый класс, поэтому можно сказать, что экстенционал состоит из множества денотатов (иногда говорят «значений»). Предельными случаями экстенционала являются единичный и пустой класс: первый предполагает существование единственного денотата, второй – отсутствие каких-либо денотатов. Например, ирреальные имена *леший, домовой, русалка* и т. п. являются примерами представления пустых классов, так как у них отсутствует денотат. В принципе один и тот же экстенционал может определяться различными смыслами, т. е. иметь разные интенционалы. Например, *прямая – кратчайшее расстояние между двумя точками; прямая – линия, полученная в пересечении двух плоскостей*.

Семантика индивидуальных имён подобна семантике общих имён: они имеют смысл (часто называемый ещё *сигнификатом*) и соответствующий ему единственный денотат. Впрочем, как уже указывалось, индивидуальное имя может оказаться пустым, т. е. у него может отсутствовать денотат. Нетрудно увидеть, что индивидуальное имя получается из общего путём конкретизации его содержания, т. е. более уточнённой характеристики номинируемого объекта. В результате этой дополнительной характеристики, индивидуализации обозначаемого объекта происходит стягивание экстенционала к единственному денотату.

Наконец, собственные имена, по общему мнению лингвистов, не имеют смысла (безинтенциональны), а имеют лишь денотат. Они не могут что-либо *означать*, а могут лишь *обозначать* уникальный объект, т. е. как бы напрямую, минуя смысл, соотносятся с именуемым объектом. Свою привязку к уникальному объекту собственные имена получают в результате условной номина-

ции, сопровождаемой какими-либо юридическими или социокультурными актами, и далее эта прочная связка (жесткая десигнация) транслируется в коммутативных актах путём соответствующей презентации (наподобие процедуры знакомства с личностью).

Собственные имена действительно представляют собой особый случай. Признавая, что они возникают в результате особых актов номинации (наподобие крещения), мы не можем согласиться, что во всех случаях они не обладают смыслом. Следует различать два способа употребления собственных имён: 1) употребление в условиях непосредственного знакомства с номинантом и 2) в условиях неосведомленности о номинанте (например, когда мы встречаем неизвестные нам имена в историко-культурных текстах: *Платон, Наполеон, Троя*). В первом случае собственное имя не имеет для нас смысла, поскольку денотат называемого (лица, города) нам известен. Во втором случае мы ищем какие-либо разъяснения, комментарии по поводу значимости имён. Эти комментарии и являются *историко-культурным смыслом* собственных имён. Например, *Платон – древнегреческий философ, создатель идеалистической системы*; и т. п. Нашу концепцию подтверждают и примеры, приводимые Витгенштейном. Так он поясняет, что, встречаясь с именем *Моисей* в историческом тексте, мы даже не знаем, существовал ли такой человек в реальности, но имя имеет для нас смысл, задаваемый описанием его употребления в Библии: *Моисей – человек, выведший евреев из плена, давший им законы*; и т. д.

Таким образом, предметные имена (за исключением особого случая собственных имён) имеют два семантических измерения: смысл (сигнификат, интенционал) и денотат (экстенционал), причём первое предопределяет второе.

Совершенно иная ситуация возникает при определении смысла предикатных имён, выраженных прилагательными и глаголами. Их смысл поясняется в словарях через синонимы или перечисление способов употребления.

Вот некоторые из толкований, взятых из Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова:

Нежный. 1. Ласковый, проявляющий любовь. 2. Приятный, нерезкий, изящный. 3. Слабый, хилый, хрупкий.

Быстрый. 1. Скоро перемещающийся в пространстве. 2. Совершающийся в короткий промежуток времени. 3. Проворный.

Двигать. 1. Перемещать, толкая или таща. 2. Приводить в движение. 3. Шевелить, производить движение. 4. Направлять, заставлять идти вперёд.

Что же отличает предикатные имена от предметных имён? Из примеров видно, что предикатные имена имеют лишь одно семантическое измерение – смысл. Предикатным именам, выраженным прилагательными и глаголами, невозможно приписать денотативное измерение, поэтому говорят, что они не экстенциональны, а принципиально интенциональны. Правда, некоторые лингвисты пытаются распространить денотативное измерение и на предикаты, аргументируя это тем, что указанным именам что-то соответствует во внешнем мире: свойство, состояние, процесс и т. п. Против этого замечания трудно возражать. Однако из верной посылки о соответствии имен внешним реалиям, отнюдь не следует правильный вывод, что им соответствуют какие-нибудь денотаты.

Понятие денотата (а также экстенционала) принципиально связано с предметностью. Денотат имеет предметный статус, тогда как предикаты предназначены для выражения признаков, характеристик предмета. Именно поэтому предикатам нельзя дать определение через отнесение их к классу, как это делается в дефинициях предметных имён. Номинация через предметное имя предполагает предметность того, что именуется.

Предметность предполагает прежде всего *субстантивность*, понимаемую как основу, которой можно приписать свойства, и *экземплярность* именуемого, т. е. его выделенность, обособленность, автономность в мире вещей. Вычленение вещей в мире обуславливает их свойство *квантифицируемости*, *дискретизации* и *перечислимости*. Предмет всегда определён «в себе самом», как основа с принадлежащими ей свойствами, тогда как предикат принципиально не самостоятелен, «не существует в себе самом», а принадлежит всегда иному, т. е. предмету. Причём одно и то же свойство может принадлежать разным классам предметов. Например, *двигаться* может и планета, и машина, и животное, и человек. *Красное* не существует автономно, но существует *красная роза*.

Именно поэтому денотативная проекция не применима к предикатам, что, конечно, не перечёркивает связи предикатных имён с реальностью. Эта связь, безусловно, отражается в смысле (сигнификации) предикатных имён. Можно было бы утверждать, что они обладают смыслом (сигнификатом), но не имеют экстенционала (денотата). Однако это правило имеет свои исключения.

Первое. Необходимо отметить, что предикаты в предложениях могут выражаться отнюдь не только прилагательными и глаголами, но и существительными. Например, в предложениях: «*Сократ – философ*», «*Иван – врач*», – предикаты выражаются не признаковыми именами, а предметными (философ, врач), которые, конечно, обладают и смыслом, и экстенсионалом. В предложении: «*Вальтер Скотт – автор “Вэверлея”*», – предикат выражен именной группой, предполагающей существование денотата, т. е. единственного лица, являющегося автором «*Вэверлея*».

Второе замечание относится к существительным, образованным от глаголов и прилагательных, например, *плавание, нежность*. Хотя по форме подобные имена являются предметными, но, по сути, именуют некоторое состояние (свойство), в силу чего они не имеют денотативного измерения, т. е. не предполагают экземпляризации, квантификации на отдельные сущности. О них можно сказать так же, как о прилагательных и глаголах, что они имеют смысл, но не имеют экстенционала.

Следует отметить, что в семасиологии, изучающей образование и употребление смыслов в речи, удалось установить многие особенности словообразования слов, которые невозможно отобразить в логике, поскольку эта наука довольно абстрактна и вынуждена игнорировать многие особенности живой речи. Мы уже отмечали, что в речевых высказываниях предметное имя может становиться предикатом, и, наоборот, предикат может функционировать в качестве предметного имени (подлежащего). Например, *жить – значит любить*.

Было выявлено, что слова в языке образуют определенные концептуальные единства. Слова с общим интегральным признаком образуют семантическое поле, например, *плыть, двигаться, лететь* (общий семантический признак – *движение*). Слова, раскрывающие общую тему (например, *родство*), образуют темати-

ческое единство (*отец, мать, дети* и т. д.). Концептуально связаны синонимы (эквивалентные смыслы) и антонимы (противоположные смыслы), общее и единичное (*животное – осел*), часть и целое (*нос – лицо*) и т. д. Много внимания в лексикологии уделялось выявлению неоднозначности слова в различных контекстах. Например: 1) труба – музыкальный инструмент; 2) труба – длинный полый цилиндр; 3) труба – часть печной конструкции.

Важным аспектом изучения смысла является прагматика, позволяющая учесть коннотации смысла через отношение говорящего к сказанному. Например, явно просматриваются негативные коннотации в словах *негодяй, подлец* и положительные в словах *гений, интеллектual, добряк*. В употреблении таких слов говорящий не только обозначает денотат, но и высказывает своё отношение к лицу, о котором он говорит.

§ 2. Семный анализ слова

Плодотворным прорывом в семиологии стал семный анализ, позволивший вскрыть системный характер слова.

Семы – это составляющие семантические компоненты смысла слова. Например, слово «кобыла» содержит такие смысловые единицы: *лошадь + самка*; «холостяк» – *мужчина + взрослый + не состоящий в браке*.

Сема является минимальной дискретной единицей смысла слова. Состав сем выявляется в сопоставительном анализе различных группировок слов по критерию сходства и различия в их смыслах.

Так, при сопоставлении слов в группе «слесарь, токарь, учитель, врач» обнаруживается сходство в семантических компонентах *одушевлённое* и *лицо*, но по семантическому признаку «профессия» все эти слова будут различаться. Семы, совпадающие в группе слов, называются интегральными, а семы, различающие слова по смыслу, – дифференциальными.

Семный анализ позволяет не только расщепить смысл слова на составляющие, но и понять процесс слияния (синтеза) сем при образовании новых смыслов. Так, если взять в качестве исходных семы: а (*передвигаться*), б (*пешком*), в (*приблизиться*),

г (медленно), – то можно путём их комбинаций образовывать новые смыслы: (а•б) – *идти*, (а•б•в) – *прийти*, (а•б•в•г) – *при- тащиться*²⁹.

Разложение смысла слова на составные элементы (семы) в значительной степени зависит от целей анализа и является относительным, релевантным этим целям. Одни авторы вычленяют семы на основе категориального подхода, т. е. пытаются подвести семантический признак, входящий в смысл слова, под родовое понятие, как это делалось при классификации семантических разрядов слов. Например, слово «коробочка» будет содержать при таком подходе семы: *неодушевлённое, предмет, искусственное, материал изготовления, форма, размер, цвет*. Понятно, что при таком обобщённом подходе к вычленению сем для воссоздания целостного смысла слова необходима дополнительная конкретизация. Поэтому И. А. Стернин считает, что сема состоит из семантического признака (категориальное значение) и семантического конкретизатора. «Семный конкретизатор есть часть семы, конкретизирующая соответствующий семантический признак»³⁰.

В цепочке слов «девочка – девушка – женщина – старуха» обнаруживаются совпадающие (интегральные) семы (*одушевлённое + лицо + женского пола*) и дифференциальная сема *возраст*, но в каждом слове сему *возраст* необходимо дополнить семным конкретизатором (*детство, юность, зрелость, старость*). Иногда семный конкретизатор будет на последнем уровне различения смысла просто совпадать с самим словом. Например, для семы «форма» в качестве семного конкретизатора могут входить предикатные имена *круглый, овальный, квадратный*, для окраски – *яркий, пестрый, голубой*, для размера – *большой, маленький, огромный, крохотный*³¹.

Другие авторы стремятся обозначить сему, избегая расщепления на категориальный признак и семантический конкретизатор.

²⁹ См.: Гак В. Г. Указ. соч. С. 81.

³⁰ Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. С. 45.

³¹ См.: Там же. С. 45.

Например, березнячок – *берёза* + *лес* + *молодость* + *малая величина*³².

Семный анализ позволяет выявить иерархическую структуру смысла слова. В связи отдельных сем проявляются гиперогипонимические отношения, например, «лимонад» – *вещество* + *жидкость* + *напиток*. Наиболее общую, родовую сему называют архисемой: медведь – *животное*, стул – *мебель*. С точки зрения доминирования признаков в смысле слова различают ядерные и периферийные семы. Ядерные семы образуют исходную доминанту смысла, наиболее типичную и распространённую для его понимания. Например, в слове «сосед» обнаруживается ядерная сема «живущий в том же доме (по соседству)». Сема, дополняющая доминанту смысла, но не являющаяся обязательной, называется периферийной. Например, в слове «сосед» периферийной будет сема «хозяин соседней квартиры». Среди периферийных сем по степени их связи с основным смыслом различают семы автономные и вероятностные. Так, в нашем примере в сильной степени вероятной будет сема *знакомый*, а возможные семы *холостяк*, *старый*, *пенсионер* будут автономными. Архисема и ядерные семы характеризуют устойчивые, обязательные, повторяющиеся компоненты смысла слова, а периферийные (автономные и вероятностные) выражают вариативный аспект смысла слова, развиваемый в коммуникативных актах.

В семном строении смысла слова проявляется тонкая полевая структура языка. Слова оказываются связанными в определенные группы, внутри которых они соотносятся друг с другом по смыслу. Их связывают отношения тождества (синонимы), оппозиции (различаются по смыслу дифференциальной семой), противопоставления (антонимы и конверсивы: *великан* – *карлик*, *купить* – *продать*), трансформации (*добрый* – *добро* – *добряк*).

В семах отражаются не только присущие объекту или явлению признаки (позитивные семы), но и признаки, отсутствующие у них, но существенные для понимания смысла (негативные семы). Например, в слове «планер» ядерной негативной семой будет *безмоторный (летательный) аппарат*. В слове может выра-

³² См.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974. С. 9.

жаться конотативный (оценочный, эмоциональный) оттенок смысла, ср.: *человек* и *человечище*. Для некоторых слов оценочное значение в смысле является доминирующим, ядерным (*негодяй, подлец, гений*).

Уже в ходе исследования таксономии имён были обнаружены отношения сочетаемости и несочетаемости имён с предикатами. Семный анализ позволяет обнаружить тонкую структуру этой сочетаемости, поскольку наличие в слове определённых сем характеризует тот круг семантических признаков, которые могут сочетаться с данным словом. Чтобы охарактеризовать тот круг семантических признаков, с которыми можно сочетать данное слово, вводят понятие аспекта смысла (И. А. Стернин). Аспект смысла – это «совокупность сем, отражающих объект номинации с какой-нибудь одной стороны»³³. Например, в слове «студент» присутствуют семы, выражающие материально-вещественный аспект – *высокий, лежит, плавёт, упал*, биологический – *ест, спит, растёт, болеет*, социально-психологический – *читает, говорит, учится*.

Следовательно, понятие аспекта смысла вводит круг семантических признаков, которые могут быть присущи слову в определённых контекстах. Оно накладывает ограничения на сочетаемость слов. Так, можно образовать сочетание *высокий человек*, но нельзя сказать *высокая личность*, ибо в слове «личность» отсутствует материально-вещественный аспект, который наличествует в слове «человек».

Совокупность сем (архисемы, ядерные и периферийные семы) образует целостную семантическую систему смысла слова. Эта совокупность сем называется семемой. Следовательно, семема в потенции содержит полный смысл слова.

Вместе с тем в национальном лексиконе присутствуют одноимённые, но неоднозначные слова, ср.: *хворост*₁ («печенье») и *хворост*₂ («сухие опавшие ветви»); *труба*₁ («музыкальный инструмент»), *труба*₂ («длинный полый цилиндр») и *труба*₃ («часть печи, предназначенная для выхода дыма»); *голос*₁ («звук, произносимый гортанью») и *голос*₂ («манифестация личного мнения на

³³ Стернин И. А. Указ. соч. С. 51.

выборах»); и т. п. Хотя все неоднозначные слова в указанных группах принадлежат одной лексеме, их смыслы настолько различаются, что, кажется, готовы образовать самостоятельные слова.

Различные варианты смысла, содержащиеся в слове (внутри системы языка), получили название лексико-семантических вариантов³⁴. Каждый лексико-семантический вариант характеризуется собственной семемой. Безусловно, семемы, относящиеся к разным лексико-семантическим вариантам слова, пересекаются в каких-то семах, но общая сема отнюдь не является существенной. Например, в значениях *хворост*₁ и *хворост*₂ общей является сема «хрупкость», для *трубы*₁, *трубы*₂ и *трубы*₃ – сема «полость», для *голоса* в различных вариантах – сема «манифестируемое».

Таким образом, если брать слово (лексему) в системе языка (т. е. в потенциале возможных смыслов), то обнаруживается сложное иерархическое строение семантики (рис. 2).

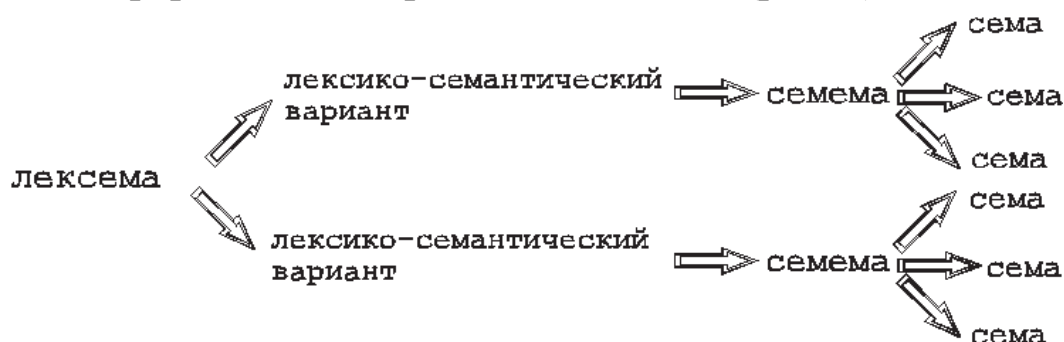

Рис. 2

В каждом конкретном высказывании реализуется не всё богатство смысла, представленное этой структурой, а определённые грани смысла слова, его конкретизированный и редуцированный к некоторому лексическому значению смысл слова, который называют ещё актуализированным значением. Каждое слово в лексиконе языка – это определённая тема для размышлений, развития смысла. Не случайно Филлмор указывал на сценарный состав слов³⁵. Например, слово «писать» вызывает в уме целую сцену: нахлынувшее воспоминание, желание исповедаться перед кем-то, образ знакомого адресата, сомнение, решение, выбор средств для

³⁴ См.: Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 32–35.

³⁵ См.: Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII: Прикладная лингвистика. С. 74–122.

выражения своих смыслов – *ручка, бумага, письмо*. Ярко эту творческую ситуацию описал А. С. Пушкин в стихотворении «Осень»:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.

Можно утверждать, что смысл слова – это всё то, что можно высказать на тему, заданную словом. Смысл слова высказывается в речи, коммуникативных актах. Слово способно порождать многозначный дискурс. Но именно поэтому анализ смысла постепенно переместился от слова к высказыванию (предложению).

Глава 2

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СМЫСЛА

Понятие пропозиции было связано с обращением семасиологии, а затем и логики к анализу высказываний, т. е. к речевой практике. Отдельное слово (в логике фигурировал термин «имя»), безусловно, имеет свой родовой (общий) смысл в *системе* языка, но оно не обладает коммуникативной целостностью в речи. Сказав отдельное слово (например, *слон, роза* и т. д.), мы лишь начали мысль, но закончили её. Мысль формируется предложением, в логике чаще говорят о высказывании. Более того, слова в высказываниях обрастают дополнительными смыслами (семами). Л. Витгенштейн утверждал, что смысл слов формируется в предложениях. Собственно говоря, эта идея образования смысла слов через дефинирующее высказывание уже была заложена в теории Г. Фреге, хотя сам он считал, что занимается семантикой слова (точнее, имён). Одним из первых о пропозиции заговорил Б. Рассел, когда обсуждал образование смыслов индивидных через дескрипцию. Он ввёл представление о том, что смысл индивидного имени задаётся пропозициональной функцией $p(x)$, которую можно трактовать как функцию, ставящую переменной x (аргументу) в соответствие некоторое свойство p (предикат). Если сравнить с предложением, то x относится к множеству предикат-

ных имён, которые имеют некоторое константное свойство p . По существу, формула « x есть p » по форме является прототипом минимального предложения, которое при подстановке предметных (обозначаемых x) и предикатных (обозначаемых константой p) имён выражает некоторый смысл³⁶. Если переменная x принимает конкретное (сингулярное) значение a , то получаем конкретное высказывание $p(a)$, обладающее смыслом. Например, если $p(x)$ функция, означающая «быть поэтом», а x – множество имён, то подставляя на место x имя «Пушкин», получаем истинное высказывание «Пушкин – поэт». В логике константную (но не функциональную) форму осмысленного предложения обозначают латинской буквой p . Это и есть пропозиция.

В лингвистике утвердилась другая форма обозначения единицы смысла – NP , где N обозначает предмет мысли, а P – его свойство. Пропозиция *высказывает* элементарный смысл, абстрактная схема которого сводится к предложениям: «Некто (нечто) (обозначаемое именем) имеет некоторое свойство (предикат)». В дальнейшем под пропозицией p , как в семасиологии, так и логике, стали понимать пропозицию как базисную инвариантную форму выражения смысла, абстрагированную от всех модусов выражения суждения. Другими словами, пропозиция – это не суждение, которое может быть истинным или ложным, а некая смысловая сущность, которая лежит в основе всех суждений. Чтобы получить суждение, нужно сначала образовать смысл того, что судится (утверждается, отрицается).

Пропозиция не всегда совпадает с предложением, она является инвариантной структурой в различных по форме, но несущих один и тот же элементарный смысл, предложениях. Например, в предложениях: *Приехал ли Пётр? Возможно, что Пётр приехал; Действительно, Пётр приехал; Хорошо, что Пётр приехал* – содержится одна и та же пропозиция «Пётр приехал». Следовательно, пропозиция содержит инвариантный смысл, элиминированный от модальной рамки, оценок, стилевых особенностей предложения. Вопросание, сомнение, утверждение, отрицание, повеление, пожелание, выраженные в высказывании, будут содержать одну и

³⁶ См.: Рассел Б. Логический атомизм // Аналитическая философия : становление и развитие : антология. М., 1998.

ту же элементарную форму – пропозицию, которая является его смыслом. Можно сказать так (по Витгенштейну): пропозиция выражает элементарное положение дел, соответствующее конфигурации NP .

Итак, пропозиция содержит имя N и предикат P . Имя завязывает *тему* смысла, предикат P – *рассказывает*, что происходит с N , т. е. развивает тему. Именно рема различает смыслы, которые могут относиться к одному и тому же предмету. Одно и то же имя N может участвовать в образовании различных пропозиций с помощью разных предикатов: $P_1, P_2, P_3 \dots$. Под предикатом P_0 мы понимаем родовой (определяющий) признак имени N , в отличие от других признаков P , входящих в иные смыслообразования с именем N (рис. 3).

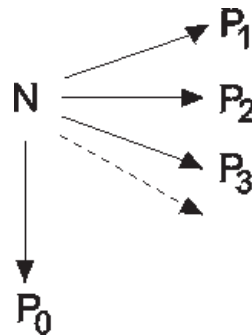

Рис. 3

По мере выявления богатства смысла слова постепенно приходили к убеждению, что смысл слова формируется употреблением его в речи. Но что значит «употребление в языке»? Употребить слово в речи – это значит, прежде всего, включить его в состав предложения, где оно будет выполнять определённую семантическую и синтаксическую функцию. Отдельное слово употребляется в редких и особых случаях, например, в ситуации диалога или так называемых односоставных предложениях. «Мысль, – пишет Г. Фреге, – есть смысл предложения». Ему вторит Л. Витгенштейн: «Только предложение имеет смысл, имя обретает значение лишь в контексте предложения»³⁷. Осознание этого факта привело к формированию пропозициональной парадигмы смысла.

³⁷ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. С. 13.

Пропозиция и предложение – соизмеримые сущности. И всё же между ними имеются различия. Пропозиция (от лат. *Proposition* – «основное положение, предпосылка») – это элементарная форма предложения, вернее, она является смысловым инвариантом различных форм предложения. Пропозиция характеризует элементарную смысловую связь имён и предикатов. В логике ей соответствует формула суждения «*S* есть *P*».

Но здесь следует ввести существенную поправку сказанного. Под суждением обычно понимают утверждение или отрицание некоторого положения дел. Предложение может выражать утверждение (*Я знаю, что Пётр приехал*), отрицание (*Не верно, что Петр приехал*), сомнение (*Возможно, что Пётр приехал*), вопрос (*Приехал ли Пётр?*), сожаление, просьбу, обещание и т. п. Пропозиция, как говорили средневековые логики, выражает диктум (содержание мысли), в отличие от её модуса (утверждения, отрицания, сомнения, вопрошания и т. д.). В наших примерах пропозицией является выражение *Пётр приехал*, т. е. элементарное содержание мысли, элиминированное от её возможных модусов. Именно поэтому, строго говоря, пропозиция не является ни ложной, ни истинной.

Пропозиция является элементарным смыслом, в котором субъекту высказывания (подлежащему) приписывается определённый предикат. Выразить смысл – значит, прежде всего, охарактеризовать некоторый признак предмета. Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» развивает свою концепцию языковых игр, согласно которой «ход» в языковой игре означает установление некоторого «положения дел» в возможном мире. Следовательно, смысл пропозиции в том, что она формулирует определённое положение дел в возможном мире. Именно так расшифровывает для себя слушающий (интерпретатор) простые предложения: *Мальчик бежит; Собака лает*.

Пропозициональная парадигма исходит из того, что смысл является некоторой конструкцией из имён и предикатов, обозначаемой *NP*. Мы понимаем смысл некоторой пропозиции, если понимаем смыслы и предметного имени *N* и предикатного *P*. Понимание зависит от языковой культуры слушающего или читающего фразу. Проиллюстрируем эту ситуацию на рис. 4.

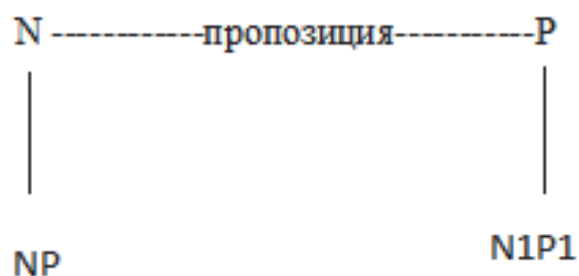

Рис. 4

Допустим, что посетители (папа и ребёнок) увидели вывеску в зоопарке «гиппопотам болеет», но она непонятна ребенку. Тогда папа поясняет, что слово «гиппопотам» можно перевести словом «бегемот», более понятным ребёнку. По существу, интерпретация упирается в новую пропозицию *NP*. Аналогично можно прояснять и непонятный смысл исходной предикации. Если и они будут непонятными, можно будет переходить к третьему уровню объяснения. Кажется, что связь смыслов может тянуться до бесконечности, однако психологи установили, что понимание сказанного (или написанного) обычно достигается уже на третьем уровне интерпретаций.

Почему же в практике обыденной речи мы не замечаем этой бесконечности смыслов? Да потому, что у пользователя языка существует своя концептосфера, определяющая смысл слов. Эти смыслы закодированы в лексиконе говорящего, они «свёрнуты» в часто употребляемых словах (дом, кошка, роза и т. п.). Лишь при встрече с незнакомым словом читатель пытается выяснить его смысл в словарях или у знающих людей. Вот тогда и происходит семантическая развёртка смысла через дефинирующую пропозицию или синонимы. Когда мы высказываем некий смысл на родном языке (например, *барометр указывает на бурю*), то мы не даём никаких поясняющих родовых интерпретаций употребляемых смыслов слов, т. е. общезначимых дефиниций (о которых говорил Фреге). Эти общие смыслы национального языка содержатся в памяти читателя (или слушателя). Затруднения возникают лишь при встрече с иностранными словами или профессиональными терминами.

Таким образом, в коммуникациях говорящий производит семантическую свёртку родовых смыслов, а слушающий — семантическую развёртку. Обычно, мы не замечаем этих процессов, по-

скольку наша коммуникация опирается на типические смыслы национального языка.

Пропозициональная парадигма позволила обнаружить тонкую органику смысла. Оказывается, что далеко не любые сочетания имён и предикатов могут выражать положение дел в мире. Некоторые сочетания имён и предикатов могут порождать пропозиции, которые нельзя интерпретировать как положение дел ни в одном из возможных миров. Например: *холостяк познакомил нас со своей женой, зелёные идеи яростно спят*. Именно о таких пропозициях говорят, что они бессмысленны.

Первым и необходимым условием образования смысла пропозиции является семантическая значимость исходных элементов высказывания, т. е. терминов пропозиции. Из бессмысленных терминов нельзя построить осмысленного высказывания. Однако это необходимое условие не является достаточным для осмысленного высказывания. Оказывается, что связь слов в высказывании подчиняется сложной иерархической структуре, накладывающей определённые запреты на сочетание слов.

Существуют две структурообразующие оси формирования высказывания, условно называемые вертикалью (парадигматический ряд) и горизонталью (синтагматический ряд). В вертикальном плане мы имеем дело с выбором подходящего предметного имени (лексемы) из возможного их набора, существующего в системе языка. Например, человек, слон, роза т. д. В горизонтальном плане выстраивается последовательность предикаций: Пётр (*спит, растёт, читает, отдыхает* и т. д.).

Осуществление выбора подходящей лексемы из парадигмального ряда осуществляется исходя из замысла сообщаемой информации и ограничивается законом семантической согласованности лексем, в частности имён и предикатов. Об ограничениях, существующих в сочетании имён и предикатов, было известно ещё Аристотелю. Если именем назван неодушевлённый предмет, то ему нельзя приписать свойства одушевлённого существа (нельзя сказать *камень ест, спит* и т. п.), для природного объекта нельзя подбирать предикаты, характеризующие разумность (например, *цветок думает, Полкан вычисляет* и т. п.) Предикатом *сушить* можно охарактеризовать всё, что мокро, *разводиться* можно толь-

ко со своей собственной женой (но не с любовницей), *красть* – только чужую собственность, *сыпаться* может только зернистая масса, *литься* – жидкость, *разбиться* – стекло.

В горизонтальном плане разворачивается синтагматический ряд, в котором каждое предыдущее слово в той или иной степени предопределяет появление последующего. Синтагматика управляет линейной последовательностью слов в высказывании. Синтагма связывает соседние слова определёнными смысловыми связями и синтаксическими отношениями. Существуют минимальные синтагмы со свободными переменными, допускающими выбор следующей за каким-нибудь словом лексемы (*собака лает, студент учится*) и синтагмы с жёстко связанными лексемами: *выйти в свет* (о книге), *гонка вооружений*, – вплоть до идиом, т. е. нерасторжимого единства лексем (*птичьи права, не бросать слов на ветер*).

В целом осмысленное высказывание в своём конструировании подчиняется трём программам: ***семантической согласованности, синтаксическому управлению и лексической сочетаемости.***

Семантическая согласованность является наиболее фундаментальной и критической для формирования смысла. Её нарушение наиболее чувствительно, ибо приводит к бессмыслице, абсурду. Семантическая согласованность обусловлена логикой отношения имён и предикатов, которая коррелирована с отношениями вещей и свойств в мире. Семантическая согласованность предполагает некоторую конгруэнтность (совпадение по семантическим признакам) смыслов, сочетаемых друг с другом лексем.

Семантически согласованные слова в высказывании как бы «зацепляют» друг друга смыслами, что особенно чётко выявляется в семном анализе слов. Существует правило: связь слов имеет смысл, если последовательные слова образуют общие семы. Например, выражение *фонема обоняла звук запаха* бессмысленно, хотя все слова, которые имеют общие семы (*фонема* – звук, *обоняние* – запах), не образуют синтагматической последовательности, а те, что её образуют (*фонема* – звук, *обоняние* – запах), не имеют пересекающихся, связующих сем.

Лексическая сочетаемость обусловлена языковыми конвенциями, присущими каждому национальному языку. Она не вы-

текает из логики отношения вещей и свойств (из логики мира), а выражает языковую традицию употребления определённых словосочетаний. Например, в русском языке один и тот же цвет по-разному называется применительно к различным предметам: *коричневое пальто, каштановые волосы, карие глаза*.

Синтаксическое управление организует *порядок* слов (их последовательность) в высказывании (предложении), а также отвечает за грамматическое согласование слов (по числу, падежу, роду, времени и т. п.). Помимо грамматического согласования в синтаксисе при разворачивании синтагматического ряда обнаруживается и более глубокий уровень управления, связанный с расположением слов на определённых синтаксических позициях. Например, глагол *арендовать* требует заполнения таких синтаксических позиций (валентностей), как: *что* (предмет аренды) арендуется – земля, *у кого* – у фермера, *на какой срок* – на пять лет, *за какую плату* – за пять тысяч долларов. Этот глубинный уровень синтаксиса, впервые обнаруженный в рамках порождающей (генеративной) грамматики (Н. Хомский, Дж. Миллер), уже нельзя отнести к чистому (грамматическому) синтаксису, поскольку он связан с необходимым *восполнением смысла*, его уточнением в синтаксических позициях. Это восполнение смысла рисует развернутый сценарий происходящего события, процесса. Поэтому на глубинном уровне обнаруживается связь синтаксиса с семантикой (смыслом) предложения³⁸.

Всё сказанное указывает на то, что смысл является *организованной* концептуальной системой и не сводится к простой сумме исходных слов. Смысл предложения является новой целостностью, не выводимой и не сводимой к простой сумме слов, взятых из лексикона. Смысл предложения обладает тонкой органикой, подчиняющейся трем перечисленным программам управления. Именно это, по-видимому, и имел в виду Витгенштейн, когда писал: «Предложение не смесь слов ... Предложение внутренне организовано»³⁹.

³⁸ См.: Хомский Н., Миллер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков // Кибернетический сборник. Новая серия. М., 1965. Вып. 1. С. 231–290.

³⁹ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. С. 21.

Таким образом, пропозициональная парадигма позволила увидеть структурную организацию смысла. Смысл – это конструкция правильной мысли, предполагающая внутреннюю согласованность её смыслоносущих элементов – лексем. Все правильные смыслы располагаются между тавтологией и абсурдом. Пропозициональная парадигма смысла до сих пор доминирует в логико-лингвистической литературе.

Глава 3

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ СЕМАНТИКИ: ДИСКУССИИ О МЕНТАЛЬНОМ И РЕАЛЬНОМ СМЫСЛАХ

В нашем тексте мы использовали много категорий, характеризующих семантические свойства высказывания. Некоторые из них излишни, ибо повторяют друг друга, выражая (по-разному) одну и ту же сущность. Эта излишняя множественность объясняется: во-первых, трудностями становления семантики как научной дисциплины, во-вторых, личностным подходом или концептуальной установкой авторов, не согласующих своё мнение с мнением других учёных.

В современной семантике по некоторым вопросам понятийного аппарата до сих пор ведутся споры. На самом деле, существующее разнообразие представленных семантических концептов можно разбить на два класса. Первый представлен понятиями «смысл», «сигнификат», «интенционал»; второй – понятиями «денотат», «референт», «референтная ситуация», «экстенционал». Существует ещё и часто употребляемое понятие *значения*, которое флюктуирует между этими двумя классами. Первый класс претендует на раскрытие смысла (имени или высказывания), второй класс указывает на те объекты, которые характеризуются смыслом (вещей, животных, людей, растений, событий, ситуаций, явлений, процессов, связей, отношений, всего того, что существует в мире или может существовать в нём).

Самая трудная и до их пор дискутируемая проблема состоит в решении вопроса о реальном (объективном) существовании того,

что представлено вторым рядом понятий. Что кроется под понятием денотат: реальный объект или только мыслимый? То же самое можно сказать о референтной ситуации. Характеризует ли высказывание *мыслимое* положение дел (термин Л. Витгенштейна) в мире или понятие референтной ситуации нужно относить к самому объективному миру?

Прежде чем обсуждать этот вопрос, нужно вернуться к разграничению смыслов отдельных слов, существующих в лексиконе нации, и высказываний, производимых говорящим. Существует, как мы уже указывали, два класса имён, различающихся семантическими функциями. Одни из них (предметные имена) выражают смысл предметов, другие – характеризуют предикаты (т. е. свойства вещей). Именно в словоцентристской парадигме появляется семантический термин *денотат*, который направляет смысл имени на какой-либо индивидуальный объект. В семасиологии до сих пор продолжается спор о том, является ли денотат реальным объектом или мыслимым, представляемым в сознании говорящего.

Например, в концепции Ч. У. Морриса⁴⁰ появляется противопоставление смысла называемого имени (он называл его *десигнатом*) и денотата, который, по мнению философа, является реальным объектом.

Если на крышке холодильника нарисована курица, то десигнатом этого знака (изображения) является курица внутри холодильника, независимо от того, есть она там или нет. Под денотатом изображаемого знака, по Моррису, следует понимать только реальную *курицу, находящуюся внутри холодильника*. По существу, Моррис пытался закрепить в терминах различие между мыслимым и реальным предметами, сопоставленными со знаком. Однако знак сам по себе, если он значим, не может, конечно, информировать нас о том, находится ли соответствующий ему предмет в реальном мире или только мыслится таковым.

В концепции Фреге всякое индивидуальное предметное имя обладает смыслом, которым его наделяет человек, и денотатом, трактуемым немецким логиком как *объект*, существующий в реальности. Вот его утверждение: «Денотат знака – это вещь, данная

⁴⁰ См.: Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / общ. ред. Ю. С. Степанова. М. : Радуга, 1983.

нам в ощущении»⁴¹. Нужно напомнить, что нарицательные индивидуальные имена, о которых говорил Фреге, образуются из сочетания слов, например: «первый человек, полетевший в космос» (денотат Гагарин), «первый президент Америки» (денотат Дж. Вашингтон), «чеширский кот» (денотат придуманного персонажа, фигурирующего в произведении Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»).

Рассел придерживался эмпирической (двухуровневой) позиции и считал, что если опыт подтверждает существование некоторого объекта, то он называется соответствующим именем, т. е. за именем существует реальный объект. Когда определяют общее имя, то обычно считают, что оно имеет интенционал (т. е. смысл) и экстенционал (т. е. множество денотатов, имеющих общий признак). В высказывании «Человек – существо разумное» экстенционалом являются все люди, если они все действительно разумные.

Помимо предметных имён в лексиконе существуют имена признаков, у которых отсутствуют денотаты, но эти предикаты (красный, твёрдый, бежит, тонет и т. п.) также отражают реальные свойства вещей, как и денотаты. Поэтому в семиологических исследованиях чаще стал появляться более общий (чем денотат) термин «референт», употребляемый для соотнесения любого имени с реалиями мира. В лексических словарях даются определения только смыслов общих имён.

В традициях лексикологии сложилась традиция толкования (интерпретации) смысла слов, существующих в национальном лексиконе, как раскрытия их *значения*. Причём совершенно не важно, является ли имя обозначением реального объекта (например, *дуб*) или ирреального (например, *колдунья*). Важно лишь то, что объясняемое слово существует в лексиконе нации. Это ещё один лексический термин, вносящий сумятицу в характеристику семантики имён.

Смыслы имён в лексиконе нации веками складывались в процессе коммуникации и жизненной практики, накоплений знаний о вещах мира и их свойствах. По большей части они отражали и ныне отражают реалии жизненного мира, но возникали и имена,

⁴¹ Фреге Г. Указ. соч. С. 185.

характеризующие субъективный мир (умный, дурак, сумасшедший и т. д.). Большое влияние на лексикон нации оказала религия, в которой появлялись сакральные имена (ад, рай, грех, спасение, крещение, исповедь, пророчество и т. д.). Это мы к вопросу о реалиях имени. В лексиконе нации до сих пор сохраняются так называемые иррациональные имена: леший, домовой, чёрт, русалка и т. д. Они могут выступать в качестве денотата различных мистических историй, но их не назовешь реальными объектами.

В исторической памяти сохранились греческие мифы, в которых, действуют мифические персонажи. Их имена в рассказанных историях часто выступают в качестве денотатов, ибо без денотатов невозможно сформулировать повествовательное предложение. Но все эти имена мифические. Индивидуальное имя «автор Одиссеи и Илиады» имеет денотатом человека по имени Гомер, но, как говорят историки, мы даже не знаем, жил ли такой человек в древние времена. Такая же ситуация возникла по поводу авторства Шекспира. Литературоведы до сих пор спорят по вопросу, кто же всё-таки написал известные произведения, приписываемые человеку, о котором мы ничего не знаем, кроме его имени.

Поскольку в нашем языке (как и любом другом) обнаруживается множество имён, не имеющих коррелята в реальности (таких как ведьма, русалка, домовой и т. п.), то в рамках семасиологии ввели более общий термин *референт*, характеризующий направленность смысла имени (его проекцию) на некий объект. Референт – это то, о чём говорится, и не важно, существует ли такой объект в объективном мире, или не существует. Референт – это конструктивный элемент семантической триады, введённой Фреге: имя – смысл – референт.

Следует отметить, что вопрос о том, что стоит за смыслом имени – реальный объект или мыслимый (ирреальный), – существенно зависит от развития культуры общества, накопленных знаний. Так, в средневековые времена считалось, что ведьмы реально существуют (они колдуют, наносят порчу на людей, общаются с дьяволом), но по мере десакрализации знаний слово осталось в лексиконе языка. Когда сегодня говорят о женщине, что она ведьма (например, *наша начальница – ведьма*), имеют в виду метафорический смысл, означающий дурной, зловредный, мстительный

характер упоминаемой женщины. Казалось бы, в науке все имена репрезентируют только реальные объекты. Но наука тоже развивается, как и вся культура, старые имена вещей уходят в небытие как не соответствующие объективной реальности, и приходят новые. Например, такие понятия, как эфир, теплород, флогистон, были элиминированы из современной физики, но остались в её истории.

Таким образом, у нас сосуществуют три семантических понятия, означающие примерно одно и то же: денотат, референт, значение.

В некоторых, работах отечественных авторов предпринимаются попытки различения смыслов этих понятий.

В работе А. А. Уфимцевой под денотатом предлагается понимать идеальный предмет, т. е. «предмет смысла имени», «типизированное» представление об уникальном или серийном предмете как целостной сущности», а под референтом – реальный предмет, соответствующий этому денотату, т. е. референт, выступающий «в роли его (т. е. денотата) конкретного экспонента в столь же конкретном высказывании в речи»⁴². В этом высказывании не ясно, как денотат превращается в референт, т. е. ментальное – в реальное.

Определение смысла слов даётся в лексических словарях. Они опираются на практику *употребления* слов в лексиконе нации, а не на какие-то научные изыскания объективной реальности тех предметов, которые именуются в лексиконе нации. Древние греки называли Венеру Звездой, которая появляется на небосклоне утром и вечером. Но после открытия Коперника стало ясно, что Венера является планетой. Но установила этот факт наука. То же самое можно сказать о бананах: это ягода (в научных дефинициях), а не овощ и не фрукт. Летучая мышь – не птица, а млекопитающее.

В жизненном мире большинство слов опирается на типичское их употребление в языке, и за этим обычно стоят реальные предметы, свойства, процессы и т. д. Но существуют слова ирреальные (русалка, домовой, чёрт, дьявол), мистические (колдунья), религиозные (ангелы), сказочные (волшебник, дракон) и т. п. За

⁴² Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 92–93.

ними стоит некоторый смысл, но нет ни реально существующих объектов, ни референта. Даже в науке существовали такие понятия, как эфир, теплород, флогистон, которые предполагали существование наименованных физических реалий. Однако впоследствии они были устранены из физики как не соответствующие природным объектам.

Следует заметить, что родовой (и типический смысл) слова является дефинирующим *высказыванием*, как и любое другое речевое высказывание, и в плане употребления одного и того же предметного имени в разных высказываниях (дефинирующим смысл имени и речевым его употреблением) ничего не меняется с точки зрения их соответствия реальности. Идеальное не превращается в реальное.

Прежде всего, следует различать отдельное слово и высказывание. Отдельное слово, в данном случае предметное имя, обладает смыслом, хранящимся в лексиконе нации. Смысл и есть идеальный образ именуемого предмета, стоящего за именем. Дефиниция этого имени (т. е. само определение слова) хранится в лексических словарях. Субъект, употребляющий это слово в своей речи, обычно знает (с той или иной степенью точности) смысл этого имени. Допустим, кто-то произнёс отдельное слово «слон». Это ещё не высказывание и не ясно, о чём далее будет говорить субъект, произнесший это слово. Только комбинация слов в предложении способна передавать мысль о чём-то. Но для понимания смысла отдельного слова необходимо воспроизвести в своём сознании дефинирующее высказывание о слоне. В нашем случае это будет такое высказывание: *слон — млекопитающее животное больших размеров, травоядное, имеющее хобот* и т. п.

Теперь я выстраиваю новое высказывание, в котором имя «слон» будет выполнять роль грамматического субъекта. Например, *слон, который живет в зоопарке, заболел*. Тогда идею автора можно трактовать таким образом. Как полагает А. А. Уфимцева, слово «слон» в дефинирующем высказывании является денотатом, а в другом становится референтом, т. е. в первом случае «слон» является ментальным образом слона, во втором — присутствует как реальный предмет. Что это за чудесное превращение ментального (образа) в реальный объект? На самом деле и то и другое вы-

сказывания являются ментальными образами, опредмеченными в словесной форме. Но мы можем говорить, что выраженное в словах высказывание соотносимо с реальностью, т. е. является истинным. В данном случае никто не сомневается, что слон существует в реальности. Но существуют высказывания и ложные. Например, *русалка полюбила юношу*. Здесь мы сталкиваемся с мифическим словом, не соотносимым с реальным миром. Обычно в лексических словарях указывается пометка: научное (слово), религиозное, устаревшее, мифическое и т. п.

Существуют высказывания, где вопрос об истинности является проблематичным. Например, *Иванов сообщил мне, что вчера в небе видел летающую тарелку*. Выказывание моего друга, например: *Во сне ему приснилось, что его выбрали академиком*, – никак нельзя назвать соответствующим реальности. Пока мы говорим, высказываем что-либо, мы имеем дело с мыслью. Реальный объект сам по себе *не существует*, не присутствует в самом высказывании, хотя может *подразумеваться* его смыслом. В высказывании существуют только ментальные сущности (смыслы имён), представляемые словами, а вопрос об их корреляции с реалиями мира не является лингвистическим вопросом, – это вопрос *гносеологический, познавательный*, связанный с познанием мира. Сколько бы раз мы не слышали высказывание многих людей: «Я видел снежного человека», – вопрос о подлинном, реальном существовании того объекта, который именуется словом «снежный человек», находится под сомнением.

В работе Е. В. Падучевой понятие денотата и референта разводятся таким образом. Автор предлагает применять термин «денотат» для характеристики имён вне контекста высказываний, т. е. для имён системы языка, а термин «референт» относить только к элементам конкретного высказывания. Ссылаясь на Л. Минского, она указывает, что понятие «denote» выражает двуместное отношение между языковым выражением и обозначаемым объектом, а «refer» подчёркивает, по существу, трёхместное отношение – третьим членом отношения является говорящий, субъект референции⁴³.

⁴³ См.: Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью : (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. С. 11.

Точка зрения автора близка концепции А. А. Уфимцевой и также представляется нам недостаточной, а вернее, запутанной. Что значит «слово» вне высказывания? Здесь возникает два варианта существования слова. Во-первых, «слово» само по себе существует в лексиконе нации и отображается в лексических словарях. Прежде всего, нужно отметить, что в словарях раскрывается общеупотребительный смысл слова. Предметное имя в словарях является общим именем класса каких-либо предметов, как одушевлённых, так и неодушевлённых. Смысл общего предметного имени определяется в словаре и является высказыванием. Например: *Дуб – род деревьев и кустарников семейства буковых*. По существу, мы имеем дело с дефинирующим высказыванием, абстрагированным от различных применений этого слова разными людьми в речи. Так что же скрывается за предметным именем (дуб): денотат или референт?

Если учитывать, что в данном определении дуба не представлены коммуниканты, т. е. оно существует в системе языка, то следует говорить (согласно Падучевой) о денотате, т. е. мысленном образе. Теперь представим, что в школьном классе учитель биологии говорит ученикам то же самое: *Дуб – род деревьев и кустарников семейства буковых*. Теперь для характеристики сказанного, по мысли автора, нужно употреблять термин «референт», поскольку тут задействованы три члена высказывания: имя, высказывание и учитель. Но это абсурд, когда один и тот же смысл характеризуется как разные по своей сущности представления о существовании предмета: в первом случае, по мысли Падучевой, – это идеальный (т. е. мыслимый) объект, во втором случае – это реальный, существующий в действительности объект.

С нашей точки зрения, семантические термины *денотат* и *референт* совпадают по своим семантическим функциям. Они в дефинирующем высказывании представляют мыслимый объект, соответствующий его имени. Что касается проблемы реального существования называемого объекта, то это вопрос об истинности тех или иных определений, выходящий за пределы лексикологии.

Помимо предметных имён существуют предикатные слова, которые характеризуют свойства предметов, события, процессы, состояния. Многие из этих смысловых характеристик предметов

соответствуют реалиям мира, к которым не применимо понятие денотата и чаще применяется термин «референт». Когда же мы характеризуем с помощью высказываний события, процессы, отношения в реальном (т. е. материальном, социальном и культурном) мире, логично использовать не понятие референта, а понятие *референтной ситуации*, которое соответствует (или не соответствует) этим высказываниям. Эта характеристика близка к выражению «*положение дел в мире*», введенному Витгенштейном.

Чтобы закончить тему множественности семантических категорий, существующих в логико-лингвистических дискурсах, остановимся на понимании весьма размытого термина «значения».

До сих пор мы избегали всяких рассуждений относительно термина «значение». И это неслучайно. «Значение» принадлежит к наиболее традиционным терминам лингвистики и логики, выражающим семантическую природу языка, и вместе с тем является наиболее запутанным, многозначным и неопределённым. По своему содержанию «значение» флюктуирует в научном дискурсе от прямого отождествления с понятием смысла до противопоставления ему в качестве понятия денотата. Не случайно американский философ Х. Патнэм отмечает: «Утвердившаяся в логике трактовка значения как двойственной сущности, обладающей экстенсионалом и интенсиналом, не отличается особой ясностью»⁴⁴.

В лингвистике наиболее традиционным является понимание значения как смысла, концепта, связанного со словом. В логике, наоборот, наиболее типичным является противопоставление смысла и значения. Последнее понимается как элемент из множества предметов, составляющих экстенсионал имени. Это означает, что всё множество значений составляет экстенсионал имени. Для индивидуального имени имеем единственное значение, т. е. денотат.

Поучительная история произошла с переводом фундаментальной работы Фреге «*Sinn und Bedeutung*». Для *противопоставления* смыслу (Sinn) немецкий логик использовал термин «значение» (Bedeutung), однако русский переводчик воспользовался более современным термином «денотат».

⁴⁴ Патнэм Х. Указ. соч. С. 377.

Многозначность термина «значение» отмечают многие исследователи. Например, А. А. Уфимцева замечает: «Категория значения передается в логической семантике следующими оппозициями: значение (Bedeutung) и смысл (Sinn) у Фреге, экстенсионал (extension) и интенционал (intension) у Карнапа, референция (reference) и значение (sense) у Куайна, денотат (denotatum) и сигнификат (significatum) у Черча, называемое (nominatum) и значение (connotatum) у Милля»⁴⁵.

Читая лингвистическую литературу, можно встретить и иные трактовки термина «значение». Смысл этого термина существенно меняется в синтагмах, конкретизирующих содержание обсуждаемого понятия. Например, говорят о *грамматическом значении* слова, имея в виду его принадлежность к частям речи (существительное, глагол и т. д.), *истинностном значении* высказывания, т. е. значении ложь/истина, *синтаксическом значении*, подразумеваемая синтаксические валентности слова, *прагматическом значении*, имея в виду отношение говорящего к высказываемому (например, *гнуснейший субъект, премилая дама*), стилистическом, риторическом и т. п. значениях (например, *буря страсти, испепеляющая любовь*). Кажется, будто слово «значение» является волшебной палочкой-выручалочкой для номинации тех значимостей в языке, для которых лингвист не может подобрать более подходящие слова. «Значение» практически «живет» одновременно в двух выделенных нами семействах семантических понятий, заменяя собой любой семантический термин. Наиболее подходящим местом для термина «значение» будет сама граница, разделяющая два семейства семантических понятий (рис. 5).

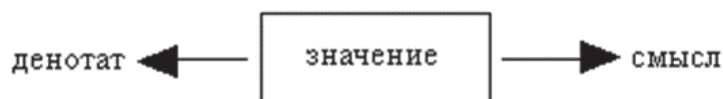

Рис. 5

На вопрос, что такое значение, можно было бы, не греша против истины, сказать: «Да это всё что угодно, любая возможная характеристика языковых единиц». Было бы значительно проще разбираться в лингвистических и философских дискуссии-

⁴⁵ Уфимцева А. А. Указ. соч. С. 5.

ях, если бы этот термин внезапно исчез из лексикона, но он существует! И из песни слов уже не выкинешь. Поэтому читателю, встретившему это слово в каком-нибудь тексте, можно только посоветовать тщательно разбираться, какой конкретный смысл обсуждаемого термина актуализируется в данном тексте. Мы надеемся, что наше обсуждение позволит ему как-то определиться в толковании неопределённого термина.

На развитие представлений о смысле и значении, особенно в нашей стране, большое влияние оказала отечественная школа психолингвистики, возглавляемая Л. С. Выготским. Следует сразу заметить, что, пытаясь различить понятия смысла и значения, наш известный учёный интересуется не столько семантикой языка, сколько психологическими аспектами речи и речемыслительной деятельности. Поэтому в семантическом плане он трактует и смысл, и значение как однопорядковые сущности. Другое важное замечание заключается в том, что Выготский в понимании языка был сторонником словоцентристской парадигмы, господствовавшей в его время. Это означает, что для него основным носителем смысла является слово. Именно по отношению к слову наш психолингвист и проводит различие смысла и значения. В настоящее время, как мы уже отмечали, словоцентризм вытеснен пропозициональной парадигмой, которая открыла дорогу к исследованию смысла в коммуникативных актах.

Основная идея Л. С. Выготского, касающаяся различения смысла и значения, сформулирована в следующем отрывке из его книги: «Смысл слова ... представляет собой совокупность всех *психологических фактов, возникающих в нашем сознании* (зд. и далее курсив наш. — А. К.) благодаря слову. Смысл слова, таким образом, оказывается весьма *динамичным, текучим, сложным образованием*, которое имеет несколько зон различной устойчивости. *Значение есть только одна из зон смысла*, который приобретает слово в контексте речи, и притом наиболее устойчивая, унифицированная и точная. Как известно, слово, в различном контексте легко изменяет свой смысл. *Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт*, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте... *Слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значе-*

ние. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла»⁴⁶.

В этой пространной цитате содержится больше вопросов, чем ответов. Вычленим основные инвективы в позиции Л. С. Выгот-ского.

1. Концепция Выготского намечает различие смысла и значения по линии объективное – субъективное: смысл – субъективное образование, значение – объективно. Эта позиция была более явственно артикулирована у последователей выдающегося психолингвиста.

Вообще говоря, проблема соотношения объективного и субъективного в языке и речи затрагивалась многими выдающимися теоретиками, но и до сих пор не получила удовлетворительного решения в силу прежде всего своей сложности и многосторонности. Язык, и особенно язык в действии (т. е. речь), является единством, двусторонним сплавом объективного и субъективного, не поддающимся сепарации, т. е. отделению друг от друга слоёв объективного и субъективного. Мы не имеем возможности обсуждать в данной работе эту сложную проблему. Отметим только некоторые весьма важные для разрешения данной проблемы вопросы, которые ещё ждут своего прояснения.

Прежде всего, нуждается в уточнении сама концепция «объективного» и «субъективного» по отношению к языку. Ведь язык вне человека не существует. В своём проявлении (в речи) он всегда является результатом коллективно-индивидуальной деятельности; это кентавр, в котором соединены коммуникативный опыт коллектива (нации) и языковая компетентность отдельной личности. Здесь нельзя провести черту по линии: коллективный опыт объективен, личностный опыт (языковая компетенция) всегда субъективен. Безусловно, в коллективном опыте закрепляются объективные моменты: расчленение мира в номинациях вещей, система валентностей отражает сценарный характер событий, семантическая согласованность воспроизводит логику отношений между вещами и их свойствами. Но и коллективный опыт обна-

⁴⁶ *Выготский Л. С. Мышление и речь : психологические исследования. М. : Лабиринт, 1996. С. 347.*

руживает свою субъективность в национальном менталитете, языковой картине мира. Существует много интересных работ по этой проблеме, стимулированных гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа. При этом, если бы в индивидуальном применении языка всё было бы субъективно, трудно было бы надеяться на взаимопонимание людей. Объективность языка находит своё проявление, прежде всего, в выражении, опредмечивающем мысль субъекта речи. Однако в выражениях скрыты намерения, замыслы говорящего субъекта, закодирована его мысль, являющаяся сгустком субъективности. Понимание языка, в свою очередь, основано на распредмечивании материальной формы выражения, переходе от материальной формы сообщения к плану сознания адресата, слушающего.

В то же время язык через мышление соединяет человека с миром, сквозь языковые выражения просвечивает структура мира (природного и социального). Эта проекция языка, безусловно, объективирует его понимание.

В языке можно зафиксировать совершенно чёткие параметры (маркеры) субъективности, присутствующие в высказываниях. Одним из таких маркеров является высказывание от первого лица, но существуют и другие параметры: временная форма глагола, разделяющая время на прошлое, настоящее, будущее по отношению к говорящему, наречия «здесь» и «сейчас», и т. п. Однако и самое личностное высказывание может быть понято другими благодаря существованию в языке общих законов (норм) семантики, синтаксиса и лексической сочетаемости. Личностное в языке не препятствует общезначимости понимания, если оно выражено в соответствии с общими нормами языка, а нарушение этих норм ведёт к абсурду. Поэтому нам представляется неплодотворной попытка на основе каких-либо априорных дефиниций заранее отделить (тем более на уровне слова) объективное от субъективного в языке. Сложная проблема соотношения объективного и субъективного в языке, имеющая много граней, не может быть разрешена путём априорных определений (типа — смысл субъективен, значение объективно), здесь требуется обстоятельное изучение всех разворотов этой проблемы в генезисе языка и его функционировании.

2. Вторая дистинкция, намеченная Л. С. Выготским, вводит отношение «общезначимое – индивидуальное». Именно это отношение последователь Выготского А. Р. Лурия считает критериальным для различения смысла и значения: «Под значением мы понимаем объективно сложившуюся в процессе истории систему связей, которые стоят за словом. «Значение» есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковым для всех людей...* Под смыслом, в отличие от значения, мы понимаем *индивидуальное значение слова*, выделенное из этой объективной системы связей...»⁴⁷

Итак, предлагается принять, что значение – это общезначимое содержание слова, а смысл – это индивидуально-личностное. Безусловно, в языковой практике постоянно сталкиваются и взаимодействуют между собой два начала: общезначимые смыслы слов и система правил их сочетания, с одной стороны, и индивидуально-личностное их осмысление, и применение в индивидуальной языковой практике – с другой. На поверхности лежит очевидный факт: вся нация владеет одним общим языком, но каждый владеет им по-разному. Не столь очевидно другое: как формируется эта общезначимость. Уже Соссюр пытался выявить данную закономерность формирования общих для всего коллектива (нации) значимостей в диахронии и синхронии языка.

Смысл слова, как мы уже отмечали, складывается в массовой практике его употреблений в речевой деятельности. Общезначимое и есть равнодействующая индивидуальных употреблений. Смысл всегда остаётся смыслом, и в том случае, когда индивид подчиняется норме, и тогда, когда он выходит за её пределы. Нормативное, общезначимое употребление слова, в определённом смысле, получило в лингвистике название узуального, в отличие от окказионального, отклоняющегося от нормы. Поэтому вряд ли стоит вводить дополнительные термины для выражения этого отношения.

Узуальный смысл получает свое закрепление в толковых словарях, легитимируется в реформах языковой системы. Со временем некоторые окказиональные смыслы могут закрепиться в

⁴⁷ Лурия А. Р. Язык и мышление. М., 1979. С. 53.

системе языка, стать нормой. Язык в своём функционировании является нерасторжимым сплавом коллективного языкового опыта нации и индивидуальной языковой активности личности.

Язык как система является коллективным достоянием нации. Он хранит в себе общезначимые смыслы слов и нормы их применения. Из потока речевых практик, текстов, дискурсов складывается равнодействующая общезначимого толкования смысла слова. Однако в речевых практиках встречаются неожиданные метафоры, вторичные смыслы, окказиональные употребления. Именно эта языковая активность пользователей языка обогащает систему.

Далеко не всегда личностное толкование смысла слова оказывается за пределами нормы. Скорее, наоборот, смыслы, хранящиеся в системе, чаще всего и воспроизводятся в речевых практиках. Дефиниции, которые закрепляют за термином «значение» только общезначимое, а за термином «смысл» только индивидуальное понимание слов, вносят значительную путаницу. Такая позиция противопоставляет язык как систему, являющуюся необходимой предпосылкой речевых актов, и индивидуальную языковую деятельность (т. е. речь). На самом же деле между двумя ипостасями языка существуют единство и органическая связь того и другого.

3. В концепции Л. С. Выготского проговаривается ещё одно отношение, которое может быть использовано для различения смысла и значения. Это отношение целого и части: «Значение есть только одна из зон смысла». Причём сказанное надо понимать так, что эта зона, являющаяся частью смысла, обладает некоторой устойчивостью, унифицированностью. «Значение ... есть тот неподвижный пункт, который остаётся устойчивым при всех изменениях смысла в различном контексте»⁴⁸.

По существу, выдающийся психолингвист поставил здесь проблему, которая блестяще разрешена в семном анализе слова. В ходе исследования смысла лексем, особенно их употребления в коммуникативных актах, был выявлен системный характер смысла слова. Смысл слова, с точки зрения семного анализа, содержит различные семантические компоненты (семи), образующие систему смысла.

⁴⁸ *Выготский Л. С. Указ. соч. С. 347.*

Кроме того, существуют многозначные слова в лексиконе. О таких словах лингвисты говорят (вопреки Л. С. Выготскому), что они имеют разные значения. Их называли лексико-семантическими вариантами слова⁴⁹.

Каждый лексико-семантический вариант слова наделён своей семемой (т. е. семьей сем). В речевой практике, в конкретном высказывании действительно реализуется определённая сторона смысла слова. Этот процесс получил название актуализации смысла слова в высказывании. Актуализация предполагает преодоление многозначности смысла за счёт выбора конкретного лексико-семантического варианта слова. Однако актуализация сопровождается также и отбором семантической компоненты смысла (т. е. семы), что придаёт высказыванию в целом вполне определённую смысловую направленность.

Раскрывая процессы актуализации сем, лингвисты часто используют термин «смысл» для всей совокупности семантических признаков, стоящих за словом, т. е. рассматривают смысл как систему сем, а актуализированные семы называют значением слова. Впрочем, встречаются и противоположные номинации, когда «значение» связывают со всем семантическим строем лексемы, а под смыслом понимают её актуализируемые семантические компоненты (семы). Это говорит об известной конвенциональности различения смысла и значения, хотя сам процесс актуализации и конкретизации смысла слова в высказывании не подлежит сомнению.

Итак, можно отметить, что Л. С. Выготский за термином «смысл» закрепил такие признаки, как субъективное, индивидуальное, варьируемое в трактовке слова, а значение слова связывал с объективным, типичным, инвариантным. Именно в лексических словарях определяется общий (родовой) признак слова, доминирующая архисема слова. Именно в лингвистических исследованиях возникла традиция называть значимость слова (т. е. отвечать на вопрос, что означает знаковое выражение слова) значением, тогда как в семиотике и логике то же самое называют смыслом.

Хотя многие вопросы, обозначенные в обсуждаемой концепции, были скорее прозорливо поставлены нашим известным учё-

⁴⁹ См.: Уфимцева А. А. Указ. соч.

ным, чем разрешены, в целом представленные им дефиниции смысла и значения оказались перегруженными различными признаками, далеко не всегда совместимыми друг с другом. Так, индивидуальное не всегда является окказиональным, но чаще всего бывает узואльным; инвариантное существует не только в лексиконе, но воспроизводится и в индивидуальной речи; объективное хранится не только в языке как системе, но объективным содержанием может обладать и авторская речь; и т. д.

Итак, подведём некоторые итоги дискуссии. Прежде всего, нужно различать семантические функции слова и высказывания. Слово – это строительный материал для образования высказывания. Он скрывается за предметными и предикатными именами. Можно метафорически сказать, что слова – это кирпичи для построения различных зданий. Слова имеют смысл и сохраняются в лексиконе нации. В лексических словарях отражается употребительный (типический) в обществе смысл слова. Обычно этот смысл выражается дефинирующим высказыванием (для предметных имён) или пояснениями характеристических признаков свойств, процессов, связей, отношений (для предикатных имён). Повторим ещё раз: смысл слова в лексиконе ориентируется на общее понимание индивидов в коммуникациях. Что касается представлений (о смыслах слов) отдельных индивидов в коммуникативной практике, то они зависят от знаний индивида, его образованности, грамотности и т. д. Поэтому индивидуальные толкования часто могут отклоняться от общеупотребительной практики. Отдельные слова в системе языка не истинны и не ложны, их смысл – общеупотребителен. Обычное (типическое) толкование смысла слов в лексических словарях часто подкрепляется их научными (сущностными) определениями, которые выступают в качестве корректировки смысла имени. Смысл отдельного слова автореферентен.

Что касается высказывания, то оно обладает холистской (целостной) природой. Это не сумма слов, а некоторая мысль *о чем-то*. Это *что-то* может являться описанием природных или социальных явлений, выражать наши чувства (*я тебя люблю, Елена*), содержать советы, просьбы. Только высказывания могут быть истинными или ложными. Именно высказывания являются личност-

ными конструкциями, в отличие от слов лексикона. Однако не каждое высказывание претендует на истину или ложь. Например, высказывание: *Открой форточку*, – обращенное к другу, не является не истинным и не ложным. Об этом мы поговорим позже, в рамках обсуждения деятельностной парадигмы смысла.

Глава 4

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СМЫСЛА

Мы установили, что в рамках словоцентристской парадигмы «слово» трактуется как исходный смысловой ресурс для конструирования личностных высказываний субъектов об объективном и субъективном мире. Данный ресурс находится в надличностной сфере общественного сознания, точнее, в системе национального языка. Этот язык человек (уже начиная с детского возраста) усваивает в процессе социализации. В то же время все смыслы слов опираются на «выказывание», характеризующее этот смысл. Его понятийным ядром, как устанавливает пропозициональная парадигма, является пропозиция *NP* (предметное имя – «предикат»).

Возникает философский вопрос: что первично в системе языка – слово или предложение? Какой бы вариант ответа на этот вопрос мы не выбрали, он заводит нас в тупик, и это свидетельствует о том, что, по-видимому, вопрос поставлен в корне неправильно. Он ставит нас перед альтернативой выбора, которая разрушает тонкую органику языка.

Без высказываний нет исходных смыслов слов, образующих это высказывание, а сами исходные смыслы слов опираются на пояснительные высказывания о смысле этих слов. Конечно, проблема значительно прояснилась бы, если бы мы знали историю возникновения первичных языков, но то, что мы знаем из современных исследований (антропологов и этнографов) способов коммуникации аборигенов в существующих племенах, свидетельствует о глубинной смысловой связи слов и высказываний. В своей генеративной теории смыслов Н. Хомский установил, что любое высказывание опирается на глубинную пропозициональную структуру языкового смысла. Известно, что в некоторых племенах

не существует глагольных форм, зато сами имена содержат характеристики состояний, называемых объектов. Хомский приводит пример разложения современной формы предложения: *Мудрый человек всегда добр*, – на две образующие пропозиции: *человек мудр* и *человек добр*. Если современный человек описывает состояние снега предложениями: *Снег выпал*; *Снег блестит*; *Снег тает*, – то у некоторых северных народностей используется именная форма характеристик: *падающий снег*, *блестящий снег*, *тающий снег*.

Попробуем разрешить проблему из логических предположений. Первое, что мы можем с уверенностью зафиксировать на основе предшествующего анализа, сводится к утверждению: нет высказываний вне слов. Высказывание строится из слов, представляющих собой исходные смысловые элементы. Из *ничего* (из терминов, лишенных смысла) нельзя построить *нечто* – осмысленное высказывание. Более того, мы выяснили, что высказывание не является даже суммой смыслов отдельных слов, а конструируется на основе иерархической программы связывания смыслов слов, их сопряжения в целостном высказывании, дающем элементарный (качественно новый) смысл. Итак, слова являются конструктивными элементами высказывания, которые должны быть *предпосланы* любому высказыванию.

Второй тезис, вытекающий из анализа смысла слов и не менее убедительный, сводится к тому, что смысл слова не существует вне высказываний, т. е. сам по себе, автономно. Смысл вообще имеет высказывательную природу, его основой является пропозиция. Всякий раз, когда от нас требуют разъяснить смысл отдельного слова, мы вынуждены прибегать к конкретизирующему высказыванию, т. е. раскрывать дефиницию его смысла.

Таким образом, мы вынуждены зафиксировать антиномическую природу структуры смысла: а) высказывание через слова; б) смысл слова через высказывание.

О чём это говорит? Это свидетельствует о том, что за основу модели построения смысла нельзя брать устоявшиеся стереотипы образов, вроде деталей детского конструктора, из которого собирается какая-либо машина, либо атомно-молекулярную модель (молекулы из атомов), либо образ вложенных друг в друга матре-

шек. Все эти модели основаны на идеи составимости «целого» из «частей», которые должны существовать отдельно, предшествовать целому. Но язык – это такая «хитрая» система, в которой «целое» и «часть» (если можно применить эту терминологию к языку) непрерывно переходят друг в друга. Часть, ассоциируемая со словом, содержит внутри себя нечто целостное (дефинирующее высказывание), целое (высказывание) строится из частей (слов).

Можно ли наглядно, модельно представить себе структуру, которая удовлетворяла бы сформулированным тезисам? Такой образ существует в топологии, он даётся односторонней поверхностью (лист Мебиуса). Лист Мебиуса получается, если тонкую полосу бумаги повернуть вокруг продольной оси на 180 и соединить в круг её концы. Получится вывернутый на полоборота круг. Если поставим карандаш на «верхнюю» поверхность образованного круга и опишем траекторию в 360 градусов, мы окажемся уже «внизу» поверхности, точно под верхней точкой. Продолжим движение в избранном направлении ещё на 360 градусов, и мы окажемся вновь «вверху», на исходной точке. Если разрежем лист Мебиуса, т. е. вновь образуем тонкую полосу, то увидим, что траектория, прочерченная карандашом, будет непрерывно располагаться снизу и сверху нашей полосы. Следовательно, двигаясь по листу Мебиуса, вы оказываетесь то «вверху», то «внизу». Правильнее сказать, что лист Мебиуса не имеет ни «низа», ни «верха», он является односторонней поверхностью.

Применим данную модель к решению нашей проблемы. Допустим, что на тонкой длинной полоске мы можем сверху написать все возможные высказывания, а снизу – все слова данного языка. Теперь образуем из этой полоски лист Мебиуса. Тогда двигаясь по поверхности листа кругообразно, мы будем неявно переходить от слов к высказываниям и от высказываний к словам (рис. 6).

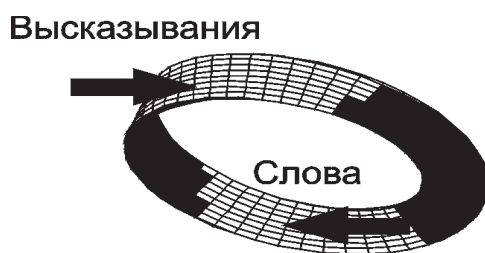

Рис. 6

Мы получили топологическую структуру смысла, в которой высказывания состоят из слов (имеют под собой слова), а каждое слово эксплицирует (содержит внутри себя) высказывание.

Высказывание, раскрывающее смысл слова, можно трактовать как семантическую развёртку. Семантическая развёртка является экспликацией смысла слова, а отношение между семантической развёрткой и самим словом является логическим эквивалентом. Когда мы строим некоторое высказывание из слов, то обычно в нашем лексиконе слова присутствуют с неявным (имплицитным) смыслом. Имплиcitный смысл слова, содержащийся в его смысловой потенции, представляет семантическую свёртку дефинирующего высказывания.

Движение по нашему кругу – от поясняющего высказывания к слову – соответствует семантической свёртке, а движение от слова к раскрытию его смысла в высказывании – семантической развёртке.

Язык в широком смысле существует, как известно, в двух своих неразрывно связанных ипостасях. Во-первых, язык существует в общественном сознании нации как система слов с правилами оперирования ими (язык в потенции), и язык функционирует в речевой деятельности отдельных индивидов. Указанная модель позволяет пояснить и эту взаимосвязь между двумя ипостасями языка.

В коммуникативной деятельности индивидов слова берутся из общенационального языка как предпосылочной системы исходных смыслов, и из них по законам семантической, лексической и синтаксической связи образуются высказывания. Эта операция соответствует движению по нашему кругу от слов к высказываниям. В процессе движения сами слова наполняются новыми смыслами: формируются новые периферийные семы, оттенки смысла, возникают переносные смыслы, окказиональное становится узальным, т. е. общепринятым, типичным. Обогащенные смыслом слова вновь возвращаются в потенциальную систему языка, в словарях фиксируются новые значения слов, отмечаются новые лексико-семантические варианты лексем. Таким образом, сама система языка, аккумулируя новые смыслы, постоянно обогащается за счёт речевой деятельности. И этот вечный процесс движения по

топологической структуре смысла непрерывно порождает новые высказывания и новые смыслы слов.

Конечно, вновь и вновь возникает роковой вопрос о «начале начал», о самом первом древнем языке. Что там было исходным: слово или предложение? По существу, этот исторический вопрос лежит за рамками нашего исследования. Однако хотелось бы отметить следующее.

Возможно, мы никогда не ответим на данный вопрос. Самая уязвимая проблема в этих спорах о «первичном языке» – неопределённость маркировки «начала начал», которая, по-видимому, весьма относительна. Если возвращаться вглубь истории, то где следует поставить границу, отделяющую «язык» животных от человеческого языка? Ясно, что «язык» животных принципиально отличается от человеческого языка, ибо в первом нет ни слов, ни высказываний. Человеческое слово всегда носит обобщённый и абстрактный характер. В системе языка существуют только общие имена, индивидуальные имена уже требуют описания. У животных нет слов, как и высказываний.

Все знаки в коммуникации животных непосредственно вплетены в ситуацию жизнедеятельности животных (охоты, угрозы, тревоги, брачных отношений, голода, жажды и т. п.), на что неоднократно указывали Л. С. Выготский и А. Р. Лурия. Вне связи с жизненной ситуацией эти знаки не обладают значимостью. Наоборот, человеческое слово наделено в своей потенции универсальным смыслом, т. е. носит обобщённый и общезначимый (для всех людей) характер. Но смысл человеческого слова может быть раскрыт только в поясняющем его высказывании, или этот смысл присутствует (особенно в личностном лексиконе) имплицитно, в семантически свёрнутом виде. Знаки животного репрезентируют его аффекты в жизненных ситуациях, слово человеческого языка обладает обобщённым и общезначимым смыслом, абстрагированным от конкретной ситуации.

Таким образом, не ясно, в каком смысле вообще можно говорить о первичном языке? Там, где нет обобщённых слов и высказываний, нет и человеческого языка, а там, где мы имеем дело с человеческим языком, высказывания строятся из слов, а слова раскрывают свой смысл через высказывания.

Глава 5

ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ПАРАДИГМА СМЫСЛА

Деятельностная парадигма смысла впервые отчётливо прозвучала в книге Джона Остина «Как производить действие при помощи слов», изданной в 1962 г.⁵⁰

Остин обратил внимание на то, что употребление многих слов и предложений в речевой практике может быть истолковано как реальное действие, но отнюдь не как описание существующего положения дел. К такому типу употребления предложений можно отнести высказывания:

Нарекаю этот корабль «Королевой Елизаветой»!

Виновен! (приговор судьи).

Аут! (решение арбитра).

Приказываю открыть огонь! (или «Огонь!»)

Увольняю вас с работы.

Объявляю собрание открытым.

Поздравляю с Днём рождения!

Обещаю отдать долг.

Подобного рода речевые акты Остин назвал *перформативами* (от *perform* – «представлять, осуществлять, исполнять»). Во всех приведённых примерах осуществляется действие с помощью слов. Эти действия что-то изменяют в социальном мире: приводят к новым социальным статусам людей (как в случае приговора судьи или увольнения с работы), вводят новую номенклатуру в названии улиц, городов, кораблей и т. д., побуждают людей к определённым действиям (приказ, просьба, мольба), возлагают на говорящего определённые обязательства (обещание, клятва, присяга), оказывают определённое ментальное воздействие на окружающего (выражение угрозы, предупреждение), а иногда просто выражают общепринятые этикетные (ритуальные) действия (поздравления, соболезнования, приветствия).

⁵⁰ См.: Остин Дж. Избранное. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с. ; *Его же*. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 22–129.

Поясним, в каком смысле слово становится действием. Высказывание: *Джон виновен*, – произнесённое его другом, является *описанием* события (по терминологии Остина, *констативом*). Оно просто фиксирует определённое положение дел, существующее с точки зрения говорящего. Однако слово судьи «виновен», произнесённое им в ходе судебного заседания, означает не описание факта, а установление, созидание, если угодно, конструирование нового социального статуса обвиняемого: из статуса подозреваемого приговором судьи он переводится в статус виновного. Даже если в ходе судебного разбирательства и была допущена юридическая ошибка, это не меняет сути дела: после того, как судья официально, в соответствии с процедурными правилами, вынес решение о виновности, подозреваемый *становится* виновным. Важно подчеркнуть, что без этого процедурного вынесения «виновен», подозреваемый всё ещё считается не виновным.

Аналогично, на трибуне зрители могут ожесточённо спорить, был ли вынесен мяч за линию футбольного поля, и это будет обычным (констатирующим) выяснением сути дела (факта). Однако заключение арбитра «Аут!» (или его жест, или свисток) не описывает, а устанавливает новое положение дел. Есть большое различие между высказыванием третьих лиц: *Пётр обещал вернуть долг*, – и высказыванием самого Петра: *Я обещаю вернуть долг*. В первом случае мы имеем дело с обычной констатацией факта, а во втором – с действием, которое может быть истолковано как взятие Петром определённого обязательства с вытекающей ответственностью.

Итак, уже можно провести демаркацию между обычными констативами (дескрипциями) и перформативами. Первые предполагают уже существующее до высказывания некоторое положение дел, если речь идёт о настоящем времени, и констатируют это положение дел. Если речь о событиях прошлого, то констативы также фиксируют положение дел, имевшее место в прошлом. Когда речь идёт о будущем, констативы прогнозируют будущее положение дел. Во всех этих случаях совершается приспособление слов к реальности. Когда же говорят о перформативах, то направленность приспособления кардинально меняется: теперь уже реальность приспособляется к словам. При наречениях, вынесениях

вердиктов говорящий своим речевым актом устанавливает новое положение дел в реальности, при угрозах, предупреждениях и т. п. он изменяет (влияет) на ментальность слушающего.

Из сказанного становится очевидным, что к перформативам не применима оценка истинное/ложное, которая справедлива по отношению к констативам. Последние вторичны по отношению к существующей реальности, и потому они могут соответствовать либо не соответствовать ей. Перформативы, наоборот, первичны: сначала идёт слово, затем возникает реальность, соответствующая слову. В случае перформативов мы сталкиваемся с автореферентностью соответствующих высказываний. Самим фактом произнесения слов в определенных обстоятельствах мы создаем референт, соответствующий высказыванию. Произнести: «Здравствуйте!» – означает не описать приветствие, а произнести его. Поскольку перформатив – это некоторое действие, устанавливающее новое положение дел, о нём нельзя сказать, что он истинен или ложен, как этого нельзя сказать о любом другом действии, например, забивании гвоздя или закрывании форточки.

Вместе с тем перформатив должен подчиняться некоторым правилам, нарушение которых подрывает его эффективность как реального действия. Только при выполнении определённых, конвенционально принимаемых в социуме правил употребление предложений может оцениваться как реальное действие, ведущее к определённым социокультурным последствиям, тогда как нарушение этих правил делает этот перформатив неэффективным. Для того чтобы перформативное употребление было успешным, «должна существовать принятая конвенциональная процедура, имеющая определённые конвенциональные результаты, включающая употребление определенных слов при определенных обстоятельствах»⁵¹.

В число условий, обеспечивающих успешность перформатива, входит, прежде всего, социальный статус лиц, ответственных за его употребление: уволить с работы может только начальник организации, объявить виновным – судья, отдать приказ – командир. В указанных примерах действие оказывается «пустым», не-

⁵¹ Остин Дж. Избранное. С. 35.

удачным, если его производят не уполномоченные конвенцией лица. Приказ друга, если он не является вашим командиром, отнюдь не обязателен для исполнения.

Для успеха действий необходимо также существование сопутствующих социокультурных обстоятельств, поддерживающих его. Так, вызов на дуэль в условиях XVIII века поддерживался европейской культурной традицией – в наши дни такой вызов будет отвергнут или осмеян. Объявляют войну, когда имеется какой-нибудь повод. Поздравляют с успехом, когда кто-то его добился. Выражают соболезнование, когда кто-то умер, но не наоборот.

Перформатив срабатывает, не даёт «осечки», если все участники коммуникативного акта осуществляют его корректно и полно.

Высказывание: «Я согласен взять в жёны *N*», – не является эффективным действием, если невеста во время брачной процедуры говорит: «Я не согласна». Если некто предлагает поспорить о чём-то на десять долларов, спор всё равно не состоится, если его никто не поддержит. Если кто-то говорит: «Я дарю тебе это», – в условиях, когда ему не принадлежит даримая вещь, действие оказывается пустым, неудачным. Таким образом, в отличие от констативов, которые могут быть ложными или истинными, перформативы оказываются *успешными* или *неуспешными*.

Особенно интересный случай представляют собой перформативы, включающие в себя описательную часть (дескрипцию). Например, высказывание: «Предупреждаю тебя, что во дворе находится злая собака», – содержит дескрипцию *во дворе злая собака*, которая сама по себе (вне перформатива) может быть либо истинной, либо ложной. Если во дворе нет никакой собаки, можем ли мы сказать, что предупреждение было ложным?

Сказать, что предупреждение было ложным, когда оно имело искреннее намерение, довольно затруднительно. Ведь предупреждение всё-таки было сделано. Остин склоняется к тому, что такое предупреждение следовало бы назвать «ошибочным»⁵².

Аналогичная ситуация возникает, если один из играющих в шахматы говорит: «Шах!», когда никакого шаха на доске не суще-

⁵² Там же. С. 56.

ствуется. Такого рода примеры свидетельствуют о том, насколько трудно иногда провести границу между констативом и перформативом. Например, высказывание «во дворе злая собака» может быть и перформативом, и констативом. Всё зависит от обстоятельств, целей и намерений высказывания. В случае констатива мы могли бы применить к нему истинностную оценку, а в случае с перформативом мы имеем дело с действием, к которому эта оценка не применима, зато можно сказать, что оно было ошибочным, напрасным, неэффективным (когда собаки во дворе не оказалось).

Наконец, нужно остановиться на важнейшем условии успешности действий, осуществляемых с помощью слов. Это условие заключается в *искренности* намерений говорящего. Искренность и может служить своеобразным аналогом истинности. Высказывания: «Я сочувствую Вам» (когда я вам даже не симпатизирую); «Я обещаю Вам» (когда я не намерен выполнять обещание); «Спорим» (когда я не собираюсь вступать в игру), – характеризуют неискренность намерений говорящего⁵³.

Высказывания подобного рода свидетельствуют скорее о несостоятельности перформатива. Эта несостоятельность становится особенно очевидной при фальсификации намерений говорящего, например, в высказываниях: «Я обещаю Вам это, но не сделаю это»; «Я прощаю Вас, но никогда не забуду вашего поступка». Подобные высказывания являются саморазрушающимися, парадоксальными. Поэтому о перформативах, в отличие от констативов, правильнее говорить, что они могут быть искренними и неискренними.

Дж. Остин попытался дать одну из первых типологий перформативов, которая впоследствии вызвала критику. Среди перформативов он выделил пять классов⁵⁴.

1. *Вердиктивы* выражают вердикты, выносимые уполномоченными лицами (судьей, арбитром и т. д.).

2. *Экзерситивы* воплощают властные функции (назначение, принуждение, совет, предостережение).

3. *Комиссивы* обязывают к чему-либо говорящего.

⁵³ См.: Остин Дж. Избранное. С. 45.

⁵⁴ См.: Там же. С. 125–126.

4. *Бехабитивы* характеризуют стереотипное (иногда ритуальное) поведение говорящего в определённых социальных условиях (извинение, похвалу, поздравление, соболезнование, проклятие, вызов).

5. *Экспозитивы* используются в действиях объяснения (*exposition*) и часто употребляются в дискуссиях или беседах (я утверждаю, отвергаю, признаю, отвечаю, докладываю и т. д.).

Эта типология, несовершенство которой признавал сам Дж. Остин, показывает, «как много имеется смыслов, в которых сказать что-либо и есть сделать что-либо»⁵⁵.

Одним из первых Дж. Остин стал различать три типа действий, осуществляемых при реализации речевого акта. Во-первых, говорение всегда есть *локутивное* действие, или *локуция*. Под локуцией понимается произнесение высказывания, «что включает употребление определённых звуков, определённых слов в определённых конструкциях и употребление их с определённым “значением” в любимом философами смысле этого слова, т. е. с определённым смыслом и определённой референцией»⁵⁶.

Другими словами, Остин подчёркивает, что без локуции перформатив вообще не может осуществиться, но, когда мы употребляем слова и словосочетания в составе высказывания, они всегда имеют смысл, который им традиционно придают люди, и определённую референцию. Например, высказывание: *Я обещаю вам вернуть долг* – слушающий интерпретирует таким образом: «Он сказал, что вернёт мне долг», – где *Он* реферируется к говорящему, *долг* – сумма денег, которую я ему занял. Конечно, произнесение звуков может быть простой тарабарщиной или бессмыслицей, например, *хливкие шорьки пырялись по наве*, но в таком случае, по Остину, мы не осуществили локуцию. Локуция представляет не простое физическое произнесение звуков, но всегда – осмысленное употребление слов и соблюдение синтаксиса.

Вместе с локуцией в речевом акте осуществляется *иллокутивное* действие, или *иллокуция*. Иллокуцию мы осуществляем, когда даём обещание, приказ, выносим вердикт, задаём вопрос, утверждаем нечто или отрицаем, т. е. действуем с определённым

⁵⁵ Там же. С. 84.

⁵⁶ Там же.

намерением. И здесь реализуется уже другой, *дополнительный смысл* высказывания по сравнению с локуцией. Можно сказать, что в иллокуции выражается определённое намерение, желание, цель говорящего.

Наконец, в речевом акте реализуется и действие третьего типа – *перлокутивное* (или *перлокуция*). Перлокуция есть воздействие речевого акта на слушающего, которое он воспринимает как угрозу, предупреждение, давление (приказ, просьба, совет), вопрос, требующий ответа, намёк и т. д. По существу, действия перлокутивного характера могут быть названы теми же самыми именами, что и иллокутивное действие. Только иллокуции связаны с намерением говорящего, а перлокуции – с тем эффектом, который оказывает речевой акт на слушающего.

Например, говорящий осуществляет локуцию: «Стреляй в неё!», – где «стреляй» означает *стреляй*, «в неё» – референцию к *ней*. Одновременно осуществляется иллокуция: говорящий намеревается заставить слушающего с помощью приказа (совета, просьбы) осуществить определённое действие. Результатом этого речевого акта является реальное воздействие на слушающего. Слушающий мог бы сказать, что *он* заставил меня (приказал, посоветовал, попросил) *застрелить её*.

По мнению Остина, между иллокуцией и перлокуцией имеется важное качественное различие. Иллокуция всегда конвенциональна, т. е. опирается на принятые в обществе правила выражения просьбы, приказа, вопрошания и т. д., тогда как перлокуция в принципе не конвенциональна. Ведь перлокуция – это, по существу, тот реальный эффект, который иллокуция производит на слушающего, если она проведена успешно. «*Перлокутивное действие*, – подчёркивает Остин, – то, что мы привносим или достигаем посредством говорения чего-либо, например, утверждение, принуждение, устрашение и даже, скажем, удивление или заведение в тупик»⁵⁷. Перлокуция – это то реальное давление, воздействие на слушающего, которое на него производит иллокутивный акт говорящего.

⁵⁷ Остин Дж. Избранное. С. 94.

Таким образом, Остин вскрывает в речевом акте три типа смысла, соответствующих локуции, иллокуции и перлокуции.

Деятельностная парадигма была развита далее в работах американского философа Джона Роджерса Сёрла. В центре внимания Сёрла оказались природа иллокутивных актов, их смысловая нагруженность, структура, типология и языковые способы их выражения.

Прежде всего, Сёрл обратил внимание на то, что любое высказывание (т. е. реальный речевой акт), помимо пропозиционального содержания *p*, имеет определённую функциональную направленность, т. е. *иллокутивную силу*.

Например, в утверждении *p* я выражаю убеждение, что *p*, верю, что *p*, считаю истинным *p*. В просьбе или приказе я желаю *p*, ощущаю потребность в *p* и т. д. Иллокуция всегда имеет определённый смысл, который очень близок к английскому глаголу *mean* («иметь в виду, подразумевать»). В иллокутивном акте реализуется намерение говорящего, тем самым обнаруживается тесная связь «между понятием значения и намерения»⁵⁸.

Для успеха иллокутивного акта говорящий обязан так использовать конвенциональные языковые средства, чтобы дать возможность слушающему понять свои намерения: «говорящий намерен вызвать определённый иллокутивный эффект посредством подведения слушающего к опознанию его намерения вызвать этот эффект»⁵⁹. Очень важно, что при анализе деятельностной природы иллокутивного акта оказывается необходимым учитывать не только намерения говорящего, но и ожидания (или предположения) слушающего. Таким образом, модель иллокутивного акта сводится к субъект-субъектным (говорящий – слушающий) отношениям. Так, при обещании говорящий полагает, что слушающий заинтересован в совершении определённого акта, что слушающий знает, что сам по себе (без взятия обещания) этот акт может и не произойти. Далее говорящий намерен связать себя обязательством совершить этот акт, и он должен дать возмож-

⁵⁸ Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 158.

⁵⁹ Там же. С. 165.

ность слушающему посредством произнесения определённых слов опознать своё намерение связать себя обязательством.

Иллокутивный акт, по Сёрлу, состоит из двух составляющих: а) иллокутивной цели и б) иллокутивной силы. «Так, смысл (*point*), или цель (*purpose*), приказа может быть охарактеризован как попытка добиться того, чтобы слушающий нечто сделал. Смысл, или цель, описания – в том, чтобы представить (правильно или неправильно, точно или неточно) некоторое положение вещей. Смысл, или цель, обещания – в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто»⁶⁰.

Иллокутивная цель в приказе и просьбе будут совпадать (добиться, чтобы осуществилось *p*), но вместе с тем они будут различаться по иллокутивной силе. Например, степенью принуждения слушающего, статусом говорящего и слушающего (приказать можно только подчинённому), стилем выражения (приказ обычно требует императива, просьба может быть выражена в форме вопроса: *Можете вы подать соль?*) и т. д.

В общем случае Сёрл устанавливает двенадцать значимых измерений иллокутивной силы, но важнейших из них три: *цель*, *направление приспособления*, *условие искренности*. По мнению американского философа, «иллокутивная цель – это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка»⁶¹.

Цель определяет тип действия, который мы производим с помощью иллокутивного акта. В *репрезентативах* мы сообщаем, каково положение вещей; в *директивах* – пытаемся заставить других совершить нечто; *комиссивах* – берём на себя обязательство совершить нечто; *экспрессивах* – выражаем свои чувства и отношения; с помощью *деклараций* мы вносим изменения в существующий мир. Таким образом, типология иллокутивных актов, по Сёрлу, существенно отличается от типологии Остина.

Важными для понимания смыслов иллокутивных актов оказываются и два других условия.

⁶⁰ Сёрл Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 172.

⁶¹ Там же. С. 194.

Рассмотрим различия в направлении приспособления между словами и миром. Одни речевые акты стремятся приспособить слова к миру (как это происходит в утверждениях, констатациях и т. п.), назначение других – приспособить мир к словам (например, просьбы, приказы, обещания). Различие в направлении приспособления Сёрл поясняет на следующем эффектном примере. Допустим, что некоторый человек получил задание купить в магазине продукты по списку, составленному женой. Предположим также, что за этим человеком следит сыщик и записывает всё то, что тот покупает. Корзина покупателя будет пополняться таким образом, чтобы все купленные вещи соответствовали словам списка, т. е. мир купленных вещей приспособляется к словам. Список сыщика, который следит за покупателем, обнаруживает другую направленность: от вещей в корзине к словам. Если покупатель обнаружит ошибку в выборе вещи, то он не зачёркивает слово, обозначенное в списке, а меняет вещь в корзинке. Сыщик, наоборот, заметив эту замену в корзине покупателя, исправит слово в своём списке.

Следующее существенное различие иллокутивных актов проявляется в психологических состояниях говорящего. Вот как определяет этот термин Сёрл: «Психологическое состояние, выраженное при совершении иллокутивного акта, – это *условие искренности* акта»⁶². Человек, констатирующий *p*, выражает убеждение, что *p*; в обещании выражается намерение сделать *p*, в просьбе выражается *желание (потребность)*, чтобы слушающий сделал *p*. По существу, в психологических состояниях, как их трактует Сёрл, проявляется мотивация речевого акта. Эта мотивация логически предпосылается цели (или смыслу самого действия) и не может находиться с ней в разладе, рассогласовании. В этом, собственно, и обнаруживается так называемая *искренность* иллокуции. Нельзя желать одного, а делать совсем другое. Поэтому неуклюже, нелогично звучит высказывание: «Я обещаю *p*, но не намереваюсь делать *p*»; или: «Я утверждаю, что *p*, но не верю в *p*».

⁶² Там же. С. 174.

Убеждение объединяет такие иллокутивные акты, как утверждения, констатации, декларации, объяснения, дедукцию и аргументацию. *Намерение* присуще таким актам, как обещание, клятвы, угрозы, проклятия. *Желание* лежит в основе таких актов, как просьбы, приказы, прошения, мольбы и т. п. *Удовольствие* мотивирует поздравления, пожелания удачи, приветствия.

Все три указанных измерения иллокутивного акта (цель, направление приспособления и условие искренности) задают логическую структуру иллокутивного акта. Так, структура репрезентатива включает цель: зафиксировать определённое положение дел. И эту фиксацию (констатирование) предполагается производить с различной степенью иллокутивной силы (утверждения, предположения, возможности, сомнения, отрицания). Направление приспособления в репрезентативах характеризует соответствие слов реалиям. Условие искренности реализуется в том, что говорящий убеждён в истинности *p* при утверждениях или в ложности *p* при отрицаниях.

В директивах логика иллокутивного акта другая. Целью здесь является воздействие на слушающего, чтобы он совершил *p*. Это воздействие может совершаться с различной степенью энергичности: через вежливое предложение сделать нечто, просьбу, приказ, мольбу и т. д. Направление приспособления характеризуется изменением мира в соответствии с директивом. Условие искренности состоит в желании (потребности), чтобы слушающий совершил *p*.

В работе Д. Гордона и Дж. Лакоффа обращается внимание на связь такого субъективного условия реализации речевого акта, как *мотив*. Мотив является основанием для действий субъекта и в общем случае выражает осознанную нужду в чём-либо. Мотивированность речевого акта как действия находится в необходимой связи с условием искренности. «Общая идея, – как отмечают авторы, – состоит в том, что, если вы подвергаете сомнению одно из условий мотивированности, вы тем самым подвергаете сомнению мотивированность самого речевого акта»⁶³.

⁶³ Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 283.

Например, просьба будет считаться мотивированной только в тех случаях, когда: а) говорящий имеет основание хотеть её выполнения; б) говорящий имеет основание считать, что слушающий может её выполнить; в) говорящий считает, что слушающий будет склонен её выполнить; г) говорящий полагает, что без этой просьбы самостоятельно он не сделает того же самого действия. Убеждение как иллокутивный акт мотивировано только в том случае, если говорящий верит (считает истинным) в то, что утверждается. Обещание мотивировано только в том случае, если у говорящего есть искреннее намерение его выполнить⁶⁴.

Мы видим, что в деятельностной парадигме по сравнению с пропозициональной существенно расширяются рамки понимания смысла высказывания. Пропозициональный подход вырывал смысл из контекста общения, т. е. исходил из некоторой идеальной конструкции предложения, выраженной формулой « S есть P », и потому смысл трактовался как мыслимое положение дел, выраженное в предложении. Деятельностная парадигма исходит из трактовки речевого акта как действия говорящего, направленного на слушающего. Она акцентирует субъективные аспекты смысла, связанные с намерением говорящего и пониманием этого смысла слушающим. Пропозициональный смысл не отрицается и не исключается деятельностной парадигмой, но входит в некоторое иллокутивное окружение. Если при пропозициональном подходе к смыслу ставился только один вопрос: «Что сказано?» (или: «Что означает сказанное?»), – и ответом на него было: «Такое-то положение дел», – то в новой парадигме возникают новые осмысленные вопросы: для чего это сказано, с какой целью, с каким намерением?

В общем случае намерение и цель говорящего определяют ту форму речевого акта, которую он выбирает, чтобы донести смысл сказанного до слушающего. Таким образом, сказанное должно находиться в соответствии с иллокутивной целью высказывания, однако существуют и весьма распространены *косвенные речевые акты*, в которых буквально сказанное отражает нечто совсем другое, нежели то, что имел в виду (т. е. смысл) говорящий. Анализ

⁶⁴ См.: Там же. С. 282.

косвенных речевых актов чрезвычайно важен с точки зрения понимания смыслов, адресованных слушающему. Вообще говоря, о косвенных смыслах в лингвистике говорят, когда за буквальным (произнесённым) смыслом стоит совсем другой первичный (мыслимый) смысл. Этот перенос смыслов (от сказанного к мыслимому, прямому) реализуется в намеках, метафорах, иронии. Об этих формах смысла можно сказать, что они являются иносказанием. Сказать, что *Петров – заяц*, – значит, употребить метафору, подлинный смысл которой заключается в том, что Петров – трусливый человек.

В косвенных речевых актах «говорящий произносит предложение, имея в виду то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием»⁶⁵.

Например, в высказывании: «Можете ли вы достать соль?» – буквально содержится вопрос, обращённый к слушающему, но обычно говорящий имеет в виду нечто другое, а именно – *просьбу* передать ему соль. Аналогично в высказывании «Вы стоите на моей ноге» имеется в виду не констатация положения дел, а нечто большее – *просьба* говорящего, обращённая к слушающему, убрать свою ногу.

Возникает вопрос, каким же образом слушающий может понять истинное намерение говорящего, закамуфлированное буквальным смыслом сказанного? Сёрл исходит из того, что в основе понимания лежит определённая стратегия построения умозаключений слушающим, которая, во-первых, включает установление того факта, что первичная иллокутивная цель отклоняется от буквальной цели, и, во-вторых – выявление самого содержания первичной цели⁶⁶.

Стратегия понимания косвенных смыслов демонстрируется Сёрлом на примере коммуникативного общения:

Студент *X* говорит: *Давай пойдём в кино.*

Студент *У* отвечает: *Я должен готовиться к экзамену.*

⁶⁵ Сёрл Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 195.

⁶⁶ См.: Там же. С. 200.

Хотя ответ *У* дан в утвердительной форме, на самом деле он является отклонением предложения *Х*. Каким же образом *Х* распознает ответ *У* как отклонение своего предложения? *Х* делает это на основе последовательных шагов умозаключения.

Шаг 1: учитывается контекст диалога, т. е. факты, касающиеся диалога. Рассуждения *Х* сводятся к следующему. *Я сделал У предложение, на которое он ответил утверждением, что ему необходимо готовиться к экзамену.*

Шаг 2: учитывается известный принцип кооперации коммуникантов, сформулированный Грайсом, суть которого сводится к тому, что коммуниканты стремятся к общей цели – взаимопониманию. Поэтому на каждом шаге коммуникативного поведения они делают согласованные, т. е. релевантные шаги в приближении к общей цели. Рассуждение *Х*: *Реплика У задумана как релевантная.*

Шаг 3: релевантный ответ должен принадлежать одному из следующих типов: принятие предложения, отклонение предложения, встречное предложение, обсуждение предложения.

Шаг 4: рассуждение *Х*: *Буквальное высказывание У не принадлежит ни одному из перечисленных типов, поэтому не является релевантным.*

Шаг 5: это решающий шаг в стратегии! Рассуждение *Х*: *но ответ должен быть релевантным! Остается предположить, что релевантный шаг скрыт за буквальным смыслом, необходимо найти эту первичную иллокутивную цель.* После этого шага стратегия понимания направляется на поиски первичной иллокутивной цели.

Шаг 6: принимаются общие фоновые знания, относящиеся к сути дела. Рассуждение *Х*: *Я знаю, что подготовка к экзамену требует продолжительного времени, но и посещение кинотеатра требует значительного времени.*

Шаг 7: вывод на основе шага 6. *Следовательно, У не может в пределах одного вечера и идти в кино, и готовиться к экзамену.*

Шаг 8: также опирается на некоторое фоновое знание о принципах речевого общения. Принятие некоторого предложения означает обычно взятие на себя определённых обязательств, т. е. является комиссивом. Это обязательство можно выразить путём

формулирования условий его выполнения. Рассуждения *X*: *У берёт на себя обязательство готовиться вечером к экзамену.*

Шаг 9: *следовательно, У будет готовиться к экзамену и не может принять моего предложения.*

Шаг 10: *следовательно, первичная иллокутивная цель У состоит в отклонении моего предложения.*

Анализ стратегии понимания косвенных речевых актов очень важен для трактовки феномена смысла. Ведь понимание есть, по существу, восстановление смысла сказанного, оно возможно в предположении, что говорящий ничего не говорит случайно. Восстановление скрытых, косвенных смыслов становится возможным, исходя из презумпции релевантности, т. е. соответствия, согласования мотивов, намерений, целей говорящего и способа выражения смысла. В тех случаях, когда буквальное выражение смысла «не вяжется» с логикой речевого общения (например, буквальный смысл не релевантен намерению), следует искать косвенный смысл сказанного, восстанавливающий эту релевантность. Для восстановления косвенного смысла чрезвычайно важными являются: общий контекст общения, фоновые знания и способность рассуждать логически.

Поскольку общение может рассматриваться как одно из проявлений целенаправленного поведения, постольку весьма существенное значение для понимания смысла речевого акта приобретает выявление *планов* коммуникантов в диалогах. Адекватная реплика слушающего в диалоге обычно опирается на распознавание цели говорящего и его плана действий. Обратимся, например, к элементарному диалогу, происходящему обычно между спрашивающим и отвечающим в справочном бюро железнодорожного вокзала.

Спрашивающий: *Когда отходит поезд на Монреаль?*

Отвечающий: *В 3:15, с 7-го пути.*

В этом примере сотрудник справочного бюро (отвечающий) выдал больше информации, чем эксплицитно запрашивалось клиентом. Из чего он исходил?

Поскольку диалог ведётся в определённых контекстных обстоятельствах (железнодорожный вокзал, справочное бюро), то можно предположить, что люди обычно запрашивают информацию для того, чтобы сесть на поезд или встретить кого-либо.

В нашем примере сотрудник определил цель запроса: клиент желает сесть на монреальский поезд. Наиболее часто клиенты интересуются ближайшим по времени поездом. Поэтому сотрудник взвесил ещё некоторые альтернативы, прежде чем выдать информацию о времени отправления поезда. Но вместе с тем он сделал кое-что и ещё: он проанализировал план клиента. Для того чтобы выполнить успешное действие посадки на поезд, человеку нужно преодолеть два препятствия: знать время посадки и путь, с которого отправляется поезд. Сотрудник, будучи предупредительным, своим ответом помогает клиенту преодолеть оба препятствия на пути выполнения плана, поэтому он сообщает информацию не только о времени отправления, но и о месте посадки.

Дж. Ф. Аллен и Р. Перро попытались построить простую модель диалога и проанализировать в ней роль выявления планов коммуникантов. Они исходили из следующих постулатов: «Люди – это рационально действующие существа, способные формировать и выполнять планы достижения своих целей. Они способны во многих случаях выводить (infer) планы другого действующего лица (agent), наблюдая за тем, как это лицо выполняет некоторые действия. Они способны обнаружить препятствия (obstacles), мешающие выполнению планов другого действующего лица»⁶⁷.

Обычное понимание плана состоит в том, что в нём учитывается последовательность действий, приводящих из исходного состояния мира в желаемое. Планирование подчиняется определённым правилам, которые обуславливают последовательность действий и связывают последние с достижением определённого результата. Например, если действующее лицо хочет достичь цели Е и к этой цели ведёт некоторый акт (т. е. действие), то данное лицо должно желать выполнения этого акта. Процесс построения плана движется от цели Е (желаемого состояния) к действию А, которое имеет Е в качестве своего следствия. Затем оцениваются предварительные условия для А. Если эти условия не осуществлены, то

⁶⁷ Аллен Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 323.

необходимо предпринять дополнительные действия по их реализации. Поэтому в плане появляются дополнительные подцели.

В диалоге наблюдатель (в нашем примере – сотрудник справочного бюро), прежде чем дать ответ, осуществляет процесс вывода (реконструкции) плана говорящего (в нашем случае клиента). «Этот процесс, – как отмечают авторы, – зависит как от знаний наблюдателя, так и от его убеждений относительно того, какие цели, скорее всего, преследует наблюдаемое действующее лицо»⁶⁸.

Модель диалога описывается следующим образом: «*A* преследует цель получить некоторую информацию; он намечает некоторый план (*построение плана*), предусматривающий обращение с вопросом к лицу *B*, ответ которого даст нужную информацию. Затем *A* осуществляет свой план, задавая *B* вопрос. *B* получает вопрос и пытается вывести план *A* (*процесс вывода плана*). В этом плане могут содержаться цели, которых *A* не может достичь без посторонней помощи. Они и будут *препятствием* в плане *A*. *B* может принять некоторые из этих препятствий в качестве своих планов и создать план их достижения. Как только *B* выполнит этот план, будет порождён его ответ».

Рассмотрим несколько усложненный диалог, происходящий на вокзале в Торонто, куда прибывают поезда из Виндзора и уходят на Виндзор. Допустим, что почти одновременно в Торонто приходит поезд из Виндзора и уходит поезд на Виндзор. Тогда происходит такой обмен репликами в справочном бюро:

- (1) Клиент: *Когда виндзорский поезд?*
- (2) Сотрудник: *На Виндзор?*
- (3) Клиент: *Да.*
- (4) Сотрудник: *В 3:15, с 7-го пути.*

Первая реплика анализируется таким образом. Клиент *просит* (иллокутивный акт) информировать его о времени виндзорского поезда. Сотрудник строит свои ожидания относительно цели клиента. Клиент может иметь цель либо сесть на поезд в Виндзор, либо встретить поезд из Виндзора. Поэтому он вынужден анализировать обе *альтернативы*. Поскольку на основе анализа инфор-

⁶⁸ Аллен Дж. Ф., Перро Р. Указ. соч. С. 323.

мации, содержащейся в вопросе (1), сотрудник не в состоянии предпочесть ни одну из альтернатив, то он на данном этапе принимает решение *принять* их обе в качестве интерпретации реплики (1). Далее сотрудник ставит перед собой цель разрешить неоднозначность выбора между альтернативами. Для этого он выполняет акт: задает вопрос клиенту, желает ли тот осуществить посадку на Виндзор (реплика 2). Цель данного акта – выбор между альтернативами. Клиент, в свою очередь, анализирует вопрос сотрудника, его цель и предпринимает действие (реплика 3) по информированию о своём желании осуществить посадку на поезд. Получив ответ «Да», сотрудник определяет цель клиента – сесть на виндзорский поезд. На этом этапе альтернатива выбрана, но сотрудник обнаруживает препятствие на пути выполнения плана клиента: чтобы успешно осуществить посадку, клиенту необходимо знать не только время посадки, но и её место. Поэтому он даёт предупредительный ответ, содержащий больше информации, чем запрашивал клиент (реплика 4).

Развитие диалога в значительной мере основано на *ожиданиях*, которые возникают у коммуникантов. Взаимопонимание в диалоге достигается на основе коммуникативной логики (Дж. Лакофф называет её «естественной логикой»), в которой умозаключения строятся на основе учёта намерений, ожиданий, целей и планов действия коммуникантов.

Подведём некоторые философские итоги. Что нового в трактовке загадочного феномена «смысл» даёт деятельностная парадигма?

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что деятельностная парадигма погружает смысл в мир человеческой субъективности в качестве важнейшей интенции деятельной сущности человека. В связи с этим особенно актуально звучат слова Л. Витгенштейна: «Смысл мира должен находиться вне мира»⁶⁹.

Словоцентристская парадигма трактовала смысл как отношение, возникающее между знаком (словом) и объектом. Пропозициональная парадигма подчеркнула, что это отношение опосредуется человеческой мыслью, которая характеризует некоторое

⁶⁹ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. С. 21.

«положение дел в мире». Обе парадигмы актуализировали объективный аспект смысла, его связь с реальностью, внешним миром. Этот аспект отнюдь не элиминируется в деятельностной парадигме, но он, говоря гегелевским языком, «снимается» в новом подходе, где под снятием следует понимать включение или погружение объективности в структуру человеческой активности, т. е. в сферу интересов, мотивов, намерений, целей деятельного субъекта. «Если логика, а также структурная лингвистика, первой половины нашего века (XX века. — *А. К.*), — как отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. П. Падучева, — стремились освободиться от говорящего субъекта и свести все свои содержательные категории к отношениям предложений в действительности и к отношениям между предложениями, то начиная с середины века организующим центром “смыслового пространства” стал человек со всеми его психологическими комплексами»⁷⁰.

В деятельностной парадигме слово (речевой акт) трактуется как действие. Слово является действием, потому что в речевом акте говорящий планомерно осуществляет свои цели и намерения для достижения определённого результата. Слово является действием потому, что оно обращено к слушающему, речевому действию (в диалогах) либо к материальному (открыть огонь, подать соль, уволиться с работы и т. д.). Успех действия (т. е. достижение планируемого результата) зависит не только от намерений говорящего, но и от ожиданий слушающего. Таким образом, деятельностная парадигма явно вводит новую субъект-субъектную (S-S) модель речевого акта. Высказывание в данной модели трактуется уже не как абстрактная сентенция, за пределами которой остаётся субъект, но как субъект-субъектное взаимодействие с помощью языка.

Как мы видели, действие с помощью слов может иметь различную направленность. Оно может приспособлять слова к миру, как это происходит в утверждениях и констатациях, но может и приспособлять мир к словам (в просьбах, приказах, вердиктах и т. п.).

⁷⁰ Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики : (вступит. статья) // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 8.

Субъект-субъектное взаимодействие основано на понимании; на феномене, тайна которого уже давно волнует человечество. Феномен понимания стал предметом рефлексии в довольно древней философской науке – герменевтике. Анализ речевых актов показывает, что в основе понимания лежит восстановление смысла сказанного. Деятельностная парадигма актуализирует глубокую укоренённость смысла в человеческом сознании. Для понимания смысла оказывается недостаточно установить его отношение к реальности (пропозициональное содержание). Не менее важным для принятия решения действующим субъектом является установление мотивов, намерений, целей говорящего. Действие с помощью слова детерминировано субъективной устремлённостью говорящего на результаты, как и ответная реакция слушающего.

Эта субъективная устремлённость, получившая выражение в иллокутивных актах, неотделима от смысла сказанного. Когда вам говорят: «Во дворе злая собака», – это не просто описание того, что находится во дворе. Вас предупреждают, воздействуя на ваше сознание, чтобы вы приняли разумное решение. И вы принимаете сказанное как руководство к действию, лишь раскрывая, восстанавливая смысловые интенции сказанного, т. е. намерения, мотивы, цели говорящего.

Иллокуция обнаруживает себя, прежде всего, благодаря конвенциональным правилам своего выражения. Говоря об иллокуциях, следует различать два типа этой конвенциональности: языковую и социокультурную. Первая проявляется в общепринятых языковых формах выражения иллокутивных актов, которые служат лингвистическими индикаторами намерений говорящего, своеобразными маркерами просьбы, приказа, совета, вердикта, утверждения и т. д. Второй тип конвенций коренится в социокультурных условиях и традициях. Приказ может отдать лишь начальник подчинённому; равного по рангу можно лишь попросить; совет дают знакомому или другу; вердикт выносит судья; и т. д. Действие с помощью слова подчиняется установленным в обществе нормам (моральным, правовым, профессиональным, религиозным)⁷¹.

⁷¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Вместе с тем следует различать выражение иллюкуции в иллюкутивном акте и психологические состояния субъекта, лежащие в её основе. Если первое подчиняется конвенциональным правилам, то второе, как нам представляется, является имманентной сущностью человека волящего (т. е. человека, обладающего волей), желающего, верующего, намеревающегося. Когда человек выражает в слове убеждение (т. е. определённую иллюкуцию), то он действует в соответствии с определёнными социокультурными конвенциями, но вера, лежащая в основе манифестируемого убеждения, не является конвенцией. Когда человек выражает просьбу, то его намерение манифестируется в языке в соответствии с принятыми конвенциями, но само состояние нужды субъекта, мотив его просьбы отнюдь не являются конвенциональными.

То же самое замечание касается перлюкутивного эффекта. Воздействие, оказываемое на слушающего с помощью слова, подчиняется конвенциям первого и второго рода, особенно это проявляется в таких актах, как просьба и приказ. Однако слушающий обладает самостоятельной волей, он может не выполнить приказа, противоречащего его моральным убеждениям, не удовлетворить сомнительную просьбу. Следовательно, намерения слушающего имеют суверенные, глубоко личностные мотивы. Особенно ярко проявляется имманентная укоренённость ожиданий, намерений, мотивов, действий слушающего в его реакциях на угрозу (возникает состояние тревоги); извещение о смерти близких повергает его в отнюдь не конвенциональную печаль.

Из сказанного следует, что в смыслах существует трудноразличимая граница между неявным и явным. Явное в смысле манифестируется с помощью слов, оно понимается слушающим на основе принятия им системы социокультурных и языковых конвенций, а также фоновых знаний. Неявное в смысле – это прежде всего неманифестируемое. Относительно скрытых, глубоко имманентных интенций и намерений говорящего слушающий может делать лишь некоторые предположения, т. е. может строить импликации. Однако эти импликации обычно исходят из некоторых стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определённых обстоятельствах. По существу, это означает, что неявное становится понятным, эксплицированным лишь по-

стольку, поскольку мы можем подвести природу неявного под стереотипные схемы поведения человека. Именно стереотипными установками объясняется принятие известного условия искренности в иллюкутивных актах: если я нечто обещаю, я намерен это выполнить, если я нечто прошу, то я в этом нуждаюсь.

Теперь мы хотели бы наметить здесь проблему обсуждения самого понятия «психологическое состояние» субъекта. Этот термин является общераспространённым в западной литературе при анализе речевых актов.

Речь идёт о том, что, говоря о смыслах, следует различать психологическое состояние и сознание субъекта. Возможно, для многих – это одно и то же. Почему всё-таки важно провести здесь различие? Дело в том, что, по нашему глубокому убеждению, смысл лежит в плоскости интеллигибельной, т. е. осознанной, продуманной, рациональной деятельности человека, в отличие от чувственных настроений, эмоций, аффектаций.

Человек может испытывать необъяснимые для него чувства тревоги, печали, радости, тоски, фрустрации и т. д. Именно для такого комплекса феноменов лучше всего подходит термин «психологическое состояние». Такого рода чувства и аффектации не упорядочены смыслом, и поэтому необъяснимы как самим обладателем этого состояния, так и тем более внешним наблюдателем.

Упорядочение, или наделение смыслом, намерениями, убеждениями, целями начинается с их о-сознания, т. е. предполагается определённая рефлексия разумного человека по отношению к своим интенциям. Рефлексия как работа ума – отнюдь не только привилегия философа. Рефлексия как о-смысление своего внутреннего «я», своих внутренних психологических состояний присуща любому разумному человеку. Другими словами, рефлексия и осознание наделяют мотивы и намерения определённым смыслом, т. е. переводят их с уровня психики на уровень сознания. Осмысленная деятельность – это совершение акта поступания, делания со смыслом, осознанием того, что я хочу, желаю, на что надеюсь, в чём нуждаюсь, во что верю и т. п. Именно потому, что в деянии намерения, убеждения, мотивы имеют смысл, они понимаются, «прочитываются» в речевом акте точно так же, как они «прочитываются» в предметной деятельности человека.

Важнейшая черта смысла, проявляемого в деятельности человека (и, конечно же, это относится и к речевому акту) – его закономерность и целесообразность. Действие устремлено на получение определённого результата, оно развивается по плану, где каждый шаг в его реализации приближает нас к цели. Поэтому о смысле говорят, что он рационален, продуман, спланирован, а об абсурде – что он иррационален, лишён смысла. Не случайно символом абсурда становится Сизифов труд, вечное стремление к недостижимой цели.

Как в предметной деятельности цепочка «мотив – цель – план – средство – действие» образует гармонию, согласованность всех ее элементов, так и в речевом акте *мотив – намерение – цель – способ выражения* образуют единую смысловую цепочку.

Таким образом, в речевом акте наделены своим специфическим смыслом все его отдельные компоненты: мотив – как осознание нужды и деятельности; намерение – как определившееся стремление действовать в определённом направлении; цель – как образ желаемого будущего (т. е. результата); план – как продуманная схема всей деятельности, направленная на получение конечного результата. И вместе с тем речевой акт объединяет все эти смыслы в едином деятельностном контексте – от мотива до конечного результата. В этом отношении речевой акт обладает целостным холистским смыслом. Именно потому, что существует эта наделённость смыслом речевого акта, его способны понимать слушающие.

В силу своей рациональности речевой акт подчиняется определённой коммуникативной логике, которая аналогична формальной логике, всё же существенно от нее отличается. Дж. Лакофф назвал её «естественной логикой», т. е. логикой естественного применения языка. Эта логика позволяет вывести *презумпции*, лежащие в основе речевого акта, и вывести из неё определённые *импликации*. Следовательно, смысл всегда логичен в отличие от абсурда. Именно это мы и имели в виду, когда говорили об интеллигильности смысла, его умопостигаемой сущности.

Понятие смысла отнюдь не сводится только к лингвистическим выражениям. Смыслы наполняют собой потенциально бесконечное многообразие видов человеческой активности, будь то

научное познание или обыденное общение, социальные действия, техническое творчество или нравственные искания, размышление о религиозных догматах или восприятие художественной литературы. Однако можно наметить то ассоциативное семантическое поле, которое окружает это загадочное понятие. Смысл – это всегда интенциональное, полагаемое, мыслимое, продуманное, имеющееся в виду, подразумеваемое.

Смысл опосредует связь человека с миром, но эта связь не тривиальна. Являясь идеальной сущностью, смысл не прикован тяжёлыми цепями к миру как Прометей к скале. Он способен к саморазвитию, и в этом проявляется его автономность по отношению к миру. Законы саморазвития смысла подчиняются логике мышления, которая устанавливает внутренние связи между смыслами. Однако как бы далеко не отклонялся смысл от реальности, даже в самых смелых фантазиях, существует вечное и неискоренимое притяжение смысла к миру. Мир упорно показывает, проявляет себя в смыслах.

Вместе с тем в смыслотворчестве реализуется имманентная активность человека, его уникальная способность продуцировать интеллигибельные, умопостигаемые сущности, плести кружева смыслов. Смысл вечно парит между миром идей (совокупным интеллектуальным продуктом человечества) и реальной действительностью, между знаками и обозначаемыми вещами, между человеком и миром.

Смыслотворчество реализует три основные общечеловеческие функции:

1. В смыслах человек *означает* мир, присваивает его в понятиях, оценивает в коннотациях. Внешний мир становится через *осмысление* миром внутренним, входит в сознание человека, становится значимым для него.

2. В смыслах человек *творит* новый мир (мир культуры), реализует свою волю, осуществляет творческие замыслы. В единстве замысла и смысла реализуется деятельная сущность человека.

3. С помощью смыслов человек осуществляет *коммуникацию* в субъект-субъектном мире. Коммуникация – один из древнейших и наиболее значимых для человека типов обмена в социуме: обмен смыслами. Коммуникация является диалогом, в котором сталки-

ваются духовные позиции коммуникантов. Взаимопонимание нацелено на достижение общего смысла, однако возможно и расхождение этих позиций, когда обостряется противостояние в оппозициях: «Я – Ты», «свой – чужой», – ведущее к конфликтам смыслов.

Глава 6

ЛОГИКА СМЫСЛА

Несмотря на огромное разнообразие творимых человеком смыслов, различающихся своим содержанием, существует общее правило для их конструирования: они должны быть логичными. Здесь следует, однако, различать разные формы и конструкторы смысла.

Простейшей языковой конструкцией выступает слово, которое обладает смыслом. Слово не является законченной мыслью, если я обращаюсь к кому-то с одиночным словом. Оно не истинно и не ложно. Тем не менее носитель языка, употребляя слово в речи, должен знать его родовой, существующий в лексиконе нации, смысл.

Так, если кто-то говорит, что «*кит – млекопитающее*», то слушающий понимает сказанное на основе хранящегося в его памяти интерсубъективного смысла: *млекопитающее – это животное, питающее своих детёнышей молоком*. И это будет истиной.

Далее следует назвать такие конструкторы, как суждение и высказывание. Они принципиально различаются.

Суждение – основная форма (или конструктор) классической логики, подчиняющейся известной формуле « $S - P$ », которая содержит пропозицию. Однако понятие пропозиции, характеризующее смысл, абстрагируется от истинностных оценок. Скорее пропозицию можно назвать ядром смысла суждения. Само суждение – это некая идеализированная в классической логике мысль о чем-то, к которой уже применима оценка истина/ложь. Однако эта логическая форма мысли абстрагируется от контекста реального высказывания, его прагматики, авторского отношения к сказанному. Все эти личностные и контекстные условия речи проявляются

в высказывании. Высказывание имеет своего автора, оно обращено к кому-то, по какому-либо поводу и т. п.

Уже Аристотель сформулировал законы и силлогизмы правильного мышления, и эта логика получила при дальнейшей доработке название формальной. По существу, такая логика обосновывает правильные выводы из суждений. Известно, что для Аристотеля объектом приложения норм логики служил греческий язык.

Вопрос о приложимости формальной логики к обыденному языку и коммуникации дискутируется весьма продолжительное время. Уже в самом названии «формальная логика» как бы допускается мысль, что естественный язык обычно выходит за пределы указанной формальности. Было несколько попыток предложить программу формализации языка. Большинство из них окончились неудачей. Л. Витгенштейн в своих поздних «Философских исследованиях» довольно критически оценил попытки формально-логической терапии естественного языка. С его точки зрения, усилия, направленные на создание некоего идеального (с точки зрения канонов формализации) языка, равноценны попыткам устранения трения при движении. Но для движения необходимо трение, ибо на идеально скользкой поверхности оно невозможно.

Следует отметить, что попытки создания логик, учитывающих богатство естественного языка и речи, в целом оказались продуктивными для развития современной логики, поскольку стимулировали развитие её новых направлений, например, модальных и интенциональных логик⁷².

Развитие в 1960-х годах теории речевых актов, в которой высказывание рассматривается как действие говорящего, направленное на достижение определённой цели, вновь обострило проблему соотношения логики и естественного языка. Проблема состояла в том, что понимание речевых актов базируется на умозаклчениях, которые выводятся не столько из эксплицитной, манифестируемой в речи формы высказывания, сколько из имплицитных предпосылок, включающих распознавание намерений говорящего, учёт контекста и социокультурных норм коммуникации. Безусловно, классическая логика не рассчитана на учёт этих факторов.

⁷² См.: Семантика модальных и интенциональных логик. М. : Прогресс, 1981.

Никто из дискурсантов не отрицал логичности речевых актов. Дискуссия развернулась по вопросу, что это за логика? По Дж. Лакоффу – «естественная логика», присущая употреблению естественного (национального) языка. Основное противостояние спорящих сторон развернулось по вопросу: можно ли построить такую логику (формализованную систему), которая учитывала бы особенности естественной логики, или же различия между естественной логикой и требованиями формализации являются настолько принципиальными, что ни о какой формализованной логике речевых актов не может быть и речи?

Помимо присущей языку неоднозначности лексем существует ряд других барьеров на пути формализации естественной логики. К числу возникающих препятствий можно отнести следующие.

1. Вывод следствий из суждения предполагает использование формальных символов, таких как $\sim$ (отрицание), $\wedge$ (конъюнкция), $\vee$ (дизъюнкция), $\supset$ (следование), $\forall(x)$ (квантор всеобщности), $\exists(x)$ (квантор существования), jx (квантор единственности). Обычно считается, что в языке им соответствуют слова «не», «и», «или», «если», «все», «некоторые», «определённый, единственный».

Существует два подхода к проблеме. Одни считают, что различия между формальными символами и словами естественного языка не столь существенны, другие – абсолютизируют различия между ними, считая естественный язык в принципе неформализуемым. По мнению Г. П. Грайса, «оба подхода являются крайностями, которые можно преодолеть в рамках естественной логики». «Тем самым имеет право на существование неупрощённая, и потому более или менее несистематическая логика, логика естественноречевых аналогов формальных символов; упрощённая формальная логика может подкреплять и направлять эту логику, но не в коем случае не вытеснять и не подменять её. На самом деле эти две логики не просто отличаются друг от друга – они могут и противоречить друг другу: правила, верные для формального символа, могут нарушаться для его естественноречевого аналога»⁷³.

⁷³ Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 219.

В естественном языке является обычным употребление так называемых указательных (дейктических) элементов: здесь – там, мой – твой, этот, времена глаголов. «Дейктическим называется такой элемент, у которого в состав значения входит идентификация объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т. д. – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту»⁷⁴.

2. По существу, естественный язык ставит говорящего в привилегированное положение во Вселенной, именно от него как некоего смыслового центра исходят все референции, дейктические привязки сказанного к ситуации. В последние годы были разработаны формально-логические системы (Монтегю, Скотт), в которых удалось учесть формальную привязку высказываний к определённому миру (например, миру говорящего). И всё же трудности с формализацией индексов (указателей) полностью не преодолены, тогда как в рамках естественной логики привязка высказывания к контексту (миру), определённому фигурой говорящего, является вполне естественной и необходимой для понимания⁷⁵.

3. В формальной логике все следствия выводятся из эксплицитно выраженного в суждении смысла. В коммуникативной практике возможны импликации на основе учёта экстралингвистических факторов. Другими словами, смысл сказанного дополняется смыслом недосказанного, не выраженного в языке, что учитывается естественной логикой.

4. В формальной логике логические следствия выводятся на основе учёта истинностных значений высказываний. Однако многие речевые акты (перформативы) не имеют истинностного значения (просьбы, вердикты, обещания и т. д.), поэтому импликатуры речевых актов выводятся на основе других критериев (искренности, успеха), учитываемых естественной логикой.

5. Наконец, следует остановиться на проблеме косвенных смыслов (метафора, ирония, намёки, риторические приемы), которые являются подлинной мукой для формальной логики. При употреблении косвенных смыслов человек говорит буквально од-

⁷⁴ Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Указ. соч. С. 16.

⁷⁵ См.: Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика.

но, а имеет в виду совсем другое. Естественная логика даёт ключ к расшифровке косвенных смыслов и позволяет определить для этого случая логику импликаций.

§ 1. Логика языковых выражений

Вначале мы рассмотрим основные смыслонесущие элементы языка – слова и предложения.

В системе языка слова (лексемы) образуют отнюдь не хаотичный набор. В языке просматривается некая смысловая иерархия слов, выражающая отношение общего и единичного (родо-видовые отношения), целого и части, эквивалентности (синонимия), противоположности (антиномия). Все полнозначные слова (кроме союзов, предлогов и т. д.) тяготеют к двум основным семантическим семействам – именам и предикатам. В функцию первых входит обозначение объектов, в функцию вторых – обозначение свойств.

Система слов (лексикон языка) напоминает детали большого конструктора, из которого можно образовывать полнозначные единицы смысла – предложения. Но именно для того, чтобы образовывать правильные смыслы в предложениях, слова должны иметь какие-то семантические «зацепы», логично накладываться друг на друга в синтагмах (т. е. последовательностях слов в предложении).

Уже Аристотелю была известна таксономия имён, задающая гиперо-гипонимическую (родо-видовую) структуру. Ю. С. Степанов представляет её в виде дерева последовательных дихотомий (рис. 7)⁷⁶.

Для данной схемы (рис. 7) характерно включение каждого последующего в именовании класса предметов в предыдущий, и поэтому все имена, образующие гиперо-гипонимическую структуру, обладают экстенсиональной природой. Термины «интенсионал» и «экстенсионал» взяты из логики. Интенсионал – это смысл понятия, а экстенсионал – это те объекты, которые входят в объём понятия.

⁷⁶ См.: Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М. : Наука, 1981. С. 76.

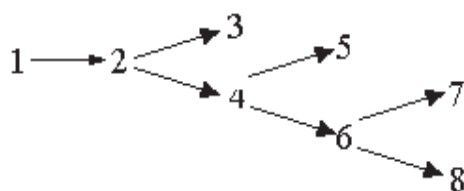

Рис. 7:

1 – метазнаки, т. е. предельно общие имена любых совокупностей (совокупность, класс, множество, список, объединение и т. д.); 2 – имена вещей (объектов); 3 – имена неживых предметов; 4 – имена живых предметов; 5 – имена неодушевлённых предметов (растений); 6 – имена одушевлённых предметов; 7 – имена животных; 8 – имена лиц (людей)

Однако приведённая схема не является идеальной. Она не включает в себя огромное количество имён. Вспомним ещё раз заключение Витгенштейна о том, что естественный язык не идеален и его нельзя уложить в прокрустово ложе теоретико-множественных отношений.

Экстенсиональные имена применяются как к классу предметов, так и к отдельному предмету («человек» – и имя класса, и имя отдельного человека). Из общих экстенсиональных имён можно образовывать индивидуальные имена (т. е. имена объектов, входящих в класс) с помощью уточняющих дескрипций и дейктики (дом: *деревянный дом*, *каменный дом* и т. д., *пояс: мой пояс*, *его пояс*, *твой пояс* и т. д.). Индивидуальное имя обладает денотатом, т. е. единственным значением из экстенционала.

Классы с экстенсиональной структурой могут именовать не только предметы (в субстанциональном смысле), но и феномены духовной жизни человека, например: *идея*, *слово*, *предложение* и т. п. Однако существуют имена, не имеющие экстенсиональной структуры. Обычно это имена, образованные от глаголов и прилагательных, например: *нежность*, *плавание*, *высота*.

Помимо гиперо-гипонимических отношений в иерархии имён просматриваются отношения части и целого, которые нельзя смешивать с отношением общего и единичного. Такое смешение может приводить к абсурду. Например, можно сказать: *стул входил в состав мебели* (единичное-общее), – но нельзя сказать: *ножки стула входили в состав купленной мебели* (здесь ножки стула

неверно трактуются как самостоятельный элемент класса «мебель»).

Вернёмся теперь к предикатным именам или просто к предикатам. Их также можно классифицировать по группам. Например, Аристотель в «Категориях» (IV, 1b) выявил десять типов предикатов: сущности (субстанции), количества, качества, отношения (соотнесённости), места (где?), времени (когда?), положения, обладания (состояния), действия, претерпевания. В более обобщённом варианте типы предикатов могут быть объединены в три группы: сущности, свойства (состояния) и отношения⁷⁷.

Важная семантическая функция предикатов состоит в том, что они характеризуют с какой-либо стороны предмет, выражаемый предметным именем. В этом плане они имеют принципиально дополнительный характер в завершении смысла. Именно они придают законченность мысли в соединении с предметным именем. Сами предикаты (в особенности, выраженные глаголом и прилагательным) не образуют класса, им не присуща гиперонимическая структура. Действительно, само по себе свойство не существует отдельно от предмета. Более того, один и тот же предикат может характеризовать весьма различные предметы. *Двигаться* может и планета, и машина, и животное.

Поскольку целостный смысл выражается пропозицией (соединением имени с предикатом), важнейшее значение приобретает вопрос, по каким признакам происходит сочетание имён и предикатов. Логично было бы предположить, что определённым классам предметных имён соответствуют определённые парадигмальные списки (группы) предикатов. Это общее предположение напрашивается соображением, что каждому классу объектов в мире присущ свой спектр возможных свойств.

Действительно, в лингвистике уже давно был выявлен принцип семантического согласования имён и предикатов⁷⁸.

Если исходить из схемы дихотомического деления класса имён на роды и виды, то этот принцип семантического согласования нетрудно сформулировать. Если взять наиболее общие имена, соответствующие начальной нумерации классов, то парадигмаль-

⁷⁷ См.: Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 162.

⁷⁸ См.: Уфимцева А. А. Указ. соч.

ный набор присущих им предикатов (таких, как вес, размеры и т. п.) проходит через все классы. Наоборот, специфические признаки подклассов (в нашей нумерации это с 3-го и далее) не могут быть перенесены на класс, из которого они образованы. Так, признаки *расти, дышать, размножаться* не могут быть приписаны неживым предметам, а признаки *думать, вычислять, планировать* – именам, обозначающим класс животных.

К сожалению, как мы отмечали, всё многообразие имён в языке не может быть уложено в последовательную гиперогипонимическую структуру. Более эффективно проблему сочетаемости слов в предложениях можно решить на основе семного подхода⁷⁹.

У синонимов все семы совпадают, у антонимов какие-либо семы находятся в контрарных отношениях. Замена в выражениях исходного слова на его синоним сохраняет смысл сказанного: *Джон был карликом.* = *Джон был очень маленького роста.* Замена слова его антонимом приводит к отрицанию (противоположности) высказывания: *В балетную школу принимали только девочек.* – *В балетную школу принимали только мальчиков.* С позиции семного анализа можно сказать, какие сочетания слов могут приводить к бессмыслице или даже абсурду. Бессмысленными будут сочетания, не содержащие общих сем (*фонема обоняла, зелёные идеи*); абсурдными же – те, которые сочетают контрарные семы: *квадратный круг, женатый холостяк, живой труп.*

В целом, правильное, т. е. имеющее смысл, предложение подчиняется трём кодовым программам: семантической согласованности слов, синтаксической управляемости последовательностью слов и лексической сочетаемости. Только из осмысленного предложения, имеющего истинностное значение, можно делать правильные с логической точки зрения выводы. То, что выводится из предложения как логическое следствие, называется его импликатурами. Например, из предложения: *Эдвард вчера встретил свою сокурсницу по Кэмбриджскому университету,* – можно сделать вывод: *Эдвард учился в Кэмбриджском университете.*

⁷⁹ См.: Апресян Ю. Д. Указ. соч. ; Стернин И. А. Указ. соч.

Среди предикатов можно выделить группы глаголов, которые предполагают очевидные импликации и преобразования смыслов. Например, свойством обратимости смысла обладают конверсивы (глаголы *купил* – *продал*, *снял* – *надел* и т. п.). Замена исходного предиката на его конверсив с изменением актантов действия оставляет смысл предложения неизменным: *Иван купил машину у Петра* = *Петр продал машину Ивану*.

Особой логикой обладают фазовые глаголы: *встать*, *сесть*, *прекратить*, *запретить*, *закипеть*, *растаять* и т. д. Например, из предложения: *Вода в чайнике закипела*, – следует вывод, что до этого времени *вода в чайнике нагревалась*; *Николай прекратил работу*, – следовательно, ранее *Николай работал*.

Все правильно образованные смыслы предложения располагаются между тавтологией и абсурдом. Тавтология (*война есть война*, *женщина есть женщина*) обладает нулевой информативностью, вводя тему (*война*, *женщина*), она ничего не прибавляет в реме, мысль говорящего заикливается в круге: с чего она началась, на том же и заканчивается. Поэтому тавтология не даёт никаких импликаций. Абсурд разрушает смысл, он вводит невозможные ни в каком мире события, «положения дел» (*зелёные идеи яростно спят*) или синтагмы (называемые оксюморонами), в которых составляющие слова самоотрицают друг друга (*квадратный круг*, *живой труп*).

До сих пор мы рассматривали прямые смыслы языковых выражений, которые организуются по определённым правилам, важнейшим из которых является семантическое согласование имён и предикатов. Однако существуют выражения, которые, на первый взгляд, грубо нарушают семантическое согласование, но, тем не менее, имеют смысл. Речь идёт о так называемых косвенных (или переносных) смыслах. Косвенный смысл употребляется в метафорах, иронии, намёках, риторических выражениях, например: *от любви остался только пепел*; *наш начальник – дубина*.

Косвенные смыслы всегда сигнализируют о себе либо нарушением семантической согласованности, либо своим несоответствием контексту, поэтому они в какой-то степени алогичны. Именно наличие этой алогичности, семантической несогласованности слов внутри предложения служит сигналом для реципиента (слу-

шающего), что нужно как-то перетолковать буквальный смысл сказанного, найти за ним какой-то другой смысл, который восстанавливает семантическую норму в своих правах.

При употреблении косвенных смыслов мы, по существу, сталкиваемся с двумя смыслами, между которыми слушающий должен осуществить переход, если он считает, что говорящий вполне логичен и хочет сообщить ему нормальный (т. е. соответствующий нормам языка) смысл. Речь идёт о *буквальном смысле*, который манифестирован в языковом выражении и отклоняется от языковых конвенций, и о *подлинном смысле*, который скрывается за буквальным, т. е. существует в имплицитной форме. Буквальный смысл – это то, что говорит человек, а подлинный – это то, что он имеет (подразумевают) на самом деле в виду.

В определении косвенного смысла нет должной чёткости: одни считают, что косвенный смысл и есть буквальный смысл, другие косвенным смыслом считают имплицитный, т. е. подлинный и перетолкованный смысл сказанного. По нашему мнению, термин «косвенный смысл» имеет прежде всего операциональное значение. Лингвисты маркируют этим термином то языковое выражение, которое для понимания сказанного требует особой интерпретативной работы, т. е. дополнительного умозаключения от буквально выраженного смысла к скрытому, подлинному смыслу. Другими словами, мы говорим, что выражение употреблено в косвенном смысле, когда за произнесённой метафорой скрывается подлинный (первичный) смысл.

В основе понимания косвенного смысла лежит операция переноса значений. Возьмём выражение: *Петров – заяц*. Буквально сказанное нарушает семантическое согласование имени и предиката. Исходя из презумпции, что люди обычно не нарушают языковых конвенций, можно предполагать, что мы имеем дело здесь с косвенным смыслом, требующим перетолкования смысла слова «заяц». Нахождение подлинного смысла сказанного возможно, если мы выделим в слове «заяц» типичную (ядерную) сему, т. е. наиболее характерный компонент смысла – *трусливое животное*, и попытаемся связать этот типичный смысл с именем «Петров». На рис. 8 этот процесс представлен стрелками семантического согласования.

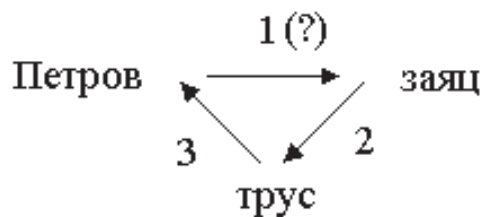

Рис. 8

В соответствии с рис. 8 связь 1 – буквально сказанное, которое является отклонением от нормы; связь 2 явно не выражается в сказанном, но именно выражение *заяц – трус* является типичным для истолкования смысла слова «заяц»; связь 3 переносит сему *трус* (характеристику поведения животного) на характеристику человека: *Петров – трус*. Последний смысл уже соответствует норме и является подлинным смыслом употреблённой метафоры.

Итак, мы рассмотрели смысловое содержание языковых единиц (слово, синтагма, предложение) с точки зрения их логических возможностей, т. е. вывода из них логических следствий. Конечно, в строгом значении логическое следствие можно вывести лишь из законченной мысли, т. е. из предложения, но слова в составе предложения подчиняются естественной логике семантического согласования, опосредованно отражающей связь вещей, их свойств и отношений. Все следствия, которые мы можем вывести из предложения, получили название имплицатур. Однако существует ещё одна существенная и неучтённая нами связь смысла предложения с предпосылочным смыслом, который выражается пресуппозицией.

Пресуппозиции можно выявить, восстановить из смысла предложения, но в строгом смысле они не являются импликацией. Импликация зависит от истинностного значения (истина/ложь) предложения, тогда как пресуппозиция не зависит от него, она полагается пропозициональным смыслом, который, как известно, абстрагируется от модусов предложения.

Возьмём два взаимоисключающих предложения: *У Ивана заболела жена.* – *У Ивана жена здорова.* Общей пресуппозицией этих предложений будет предложение *У Ивана есть жена,* – независимо от того, какое из них будет истинным, а какое ложным.

«Пресуппозиция – это особая разновидность семантического следствия»⁸⁰.

Особенность пресуппозиции как раз и заключается в том, что она является предпосылочным смыслом для формирования как истинных, так и ложных предложений. И наоборот, если пресуппозиция является ложной, то она подрывает смысл сказанного. Например, если кто-то сказал: *Закройте окно*, – то эта фраза предполагает пресуппозицию, что *в комнате существует хотя бы одно открытое окно*. Но если в комнате нет ни одного окна, то присутствующие в ней люди сочтут сказанное нарушением смысла или какой-то ошибкой говорящего.

Наиболее типичными являются экзистенциальные пресуппозиции, т. е. пресуппозиции существования объектов, о которых идёт речь в предложении. Возьмём простой пример: *Нынешний король Франции лыс*. В нём, если иметь в виду современный контекст, нарушается пресуппозиция существования «короля». Можно было бы сказать, что у данного имени нет референта. Данное высказывание нельзя опровергнуть противоположным: *Нынешний король Франции не лыс*. П. Стросон считает, что подобные высказывания с отсутствующим референтом всё-таки имеют смысл, но не имеют истинностного значения (как ложного, так и истинного). Такая ситуация была названа провалом истинности⁸¹. Стросон указал, что пресуппозиция существования в приведённой фразе восстанавливается в некоторых контекстах, например, по отношению к Франции XVII века, и, будучи произнесённой в этих условиях, она могла бы быть либо истинной, либо ложной.

Специфика экзистенциальных пресуппозиций заключается в том, что они вводят (предполагают) тот мир, в котором сказанное обретает свой смысл. Иногда это введение в предполагаемый мир становится явным. Например, в сказочном сюжете: *В городе N жил-был маленький мальчик*. (пресуппозиция) *Мальчик мечтал стать клоуном*. (пропозиция); в математических текстах: *Допустим, что параллельные прямые в нашем пространстве не пересекаются*. – и другие примеры. Отсюда следует, что воображаемые

⁸⁰ Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Указ. соч. С. 32.

⁸¹ См.: Стросон П. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции).

сказочные или нереальные предметы могут вводиться пресуппозицией существования и порождать соответствующие смыслы предложения. Однако здесь существует строгое правило: при формулировании смысла предложения (текста) в нём нельзя смешивать воображаемые и реальные миры, т. е. предполагать альтернативные пресуппозиции. Например, предложение: *Санта-Клаус примчался на оленях*, – предполагает существование сказочного персонажа и вполне осмысленно. Однако предложение: *Я пообедал с Санта-Клаусом*, – вводит две пресуппозиции, исключающие друг друга: говорящего в реальном мире и существования нереального персонажа в сказочном мире. Поэтому в целом оно воспринимается как абсурдное.

Помимо экзистенциальных пресуппозиций существуют ещё фактивные, связанные с истиной полагаемого факта в контекстах мнения (например: *Николай знает, что Земля больше Луны*). Здесь пресуппозицией является: *Николай знает*. Кроме того, существуют категориальные пресуппозиции, связанные с отнесением имени к определённом семантическому классу, например: (1) *Наполеон решил создать боеспособную армию*, – и (2) *Наполеон вилял хвостом*. В первом случае предикативная группа порождает пресуппозицию существования лица, во втором случае – собаки.

Наш анализ логических возможностей языковых единиц завершён. Мы рассмотрели, выражаясь языком физики, статический аспект логики смысла, абстрагируясь от реалий живой речи. Далее мы перейдём к динамике, т. е. к речевым актам, в которых логические возможности выведения следствий значительно богаче.

§ 2. Логика речевых актов

Под речевым актом понимают употребление предложений в живой речи, в условиях коммуникации.

Безусловно, речевой акт в сильной степени отличается от предложения как языковой единицы. Все выводы (следствия) из предложения как языковой единицы могут быть сделаны на основе явно содержащегося в ней смысла. В самом деле, из предложения: *Здесь холодно*, – можно сделать выводы: *Здесь не жарко*; *Здесь люди испытывают дискомфорт*.

Однако в речевых актах, в которых всегда присутствуют фигуры говорящего и слушающего, существенное значение приобретает контекст коммуникации, намерения и цели говорящего, его скрытые намёки, т. е. все имплицитные иллокуции. Обратимся к той же фразе: *Здесь холодно*, – произнесённой, например, графом в гостиной в присутствии дворецкого. Произведя определённые умозаключения о скрытых намерениях графа, дворецкий сделает вывод о том, что граф отдаёт ему приказ: *Закрой окно*. Этот вывод, безусловно, не является обычным логическим следствием, он не содержится в эксплицитной части высказывания, и, тем не менее, слушающий делает этот вывод, учитывая как явно выраженное семантическое содержание, так и всю совокупность экстралингвистических факторов. Все выводы, которые можно сделать из речевого акта на основе учёта лингвистических и экстралингвистических факторов, называются обычно импликатурами. Мы видим, что спектр возможных импликаций в речевых актах существенно расширяется по сравнению с абстрагированным от коммуникативных условий предложением.

Естественно, что это же положение касается и пресуппозиций, т. е. предпосылочных допущений, которые являются основанием для производства речевого акта. Поэтому, когда говорят о речевых актах, то чаще употребляют не термин «пресуппозиция», а термин «презумпция». Когда мы анализировали пресуппозицию, то подчёркивали, что она обусловлена семантикой предложения в целом и смыслом входящих в него слов. Презумпции речевого акта, помимо явно выраженной семантики, основываются также и на прагматике высказывания, учитывающей цели и намерения говорящего. «Семантическая презумпция – это отношение между компонентами предложения, а прагматическая презумпция – это пропозициональная установка (субъектом которой является говорящий)»⁸².

Презумпции, как известно, определяют тот возможный мир, в котором выполнено, т. е. имеет смысл, высказывание. Учитывая прагматический аспект высказывания, можно говорить о презумпциях, допустимых не только в нашем реальном мире, но и в

⁸² Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Указ. соч. С. 39.

любом возможном мире. Так, если в высказывания вводятся «миропорождающие» предикаты «если», «снится», «допустим» и т. п., то факт, который предполагается ими, может стать презумпцией. Например: *Мне приснилось, что никто не понимает, что я немец.* Высказывание переносит нас в нереальный мир, и, тем не менее, «Я – немец» является фактом в мире моего сна и может стать презумпцией для следующего предложения: *Никто не понимает, что я немец*⁸³.

Таким образом, помимо явно выраженного семантического содержания высказывания, дополнительным ресурсом для вывода обладают контекст, иллюстрации говорящего, фоновые знания коммуникантов. Допустим, что отец дал сыну 5 марок на мелкие расходы, а мать – 2 марки. Тогда высказывание сына, обращённое к матери: *А ты щедрее папы,* – будет интерпретировано слушающим таким образом: *Оба родителя скупы,* – хотя из семантики сказанного следует буквальная презумпция: *Оба родителя щедры.* Таким образом, знание контекста помогает уловить скрытый иронический смысл сказанного. «Семантическая структура высказывания, – отмечает Хоанг Фэ, – это многоуровневая структура, компонентами которой являются пресуппозиции, а также эксплицитное и имплицитное содержание высказывания»⁸⁴.

Для возможных выводов из высказывания важно учитывать и прагматические презумпции, а также экстралингвистические факторы и эксплицитное содержание. Так, высказывание: *Мальчик не был бы так несчастен, если бы была жива его мать,* – в определённом контексте может иметь пресуппозицию: *У мальчика есть мачеха.* Из неё уже можно сделать новый вывод: *Мальчик несчастен, потому что у него нет матери; Мачеха плохо с ним обращается;* и т. д.

Существует ещё одно важное отличие логики речевых актов от обычной формальной логики, применимой только к эксплицит-

⁸³ См.: Карттунен Л. Логика английских прилагательных с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 307, 308.

⁸⁴ Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 401.

ным высказываниям. Формально-логический вывод, подчиняющийся формулам:

$$\begin{aligned} p &\supset q; \\ \sim p &\supset \sim q, \end{aligned}$$

можно сделать, если известны значения p и q . Однако, как показали Остин и Сёрл, к большинству перформативов не применима истинностная оценка. Поэтому Грайс и Лакофф называют логику речевых актов естественной логикой.

Чтобы отличить выводы из речевых актов от обычных логических следствий, Грайс вводит различие между конвенциональными выводами, которые вытекают из явно выраженного конвенционального (общепринятого) смысла слов, и коммуникативными, которые вытекают из экстралингвистических факторов⁸⁵. Лакофф предпочитает в этом случае говорить о логических следствиях и импликатурах⁸⁶.

В оценке специфики коммуникативных импликаций мнения учёных разошлись. Одни, как Грайс, резко противопоставили их формальной логике, базирующейся на явном смысле высказывания и его истинностном значении. Другие, как Лакофф, пытались сблизить формальную и естественную логику. Так, Лакофф считал, что многие экстралингвистические факторы, такие как социокультурные нормы и иллокутивные предпосылки, можно сделать явными и придать им характер постулатов в расширенной системе формальной логики.

Пытаясь преодолеть принципиальное отличие речевых актов, не имеющих истинностного значения, от дескриптивных суждений, всегда имеющих истинностное значение и подчиняющихся нормам логического вывода, Лакофф использует аналогию между *истиной* (в обычной логике) и *успехом* в речевых актах. Другими словами, вместо формулы « P истинно в мире W », принимаемой формальной логикой, для естественной логики принимается формула « P успешно в мире W ». «Задача состоит в том, — замечает Лакофф, — чтобы приравнять истинностное значение, свойствен-

⁸⁵ См.: Грайс Г. П. Указ. соч. С. 220–221.

⁸⁶ См.: Лакофф Дж. Указ. соч.

ное неперформативным предложениям, к значению успешности, свойственному перформативным предложениям»⁸⁷.

И Грайс, и Лакофф пытаются выявить и структурировать те экстралингвистические факторы, которые лежат в основе естественной логики речевых актов.

Грайс, формулируя свои постулаты (принципы) речевого общения, исходит из того, что речевой акт является действием, имеющим определённую цель, а коммуникация между говорящим и слушающим – это совместная деятельность, в которой коммуниканты стремятся к общему успеху⁸⁸.

В любом виде деятельности партнёры, совместно стремящиеся к общей цели, берут на себя определённые обязательства друг перед другом, чтобы достигнуть желаемого результата. Выполнение этих обязательств и обуславливает *совместность* деятельности партнёров, *согласованность* их действий. Другими словами, если кто-то разводит костёр, то другой не должен лить в него воду. Согласованным актом будет подбрасывание в костёр сухих веток. «Речевое общение, – утверждает Грайс, – обладает, хотя и в своеобразной форме, общими свойствами, характеризующими совместную деятельность любого типа»⁸⁹.

Наиболее общим и значимым для успешной коммуникации будет «принцип кооперации», который можно выразить следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога». Этот принцип Грайс конкретизирует в постулатах речевого общения.

1. Постулат Количества означает: «Твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для успешного достижения целей диалога». Примерами явного нарушения этого постулата являются тавтологии (*Женщина есть женщина*). Недостаточность информации не приближает нас к цели диалога, а её избыток может породить ненужные отклонения от темы диалога. Иногда недостаток информации является запланированным в коммуникации, если один из коммуникантов по ка-

⁸⁷ Лакофф Дж. Указ. соч. С. 448.

⁸⁸ См.: Грайс Г. П. Указ. соч. С. 217–287.

⁸⁹ Там же. С. 225.

ким-либо причинам (этическим, например) уходит от прямого ответа на вопрос, надеясь на то, что слушающий способен сам вывести нужную ему информацию из сказанного. Рассмотрим в связи с этим один пример.

Допустим на кафедре философии освободилось место ассистента, и профессор А намеревается взять на это место ученика X профессора Б. Поэтому он обращается к профессору Б дать рекомендацию X. Б отвечает следующим образом: «Милостивый государь, мистер X превосходно владеет английским языком; он регулярно посещал семинары. Искренне Ваш и т. д.».

Информация, представленная Б, на первый взгляд, явно недостаточна. Нельзя сказать, что Б уклоняется от ответа, поскольку он всё-таки написал рекомендательное письмо. Исходя из Принципа Кооперации (т. е. сотрудничества в диалоге) можно предположить только одно: Б хочет передать сведения, которые не желает сообщить прямо и надеется на то, что А выведет из сказанного нужную ему информацию.

2. Постулат Качества сводится к тому, чтобы коммуникант не говорил того, что он считает ложным, или того, для чего у него нет достаточных оснований. По существу, постулат Качества коррелируется с искренностью говорящего и запрещает высказывания подобного рода: *Я утверждаю, что N победит на выборах, но не верю в это; Я обещаю вам исправить положение дел, но не намерен делать этого.*

3. Постулат Релевантности Грайс связывает с категорией Отношения. Суть постулата может быть выражена весьма просто: «Не отклоняйся от темы». Любой шаг в дискурсе коммуникантов должен добавлять новую информацию по обсуждаемой теме, а не уводить в сторону от неё. Ситуации, соответствующие русской поговорке: «Я ему про Фому, а он мне про Ерёму», – запрещаются принципом релевантности.

4. Следующий постулат, который можно было бы назвать постулатом Ясности, Грайс связывает с категорией Способа Осуществления коммуникативного акта. Здесь имеется в виду способ ведения диалога, отвечающий условиям взаимопонимания коммуникантов. Он опирается на простые правила: а) избегай непонят-

ных выражений; б) избегай неоднозначности; в) будь краток (избегай многословия); г) будь организован.

К этим коммуникативным постулатам Д. Гордон и Дж. Лакофф добавляют условия (постулаты) *искренности* и *мотивированности*. Условие искренности означает, что намерение говорящего, лежащее в основе его речевого акта, является искренним, т. е. если говорящий искренне **просит** сделать *p* слушающего, то он **хочет**, чтобы тот сделал *p*; если говорящий искренне **утверждает**, что *p*, то он **считает (верит)**, что *p*⁹⁰. Условие искренности запрещает отклоняющиеся от нормы высказывания, подобные: *На улице идёт дождь, но я в это не верю*, — хотя с семантической точки зрения здесь нет никаких нарушений.

Условие мотивированности предполагает, что у говорящего есть веские основания для соответствующих речевых актов: утверждения, отрицания, сомнения, просьбы, приказы, обещания и т. п. *Утверждение* мотивировано, если говорящий *верит* в его истинность. *Просьба* мотивирована, если говорящий имеет основание *хотеть* её выполнения (т. е. испытывает некоторую нужду); считает, что слушающий *может* её выполнить, что *без этой просьбы* слушающий *не сделает* этого. *Обещание* мотивировано, если только у говорящего есть *намерение* его *выполнить* и достаточные основания для этого намерения.

Условие мотивированности всегда связано с условием искренности, и если мотивированность (просьбы, утверждения, обещания и т. п.) подвергается сомнению, тем самым подвергается сомнению и искренность соответствующего речевого акта.

Постулаты мотивированности и искренности, сформулированные Гордоном и Лакоффом, позволяют перевести все скрытые иллокуции (намерения, цели, мотивы) говорящего в явную форму логических оснований речевого акта, которые рассматриваются слушающим как предпосылки для своих умозаключений.

Постулаты речевого общения чрезвычайно важны для тех выводов, которые слушающий может извлечь из речевого акта говорящего. Их можно в некотором плане сравнить с силлогизмами классической логики, но если силлогизмы оперируют с экспли-

⁹⁰ См.: Гордон Д., Лакофф Дж. Указ. соч. С. 276–302.

цитным содержанием высказываний, то указанные постулаты позволяют выйти в новое логическое пространство – сферу мотивов, целей, намерений говорящего.

Допустим, говорящий обращается к слушающему с вопросом: «Не можете ли вы подать мне соль?». В обычных условиях вопрос требует ответа, и, казалось бы, релевантным будет ответ «да» или «нет». Однако в определённых контекстных условиях, например, когда собеседники обедают за общим столом, простой ответ «да» или «нет» уже не считается релевантным. Слушающий рассуждает следующим образом: 1) вряд ли у говорящего есть сомнения в моих физических способностях; 2) у говорящего есть мотив для заданного вопроса, и если это не вопрос о моих физических способностях, то 3) говорящий имеет в виду просьбу (подать соль), именно просьба является релевантным истолкованием слов говорящего, и 4) он искренен в своей просьбе, т. е. желает получить соль, и 5) он не может сам достать соль, которая стоит около меня, поэтому 6) он просит меня это сделать, и 7) он полагает, что я могу это сделать; 8) значит в соответствии с Принципом Кооперации я должен подать ему соль.

Таким образом, опираясь на сказанное, т. е. эксплицитно выраженный смысл, постулаты общения и контекст общения, можно сделать импликации, т. е. вывести следствия. Все возможные импликации, выводимые из речевого акта, можно разбить на два класса: 1) выводимые из общезначимого смысла произнесённых слов (Грайс называет их конвенциональными); 2) выводимые из предположения о существовании иллокутивной цели высказывания, т. е. намерений и мотивов говорящего.

Так, слушающий, услышав обращённое к нему высказывание говорящего: «Во дворе злая собака», – интерпретирует его примерно следующим образом. Сказав «собака», говорящий имел в виду *собаку*, сказав «во дворе», он имел в виду её местонахождение – *во дворе*. Говорящий описал определённое *положение дел*, из которого следует, что во дворе находится животное, и это не корова, не лошадь, а именно собака. Собака относится к числу животных, охраняющих дом, т. е. это сторожевое животное, обычно сторожевая собака опасна для посторонних (*злая собака*) и т. д. Все эти импликации достаточно очевидны и основываются на

языковых конвенциях. Они вытекают из сказанного – явно выраженного смысла в речевом акте.

Однако помимо этих импликатур можно сделать и другие выводы, основываясь на Постулатах речевого общения. Слушающий может предположить, что говорящий сказал мне *это* не случайно, и вряд ли он имел в виду мой зоологический интерес к животным, находящимся за забором. Во всяком случае, я не давал ему для этого никакого повода, я просто хотел зайти во двор. Произнося указанную реплику, говорящий имел определённую иллокутивную цель, а именно: он хотел предостеречь (предупреждение) от неосторожного поступка. Я должен считать его намерение искренним. Более того, говорящий, сообщая мне эту информацию, считает, что я её не знаю, и без этого знания меня подстерегает опасность. Говорящий вряд ли бы сообщил мне о собаке, если бы она была маленькой доброй шавкой, что и подчёркивает словом «злая». Говорящий полагает, что, получив достаточную (количество) и истинную (качество) информацию, я смогу оценить все обстоятельства моего предполагаемого поступка и принять правильное решение. Например, позвонить в звонок, чтобы вышли хозяева.

Все эти выводы слушающий делает исходя из предположений, скрывающихся за сказанным, не манифестируемых прямо, но находящихся в интенциональной сфере говорящего. Это и есть коммуникативные импликатуры. Коммуникативные импликатуры опираются не столько на *смысл* сказанного, сколько на *замысел* речевого акта.

Эти выводы (импликатуры) исходят из презумпции того, что высказывание является *действием*, в данном случае способным повлиять на поведение слушающего. Следовательно, говорящий имеет определённую цель и его действие рассчитано на успех, который обусловлен определённым способом выражения (количеством и качеством выраженной информации). «При выводе определённой коммуникативной импликатуры, – указывает Грайс, – слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение используемых слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и постулаты; 3) контекст высказывания – как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие

фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации и что они оба знают или предполагают, что это так»⁹¹.

Во всех случаях неявное (не манифестируемое) в смысле скрыто за конвенциональным манифестируемым смыслом. Чтобы пробиться к не манифестируемому смыслу, нужно вначале понять смысл манифестируемых выражений, т. е. понять, что сказано. Коммуникативный имплицат явно не входит в смысл сказанного, но он предполагается сказанным и принципами речевого общения. При этом важное значение для вывода имплицатур приобретает способ выражения т. е. не только то, что сказано, но и то, как это сказано. Если главным препятствием для конвенциональных (семантических) выводов является неоднозначность лексем, то для коммуникативных имплицатур главная трудность состоит в раскрытии скрытых намерений и целей говорящего.

§ 3. Косвенные речевые акты

Применение косвенных смыслов в речевых актах является довольно распространённым делом. Косвенный смысл обнаруживает себя в речевых актах как расхождение смыслов, выраженных локуцией и скрытой иллокуцией. «При намёках, выпадах, иронии, метафоре и т. п., — отмечает Дж. Сёрл, — значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся»⁹².

Так, предложение: *Не можете ли вы подать соль?* — содержит явную иллокуцию говорящего, т. е. вопрос, но в то же время предполагает другую, не выраженную в высказывании иллокуцию, т. е. просьбу. Следовательно, в косвенных речевых актах «один иллокутивный акт осуществляется опосредованно путём осуществления другого».

По мнению Р. Конрада, косвенный речевой акт SA_1 имеет место в том случае, если «он может быть получен с помощью операций логического вывода из прямого значения предложения S_1 ,

⁹¹ Грайс Г. П. Указ. соч. С. 227.

⁹² Сёрл Дж. Р. Косвенные речевые акты. С. 195.

реализующего некоторый речевой акт SA_1 , и из определённых сведений о соответствующей ситуации, непосредственно не связанных с предложением S_1 и речевым актом SA_1 »⁹³.

Понимание косвенного речевого акта предполагает способность слушающего к выводу умозаключений. Через буквально сказанное в определённых контекстных условиях говорящий подаёт слушающему знаки (т. е. осуществляет некоторую локуцию) об ином, скрытом, не лежащем на поверхности, смысле, который и предстоит найти слушающему путём некоторых рассуждений. Эти рассуждения подчиняются естественной логике, выходящей за пределы формальной логики.

Рассмотрим пример Г. П. Грайса. А и Б разговаривают о своём общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у В на работе? Б отвечает: «Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и *он ещё не попал в тюрьму*»⁹⁴.

Первая часть ответа, хотя и является очень общей, в целом соответствует принципу релевантности. Что вызывает сомнение в релевантности ответа, так это его вторая часть, выделенная курсивом. Что, собственно говоря, хотел этим сказать Б? А знает, что В работает в банке (и, следовательно, не находится в тюрьме), впрочем, и первая часть ответа подтверждает эту информацию.

Вторая часть ответа фиксируется спрашивающим как некоторое *отклонение* от темы, т. е. как нарушение релевантности. Но ответ согласно Принципу Кооперации должен быть релевантным! Следовательно, А вынужден предположить, что Б выражает здесь некоторый намёк относительно моральных качеств В. Поверхностная нерелевантность ответа объяснима только тем, что Б предполагает, что нужный смысл А способен вывести самостоятельно. Из сказанного, что В *ещё не попал в тюрьму*, следует, что В *способен попасть в тюрьму в силу своей бесчестности*. Б предполагает, что А способен вывести это умозаключение, следовательно, он имплицирует, что В – *потенциально бесчестный человек*.

Общая формула косвенного смысла, по Грайсу, выражается таким образом. Сказав p , говорящий коммуникативно имплициро-

⁹³ Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые факты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 356.

⁹⁴ Грайс Г. П. Указ. соч. С. 219.

вал, что *q*: «Он сказал, что *p*; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать *p*, если бы он не считал, что *q*; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что *q*; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что *q*: итак, он имплицировал, что *q*».

Подлинный смысл в косвенном речевом акте специально скрывается говорящим и требует от слушающего своего восстановления, реконструкции путём рассуждений. Говорящий надеется, что слушающий, включив все свои коммуникативные ресурсы (сказанное говорящим, контекстную ситуацию, фоновые знания) и опираясь на Принцип Кооперации в диалоге, в конце концов, выведет скрытый смысл.

Каким же образом слушающий догадывается, что имеет дело с косвенным, а не прямым смыслом? С нашей точки зрения, здесь нет никакой тайны: косвенный смысл буквально *показывает*, обнаруживает себя в косвенном речевом акте *отклонением* от стандартной модели коммуникации. В косвенном речевом акте это отклонение проявляется в том, что буквальный смысл сказанного нарушает либо семантическое согласование, либо постулаты речевого общения, либо, наконец, не соответствует контекстным условиям общения (например, истинностным условиям, социокультурным нормам). Конечно, возможно и сочетание различных видов отклонения.

Примером семантического отклонения является фраза: *Ваш друг – дубина*. Отклонение от принципов речевого общения обнаруживается в уже рассмотренном примере Грайса с нерелевантной рекомендацией профессора, данной своему ученику. Отклонение от истинностных условий обнаруживается в иронии, когда, например, начальник говорит в очередной раз опоздавшей на работу и растрепанной сотруднице: *Вы, как всегда, пришли на работу вовремя и прекрасно выглядите*. Примером отклонения от социокультурных норм будет диалог друзей:

Николай (Петру): *Я не могу до тебя дозвониться, где ты илешься каждый вечер?*

Петр: *Прости, я, безусловно, обязан информировать тебя о своей личной жизни.*

Однако отклонение отклонению рознь. Нельзя не учитывать, что реально существуют болезненные расстройства умственной деятельности, которые ведут к отклонению от норм речевого общения. Конечно, эти отклонения не являются косвенным смыслом, ибо они спонтанны, не запланированы заранее больным человеком. В косвенных речевых актах, наоборот, мы имеем дело с запланированным отклонением, которое является маркером первичной, т. е. подлинной, цели речевого акта. Поэтому слушающий, обнаружив это отклонение, должен сделать попытку выявления запланированной цели говорящего, включив ресурс своих умозаключений. По существу, умозаключения, направленные на восстановление подлинного смысла речевого акта, есть вид интерпретации сказанного.

Обнаружив отклонение, слушающий принимает установку: *сказав р, говорящий имел в виду q*, – т. е. идентифицирует сказанное как косвенный речевой акт и предпринимает усилия для разыскания подлинного смысла *q*. Своей интерпретацией сказанного слушающий снимает первоначальное отклонение от нормы и находит подлинный смысл, который уже будет соответствовать всем принципам коммуникативного общения. С точки зрения Дж. Сёрла, «в косвенных речевых актах говорящий передаёт слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые у слушающего»⁹⁵.

Наиболее изученными являются косвенные речевые акты, в которых вопросительная форма предложения используется для выражения просьбы, например: *Можете ли вы подать соль? Можете ли вы разменять мелочь? Можете ли вы подать книгу с верхней полки?* Почему, собственно говоря, мы имеем дело здесь с косвенным речевым актом? Да потому, что подлинное намерение говорящего Г (побудить слушающего к определённому действию) скрыто за конвенциональным и эксплицитно выраженным смыс-

⁹⁵ Сёрл Дж. Р. Косвенные речевые акты. С. 197.

лом – вопрошанием о способностях слушающего С. Итак, мы имеем дело с двумя иллокуциями в вопросительных косвенных актах. Одна из них явно выражена в сформулированном вопросе, другая (скрытая) содержит просьбу выполнить определённое действие А. Но это две совершенно различные иллокуции.

Для того чтобы действие было успешным, оно должно удовлетворять некоторым условиям. Для просьбы П такими П-условиями будут:

- 1) подготовительное условие: С способен осуществить А;
- 2) условие искренности: Г хочет, чтобы С сделал А;
- 3) условие пропозиционального содержания: Г предиктирует будущий акт А со стороны С;
- 4) существенное условие: попытка Г побудить С сделать А⁹⁶.

Для вопрошания В условия успешности будут другими:

- 1) подготовительные условия:
 - а) Г не знает, способен ли С произвести действие А;
 - б) С знает, что способен (или не способен) произвести действие А;
 - в) Г знает, что С может информировать его о своих способностях;
- 2) условие искренности: Г хочет знать, на что способен С;
- 3) условие пропозиционального содержания: Г предиктирует положение дел, которые способен или не способен осуществить С;
- 4) существенное условие: Г своим вопросом побуждает С дать ответ о возможности А.

Специфика вопросительного косвенного речевого акта заключается в том, что он содержит эксплицитно выраженную иллокуцию вопрошания (и, следовательно, побуждения к ответу) и вместе с тем – первичную (скрытую) иллокуцию говорящего (просьбу), побуждающую С совершить определённый акт А. Вообще говоря, слушающий стоит перед выбором определённой стратегии поведения: отвечать ли ему на вопрос говорящего о своих способностях или совершить определённое действие А, соответствующее его просьбе? Ведь в принципе слушающий может понять вопрос: *Можете ли вы подать соль?* Буквально и отве-

⁹⁶ См.: Там же. С. 209.

тить: «Нет». В этом случае коммуникация завершается, и говорящий, даже если он и ожидал от слушающего реального действия (т. е. подачи соли) вряд ли вновь обратится к нему с прямой просьбой: *Подайте мне, пожалуйста, соль*. Другими словами, для успеха коммуникативного действия слушающий должен оценить речевой акт говорящего либо как вопрос, либо как просьбу. И естественно, сделав этот выбор, слушающий будет ориентироваться либо на В-условия, либо на П-условия.

Выбор стратегии поведения слушающего распадается на два этапа: 1) обнаружение отклонения буквально (т. е. эксплицитно) выраженной иллокуции от подлинной цели говорящего; 2) выявление подлинной цели говорящего. И то и другое предполагают имплицитивную деятельность слушающего. Вот как представляет стратегию умозаключений слушающего Дж. Сёрл:

Шаг 1: Г задал мне вопрос о том, обладаю ли я способностью передать ему соль.

Шаг 2: Я предполагаю, что в рамках данного диалога он ведет себя по законам взаимодействия и что, следовательно, его высказывание имеет некоторую цель или направленность (принцип кооперации в речевом общении).

Шаг 3: обстановка речевого общения не предполагает у собеседника абстрактного интереса к моей способности передать соль (дополнительная фоновая информация).

Шаг 4: более того, он, по-видимому, уже знает, что ответ на этот вопрос будет положительным (фактологическая фоновая информация). Этот шаг облегчает переход к шагу 5, но не обязательно.

Шаг 5: следовательно, его высказывание представляет собой не просто вопрос. По-видимому, оно обладает скрытой иллокутивной целью (умозаключение на основе шагов 1, 2, 3 и 4). Какой может быть эта цель?

Шаг 6: подготовительным условием для любого побудительного иллокутивного акта является способность С осуществить акт, предиктируемый в условии пропозиционального содержания (теория речевых актов).

Шаг 7: следовательно, Г задал мне вопрос, из положительно-го ответа на который следует, что выполнено подготовительное

условие для обращённой ко мне просьбы передать соль (умозаключение на основе шагов 1 и 6).

Шаг 8: сейчас мы обедаем; люди обычно за обедом пользуются солью; они передают соль друг другу, просят других передать соль и т. д. (фоновая информация).

Шаг 9: следовательно, Г подразумевал выполнение подготовительного условия для просьбы, обращённой, весьма вероятно, ко мне: он хочет, чтобы я был готов её выполнить (умозаключение на основе шагов 7 и 8).

Шаг 10: следовательно, в силу отсутствия какой-либо другой разумной иллокутивной цели он, по-видимому, просит передать ему соль (умозаключение на основе шагов 5 и 9)⁹⁷.

Косвенные побуждения осуществимы не только с помощью вопроса о способностях слушающего. Они могут быть также реализованы через иллокуцию, касающуюся желания Г (*Я хочу, чтобы вы сделали это для меня, Генри*), предложения для С осуществить определённый акт (*Прекратите ли вы устраивать такой шум?*) или вопроса о желании С сделать А (*Не будете ли вы так любезны не устраивать такого шума?*), указания на причину осуществления А (*Не лучше ли вам уйти сейчас?*). Во многих ситуациях общения вопрос становится стереотипной формой побуждения. Например, в ресторанах, гостиницах, офисах распространены стандартные формы косвенных речевых актов. Например: *Не подадите ли мне пепельницу?* (в ресторане); *Не поднимите ли мой чемодан наверх?* (в гостинице); *Не могли бы вы меня выслушать?* (в офисе); и т. д. Поэтому многие косвенные речевые акты становятся в стандартных условиях общения идиомами, что практически однозначно предопределяет выбор адекватной стратегии поведения слушающим.

Р. Конрад, анализируя логику косвенных речевых актов, подчёркивает, что вопросительная форма побуждения не является простой данью вежливости, как об это часто пишут, но обусловлена осмысленной стратегией поведения говорящего⁹⁸. Косвенный речевой акт в виде вопроса сознательно планируется говорящим

⁹⁷ См.: Сёрл Дж. Р. Косвенные речевые акты. С. 211–212.

⁹⁸ См.: Конрад Р. Указ. соч.

для успешного достижения своей цели: реализации желаемого действия со стороны слушающего.

Косвенный речевой акт означает осмысленный переход от формы вопроса ($?p$, где p – пропозициональное содержание вопроса) к форме побуждения ($!p$):

$$?p \rightarrow !p.$$

Этот переход, вообще говоря, не является однозначно предопределённым, он содержит альтернативы. Эти альтернативы взвешиваются, осознаются и рассчитываются как говорящим, так и слушающим. Простой вопрос: *Можете ли вы открыть окно?* – в подходящей ситуации обычно понимается слушающим как просьба открыть окно. Однако переход $?p \rightarrow !p$ не так уж и прост. Говорящий, подразумевая иллокуцию побуждения, должен считаться с возможностью, что слушающий не *Может* (или не *Готов*) осуществить p .

Таким образом, говорящий, задавая вопрос, предполагает альтернативные ответы слушающего: да или нет. В то же время слушающий, осмысливая вопрос, должен определить подлинную иллокуцию говорящего: а) *хочет ли говорящий, чтобы я совершил действие p* или б) *он хочет, чтобы я информировал его о своих способностях*. Учитывая эти альтернативы, мы можем восстановить этапы коммуникативной деятельности, которые пропущены (сокращены) в речевом акте. При этом возможны два варианта протекания этой деятельности с помощью речевых актов.

Первый вариант:

1. Вопрос Г (*Можете ли вы открыть окно?*) → 2. Да (ответ С) → 3. Просьба Г (*Тогда откройте!*) → 4. Rc (реальное действие С: открывание окна).

Второй вариант:

1. Вопрос Г (*Можете ли вы открыть окно?*) → 2. Нет (ответ С).

Во втором случае слушающий оценил иллокуцию говорящего как просьбу об информировании о своих способностях и считает коммуникацию исчерпанной. Говорящий, если он на самом деле имел в виду совсем иное (побуждение слушающего к действию), вынужден считать свой речевой акт неуспешным, не достигшим

цели. Он может объяснить это различными предположениями, например: а) слушающий не желает с ним сотрудничать (нарушение принципа кооперации); б) слушающий не понял его намерений (косвенная просьба); в) существуют реальные препятствия в осуществлении действия слушающего (например, окно имеет какой-то секрет, существует физическое ограничение в возможностях слушающего и т. п.). Выбрав какую-либо из предполагаемых альтернатив в качестве посылки, говорящий может либо прекратить коммуникацию, либо развить её по иной стратегии.

Однако обычно коммуникация развивается по первому сценарию. Первая схема отражает не реальную, а виртуальную ситуацию. Реальная ситуация выражается схемой: 1. Вопрос Г → 4. Rc (реальное действие С). Следовательно, акты 2, 3 в этой схеме пропущены. Это объяснимо при допущении, что акты 2 и 3 проигрываются в уме как говорящего, так и слушающего. Говорящий Намерен (Хочет) осуществить *p* с помощью слушающего, он предполагает, что слушающий Может (Готов) выполнить *p* (предполагаемый ответ – акт 2), поэтому скрытно (имплицитно) каузирует в вопросе просьбу (акт 3). Слушающий понимает истинное намерение говорящего (Хочет *p*), он считает, что говорящий предполагает его готовность совершить *p* (предполагаемый ответ – акт 2), поэтому он каузирует в вопросе просьбу (акт 3). Слушающий, сделав все эти умозаключения, сразу осуществляет акт 4 (Rc).

Почему же говорящий выражает свою просьбу не в прямом акте, а в косвенном: в виде вопроса? Вопросительная форма не простая дань вежливости, но обусловлена учетом второго сценария развития событий, т. е. невозможностью или нежеланием или неготовностью слушающего произвести *p*. Поэтому «в случае косвенного употребления вопросительных предложений значение вопроса обязательно сохраняется»⁹⁹.

Понимание косвенных смыслов, по Конраду, предполагает «потенциальные, т. е., собственно говоря, пропущенные, воображаемые, а не реальные речевые акты». Восстановление пропущенных актов достигается на основе умозаклучений, которые невозможно вывести из эксплицитно выраженного смысла, решаю-

⁹⁹ Конрад Р. Указ. соч. С. 356.

щую роль здесь приобретает контекст, как лингвистический, так и экстралингвистический. Весьма существенным фактором экстралингвистического характера является учёт реальной ситуации, в которой осуществляются речевые акты.

Рассмотрим более сложный пример косвенного речевого акта, анализируемый Конрадом. Говорящий обращается к стоящему в трамвае человеку с вопросом: *Вы сейчас выходите?* – который можно интерпретировать как просьбу: *Позвольте мне пройти!* Коммуникативное поведение говорящего может развиваться по различным сценариям:

а) 1. Вопрос Г (*Вы выходите?*) → 2. R1 (С отходит в сторону, пропуская Г) → 3. Г выходит.

б) 1. Вопрос Г (*Вы выходите?*) → 2. *Да* (ответ С) → 3. R2 (С выходит, освобождая место для Г) → 4. Г выходит.

в) 1. Вопрос Г (*Вы выходите?*) → 2. *Нет* (ответ С) → 3. Просьба Г (*Отойдите, пожалуйста, в сторону*) → 4. R1 и Г выходит.

г) 1. Вопрос Г (*Вы выходите?*) → 2. *Нет* (ответ С) → 3. Просьба Г (*Отойдите, пожалуйста, в сторону*) → 4. R3 (С не отходит) → 5. Г не выходит.

Вариант г) является нарушением принципов кооперации (сотрудничества) в коммуникации и не соответствует стандартным нормам поведения в обществе. Вариант а) является типичной реакцией слушающего, расшифровавшего косвенный смысл вопроса.

Восстанавливая подлинный смысл сказанного говорящим, слушающий производит импликации: А) говорящий Хочет, чтобы я совершил *p*; В) говорящий Намерен добиться от меня совершения *p*; С) говорящий каузирует побуждение *!p*. Эти импликации спрашивающий выводит из учёта реальной ситуации, типичной схемы поведения в данной ситуации и принципов коммуникации (условия искренности побуждения). Условия *A*, *B*, *C* имеют, по мнению Конрада, экстралингвистическую природу и «не получают непосредственного языкового выражения, т. е. вербальный акт требования... не имеет места».

Следует отметить, что слушающий может совершить акт 2 в сценарии а), если он сделает ещё два умозаключения: во-первых, он осознаёт, что говорящий имеет своей конечной целью выйти из трамвая; во-вторых, что именно он (слушающий) является препятствием на пути выполнения этой цели. Они не вербализуются слушающим, а логически подразумеваются, и в результате слушающим предпринимается действие R1.

Наконец, в сценарии в) слушающий отвечает «Нет». Именно этот отрицательный ответ слушающего порождает акт 3 – просьбу говорящего отойти в сторону. В принципе сценарий повторяет сценарий а). Различие между ними в том, что в сценарии а) пропущены акты 2 и 3, которые присутствуют в сценарии в), но они подразумеваются и учитываются слушающим, осуществляющим действие R1. Следует подчеркнуть, что сокращение предполагаемых речевых актов в сценарии а) возможны только в случае потенциально возможного отрицательного ответа. Анализируемый пример является более сложным, чем рассмотренный выше пример с просьбой открыть окно. Его сложность в том, что слушающий может дать различные ответы, осознав, что он является препятствием на пути достижения конечной цели говорящего и предпринять соответствующие различные действия. Кроме того, если в примере *Не можете ли вы открыть окно?* пропозициональное содержание вопроса и побуждения сохранялось $?p \rightarrow !p$, то в последнем примере оно существенно различается: *Вы выходите?* $\rightarrow$ *Отойдите, пожалуйста, в сторону!*, – т. е. реализуется формула $?p \rightarrow !q$. Это ещё раз говорит о том, что смысл побуждения может и не содержаться в вербальном акте говорящего (в сценарии а)).

В любом случае вопрос логически необходим именно из-за того, что слушающий может предпринять различные действия. Если бы говорящий предпринял прямой речевой акт, например: *Отойдите, пожалуйста, в сторону*, – он мог бы встретить возражение со стороны слушающего, например: *С какой стати?* – или, просчитав варианты: *Я собираюсь выходить*, – и т. д. Вопросительная форма речевого акта, предпринятого говорящим, обусловлена желанием последнего добиться успеха в реализации конечной цели, а это предполагает выяснение условий достижения ус-

пека, зависящих от позиции слушающего. Ведь именно слушающий является препятствием на пути осуществления этой цели.

В выборе формы побуждения говорящий учитывает социокультурные нормы иерархии, поэтому возможны два варианта:

А) Слушающий обязан сделать p : Обязан (C, p);

Б) Слушающий не обязан делать p : $\sim$ Обязан (C, p).

Условие А) характерно для приказов, распоряжений, команд и т. п.; условие Б) – для просьб, предложений, рекомендаций, советов. Пытаясь побудить слушающего сделать p , говорящий, помимо уже рассмотренных условий: *Хочет* (G, C, p), *Намерен* (G, C, p), – должен выяснить для обеспечения успеха ещё два условия:

В) Может (C, p) – в состоянии ли слушающий осуществить p ;

Г) Готов (C, p) – готов ли слушающий сделать p .

Именно условие Г) имеет решающее значение для случаев, предусмотренных ситуацией Б). Косвенный вопрос направлен прежде на выяснение условия Г). Говорящий вынужден созидательно вводить вопросительную форму «? p », поскольку не знает ответа слушающего. Понятно, что акт вопрошания не имеет особого значения в стандартных ситуациях (ресторанах, гостиницах, офисах и т. п.), где говорящий знает, что слушающий либо *готов*, либо *обязан* сделать p . Однако в неопределённых ситуациях, когда говорящий не знает, готов ли слушающий совершить p , иллюкуция вопрошания становится необходимой и сопутствующей побуждению p .

Таким образом, умозаключения в косвенных речевых актах относительно *Хочет* (G, p), *Намерен* (G, p), *Каузирует* (G, p) не имеют языкового выражения, а выводятся из ситуации¹⁰⁰. Умозаключения относительно *Обязан* или *Не-обязан* выводятся из знания социокультурных норм. Основания же для вывода *Может* (C, p) и *Готов* (C, p) содержатся в языковой форме косвенного речевого акта. Наличие экстралингвистических факторов, обуславливающих импликации в речевых актах, принципиально отличают естественную логику от формальной.

Подведём итоги нашего анализа. Все человеческие смыслы подчиняются логике, которая не противоречит формальной, но

¹⁰⁰ См.: Конрад Р. Указ. соч. С. 380.

существенно выходит за её пределы. Эту логику можно назвать естественной, или логикой человеческой коммуникации.

Естественная логика содержит две части, которые можно назвать «надводной» и «подводной». Надводная часть манифестируется в языковых выражениях и подчиняется системе семантических правил (конвенций), прежде всего семантической согласованности имён и предикатов. Предпосылки логичности смысла заложены уже в самом языке, в котором выполняются гиперогипонимические отношения имён, отношения контрарности (антонимия), отношения эквивалентности (синонимия).

Предложение как более сложная единица смысла, чем лексема, обладает значительно более богатыми логическими возможностями. Из логического анализа предложения можно делать определённые выводы (импликатуры) и реконструировать пресуппозиции. Всякое осмысленное предложение подразумевает определённые пресуппозиционные предпосылки, задающие мир (контекст), в котором предложение обретает свой смысл.

Подводная часть смысла не манифестируется, но играет существенную роль в речевых актах, которые можно рассматривать как действие говорящего по достижению своих целей. К не манифестируемой части могут относиться скрытые намерения говорящего, которые принципиально важны для понимания сказанного. Речевые акты порождают более богатый спектр презумпций и импликатур, чем предложение. Реконструкция намерений говорящего основывается, с одной стороны, на манифестируемом смысле, подчиняющемся языковым конвенциям, как семантическим, так и прагматическим. Однако во многих случаях манифестируемого смысла оказывается недостаточно, чтобы сделать выводы о намерениях говорящего. Существенную роль в этом случае приобретают экстралингвистические факторы: социокультурный контекст высказывания, социокультурные нормы, фоновые знания.

Если обычный логический вывод из осмысленного (т. е. правильно построенного) повествовательного предложения основывается на знании условий его истинности, то для импликатур речевого акта важнейшее значение приобретают условия его искренности и успешности.

В диалогах проявляются ещё более богатые возможности логических выводов. Помимо указанных логических предпосылок (языковые конвенции и экстралингвистические факторы) здесь приходится учитывать принципы кооперации (сотрудничества) коммуникантов в достижении общей цели диалога. Как показывает анализ, важнейшее значение приобретают планы коммуникантов в достижении общих целей, их умозаключения, фоновые знания. Это свидетельствует о том, что процесс взаимопонимания в коммуникации носит существенно рациональный характер, предполагающий последовательное продвижение к общей цели, взвешенную оценку альтернатив в планах коммуникантов, способность делать выводы (вскрывать презумпции и выводить импликатуры), переходить от имплицитного (скрытого) смысла к эксплицитному.

Подлинной мукой для формальной логики являются косвенные речевые акты, в которых коммуникант говорит одно, а имеет в виду совсем другое. Косвенные речевые акты сигнализируют о себе какими-либо отклонениями от стандартной модели коммуникации. Но именно способность коммуникантов делать выводы из экстралингвистических факторов и их приверженность к коммуникативным принципам кооперации позволяют слушающему распознать за прямым смыслом сказанного скрытый и подлинный смысл, изначально имевшийся в виду говорящим. Интерпретация слушающим косвенного смысла, основанная на умозаключениях, сделанных из комплекса как лингвистических, так и экстралингвистических условий, обнаруживает подлинный смысл сказанного и снимает первоначальное отклонение высказывания от стандартной модели коммуникации.

Смысл, логика и рациональность неразрывно связаны в человеческой коммуникации и обеспечивают великий дар взаимопонимания.

Глава 7

АБСУРД КАК НАРУШЕНИЕ СМЫСЛА

Смысл – это феномен духовной жизни человека, выражающий наиболее имманентное свойство его культуры – способность мыслить. К чему бы ни стремился человек: к поиску добра и счастья, познанию истины, справедливому устройству общества, добыванию хлеба насущного, радости человеческого общения – везде и всегда он опирается на смыслы. Смыслы являются интеллигибельными, т. е. умопостигаемыми, сущностями. В смыслах человек осмысливает мир, свои интенции, поступки других людей.

Способность мыслить широко, по-человечески, постигая смыслы, транслируемые в культуре, – это отнюдь не школярный навык, усвоенный из уроков формальной логики. Скорее это определённое качество общественного человека, приобретаемое в общении с другими людьми, деятельном освоении мира, решении простых и сложных задач, встречающихся ему на жизненном пути, способности рассуждать (т. е. судить о чём-либо) и делать выводы.

Смыслы всегда имеют своего автора, за каждым смыслом скрывается (пусть и анонимный) его творец. Поэтому и говорят, что смыслы имеют глубоко личностный характер. Вместе с тем каждый смысл массой нитей связан с другими смыслами, хранящимися в культуре и, прежде всего, в языке. Смыслы способны накапливаться и транслироваться в культуре. Через освоение или, вернее, присвоение смыслов человек присоединяет себя к человечеству. Именно поэтому смыслы являются не только продуктом личностным, но и одновременно – феноменом общечеловеческим, универсальным. Среди всех форм обмена, возникших в культуре, самым универсальным и общечеловеческим является обмен смыслами.

Смыслы – это отнюдь не произвольная придумка отдельного человека. Любой человек стремится не только понять других людей, но и быть понятым другими. А это возможно только потому, что организация смысла подчиняется определённым законам, нормам смыслотворчества. Смысл – это всегда правильно организованная мысль.

Если смыслы подчиняются определённым нормам смыслотворчества, правилам коммуникации, то отклонения от этих норм никогда не способствовали их пониманию и успеху коммуникации. Полюсом, противоположным смыслу, всегда считался абсурд. Собственно говоря, сам термин «абсурд» и возник для обозначения таких нарушений смысла, которые губительны для него. Абсурд, таким образом, трактуется как феномен, противоположный смыслу, равнозначный отсутствию смысла.

Все правильные организации смысла располагаются между тавтологией и абсурдом. Тавтология (*Война есть война; Женщина есть женщина*) несёт нулевую информацию. Абсурд обычно отождествляется с противоречием, обнаруживаемым в структуре смысла, например: *Холостяк познакомил нас со своей женой; Жизнь есть смерть*.

Нарушения в смысле можно сравнить с мутациями наследственной структуры организма, в результате которых появляются мутанты. Как в основе генетического кода лежит система химической упорядоченности сложных молекул, так и в основе порождения смысла лежит система правил его построения. Все нарушения правил проявляются в речи как алогичность выражения, т. е. как нарушение формальной и естественной логик.

Поскольку осмысленное (имеющее смысл) выражение несёт информацию, к нему вполне применимы такие качественно-количественные характеристики его организации, как негэнтропия и энтропия. Негэнтропия всегда характеризуется упорядоченностью системы, энтропия же является мерой хаоса в системе. Правильно организованный смысл обладает максимальной негэнтропией. Из него можно извлечь чёткую информацию, устраняющую неопределённость в выборе каких-либо альтернатив, вывести возможные импликации.

Абсурд эквивалентен внесению хаоса в выражение. С коммуникативной точки зрения его можно интерпретировать как наличие сбоев, несогласованностей между компонентами смысла, нарушений лингвистических и коммуникативных правил его образования. Абсурд затрудняет логическое выведение импликаций, а в определённых критических случаях, когда обнаруживается противоречие ($A \ \& \ A$), вообще разрушает всякую логику смысла.

Поскольку энтропийные моменты (сбои и нарушения) в смысле могут затрагивать различные уровни его организации, можно говорить о различных типах абсурда.

Мы проанализируем три типа (ситуации) абсурда. Прежде всего, остановимся на семантических сбоях (нарушениях) смысла в последовательностях слов и высказываниях, которые ведут к абсурду. Затем проанализируем абсурды, возникающие в коммуникативных ситуациях и связанные с нарушением естественной логики речевых актов. Наконец, подробно рассмотрим софизмы и парадоксы, в которых также способен проявляться абсурд.

§ 1. Абсурд как нарушение семантических конвенций

Первым требованием осмысленности выражения является смысловая нагруженность составляющих его элементов, т. е. слов. Если компоненты, из которых составлено выражение, не имеют смысла (т. е. у них отсутствует семантика), то высказывание в целом оказывается бессмысленным, даже если оно по своему синтаксическому строю напоминает предложение. Подобного рода бессмыслицы любят конструировать лингвисты в качестве дидактического материала. Например, *Хливкие шорьки пырялись по наве* (Л. Кэрролл); *Глокая куздра штеко бодранула бокра и кудрячит бокрѣнка* (Щерба).

Приведѣнные выражения напоминают чужой и неизвестный язык. Однако их отличие от фраз чужого языка состоит в том, что они в принципе не переводимы ни на один язык. В них просто нет смысла, тогда как фразы чужого языка всё-таки переводимы и, следовательно, имеют смысл. Говоря об осмысленности используемых в выражении слов, следует подчеркнуть, что речь, конечно, идёт об общеупотребительном смысле лексем, существующих в лексиконе нации. Слова, специально сконструированные и не вписывающиеся в общепринятую систему языка, даже если их создатель и вкладывал в них какой-то смысл, безусловно, разрушают смысл высказывания. В этом плане интересны наблюдения К. Чуковского над языком детей, который ещё в недостаточной степени соответствует общепринятым нормам. Например, фраза: *На посту стоит вулицционер*, – сказанная ребёнком, расшифровы-

вается родителями как детская окказиональная конструкция слова милиционер, полученная на основе смысла: тот, кто стоит *на улице*. Много подобных окказиональных конструкций мы встречаем у Л. Кэролла в его «Алисе». Например, слово «злопасный» является произвольной конструкцией слов: «злой» + «опасный».

Если первое требование осмысленности слов, составляющих выражение, выполнено, это ещё не означает, что мы получим в итоге осмысленное предложение. Следует помнить, что смысл обладает важнейшей системной характеристикой – целостностью, не сводимой к сумме смысловесущих компонентов. Организация, присущая смыслу в целом, регулируется тремя программами: семантической согласованностью (имён и предикатов), синтаксической управляемостью слов в синтагмах (последовательностях слов) и лексической сочетаемостью.

Самым жёстким и критериальным для порождения осмысленного высказывания является требование семантической согласованности слов в предложении, которое иногда называют категориальным согласованием

Суть семантического согласования заключается в необходимом соответствии между существующими классами имён и возможным набором приписываемых им в предложениях предикатов. Классы имён выделяются на основе принципа дифференциации по восходящей эволюционной лестнице именуемых объектов: от неживых объектов (тел) к растительным, животным и разумным существам. Для каждого имени существует свой парадигмальный набор возможных предикатов. Парадигмальные наборы определяются следующими принципами: а) каждому вышестоящему в эволюционной лестнице классу можно приписывать помимо специфических (присущих только ему) предикатов все предикаты нижестоящих классов; б) нижестоящим в эволюционной цепи классам нельзя приписывать специфические признаки более развитого класса. Так, предикаты *двигаться*, *перемещаться*, *иметь размеры*, *вес* и т. п. можно связывать в предложении практически со всеми именами, но предикат *дышать* нельзя приписывать камню, *вычислять* – обезьяне, и т. д.

Принципы семантического согласования имён и предикатов отражают связи вещей и их свойств в реальном мире, корректиру-

ются картиной мира, которая находит своё отражение в языке. Запреты, налагаемые принципами семантического согласования, могут нарушаться в фантастических сюжетах, а также при употреблении косвенных (иносказательных) смыслов. Однако в случае употребления прямых смыслов, выражающих положение дел в нашем мире, нарушение семантического согласования ведёт к абсурду, например: *Табуретки плодились в неимоверном количестве*.

Помимо категориальных ошибок, связанных с иерархией классов имён, возможны нарушения семантических согласований, выражающих связи общего и единичного, целого и части в предложениях. Например, можно сказать: *Жан являлся ярким представителем французской нации* (общее – единичное), но нельзя – *Корень является представителем растений* (целое – часть). Существует важное различие между семантикой пространственных и временных предикатов. Например, правильно говорить: *Туристы преодолели путь в 15 км*, – но неправильно – *Туристы преодолели 3 часа*. Существуют семантические ограничения на характеристики агрегатных состояний. Жидкость может *литься*, но не *сыпаться*, газ может *сжиматься*, но не *литься* и *сыпаться*, лёд – только *колоться*, но не *резаться*, и т. п.

Более точно ограничения, связанные с согласованием имён и предикатов, удалось сформулировать на основе семного анализа. Семы – это семантические компоненты смысла слова. В конкретном высказывании, как правило, актуализируется какая-либо одна из сем. Существует правило для образования правильных (осмысленных) синтагм. Слова в синтагмах образуют правильную последовательность только в том случае, если у них совпадают (пересекаются) какие-либо семы, например, *собака лает*, *солнце светит*. Из этого правила вытекает ограничение на образование бессмысленных фраз. Под запрет попадают синтагмы, в которых отсутствует семная связь слов. Например: *Зелёные идеи яростно спят*; *Фонема обоняла звук запаха*. В первом случае ни одно из слов, задействованных в построении фразы, не имеет семного зацепления с другим. Во втором примере слова в парах *фонема* – *звук*, *обоняла* – *запах* имеют общие семы, но не образуют последовательной синтагмы, а те, что образуют синтагму (*фонема обоняла*, *звук запаха*), не связаны общими семами. Наиболее ярко абсурд проявля-

ется, когда соединяются слова с контрастными семами (оксюмороны): *круглый квадрат, живой труп, женатый холостяк*. В таких абсурдных синтагмах каждое последующее слово отрицает смысл, утверждаемый предыдущим.

Помимо семантики для образования целостного смысла предложения существенное значение приобретает синтаксис. Говоря о синтаксическом управлении смыслом, следует иметь в виду отнюдь не правила согласования по роду, падежу и числу (т. е. грамматику), нарушение которых скорее обнаруживает недостаточное владение языком, а более глубокий синтаксис (Хомский, Миллер), затрагивающий семантику пропозиций. Смысловая нагруженность синтаксиса обнаруживается в заполнении валентностей сказуемого. Например, фраза: *Иван колот*, – воспринимается нелепой вследствие незаполненной валентности глагола *колот* (что – *дрова топором, лёд ломом*). Столь же нелепыми выглядят фразы: *Пётр – друг* (чей?); *Николай – брат* (кого?); *Джон старше* (кого?).

Смысл предложения – это, прежде всего, некоторое *положение дел* в возможном мире. При незаполненных синтаксических позициях или неправильном их заполнении трудно представить себе, какое положение дел имеется в виду, например: *Он окружил себя* (чем? как?). Известно, что на предикатной группе, выполняющей функцию сказуемого, лежит основная нагрузка в выражении смысла предложения. Субъект (подлежащее) лишь намечает тему смысла, доминанта смысла содержится в реме, раскрывающей, что происходит с субъектом, кем или чем он является, какова его характеристика. Сказуемое – это то, что сказывается о субъекте предложения. Чтобы сформулировать правильный и целостный смысл предложения, необходимо заполнить все синтаксические позиции в группе сказуемого.

К характерному типу бессмыслиц относятся синтаксические нарушения, связанные с неправильным расположением актантов (имён, обозначающих предметы или лица) при глаголах действия. Например: *Ехала деревня мимо мужика. Вдруг из-под собаки лают ворота! Выскочила скалка с бабою в руке. Начала дубасить коня на мужике*. Подобного рода искусственные конструкции типичны для жанра небылиц.

Наконец, третий уровень построения смысла образует лексическая сочетаемость. Лексическая сочетаемость отличается от семантической тем, что она не отражает реальных связей вещей и их свойств в мире, а является продуктом конвенции, принятой в некотором национальном языке. Например, нельзя сказать *каштановые глаза*, а следует говорить *карие глаза*, принято говорить *снять дачу* (а не *арендовать*), *круглый дурак* (а не *полный дурак*). Семантические ограничения являются более жёсткими и критичными для образования смысла, чем лексические, ибо связаны с моделями устройства мира (положениями дел). Их нарушение делает абсурдным даже мысленное представление какого-либо возможного положения дел в мире. Лексические нарушения не столь разрушительны для смысла. Встретив предложение: *Он арендовал дачу* (вместо *снял дачу*), – мы всё же поймём смысл сказанного, хотя в нём и нарушается лексическая сочетаемость.

Особый случай лексической сочетаемости слов представляют идиомы (например, *тихой сапой*, *без году неделя*, *оставаться на бобах*), в которых нельзя заменить ни одного слова без разрушения смысла. Идиомы встраиваются в смысл предложения полностью в неизменном виде.

Таким образом, нарушения в образовании смысла, связанные с семантической согласованностью, синтаксическим управлением и лексической сочетаемостью, ведут к разрушению смысловой ткани предложения. В этом случае вместо нормативного смысла, трактуемого как некоторое положение дел, мы получаем различного рода нелепицы, бессмыслицы, абсурд. В принципе можно было бы ввести целую шкалу или типологию абсурдов. Наиболее ярко абсурд манифестируется наличием противоречия внутри синтагм (*круглый квадрат*, *глухонемой певец*, *свинцовый пух*). Абсурд в предложении аналогичен автомобилю, собранному как попало, когда на место карбюратора ставится трамблер, воздушного фильтра – бензиновый фильтр и т. п. Если смысл предложения определяется как возможное положение дел в мире, то об абсурде можно сказать, что он выражает невозможное в любом мыслимом мире.

Заканчивая анализ причин абсурда в рамках предложения, нельзя не остановиться на скрытой части айсберга смысла – на

пресуппозиции. Пресуппозиция предполагается смыслом конструируемой пропозиции. Чаще всего она не выражается в речи, но подразумевается смыслом предложения. Пресуппозицию можно реконструировать из основного смысла предложения, хотя она и не является импликацией в строгом логическом смысле. Дело в том, что пресуппозиция безразлична к истинностному значению предложения в отличие от логических следствий. Собственно говоря, пресуппозиция S^* и определяется как предпосылочный смысл, полагаемый пропозицией S , независимо от того, является ли последняя истиной или ложью.

Возьмём, к примеру, предложение: *Осторожно продвигаясь по шоссе на своём новом автомобиле в густом лондонском тумане, Чарльз опоздал к открытию банка, чем вызвал недовольство шефа*. Независимо от того, опоздал Чарльз или всё-таки поспел вовремя, из манифестируемого смысла можно сделать вывод: существует человек по имени Чарльз (пресуппозиция существования), он служит в банке, у него есть автомобиль, он работает и живёт в Лондоне. Это и будут пресуппозиции манифестируемого предложения.

Итак, пресуппозиция и пропозиция всегда связаны необходимой смысловой связью. Поэтому при нарушениях этой смысловой связи, а тем более при возникающем противоречии между ними, возникает абсурд. Фраза: *Покойник явился во фраке с букетом роз*, – является абсурдной, так как нарушает пресуппозицию существования субъекта предложения. Подобное утверждение может возникнуть только в каком-то фантастическом сюжете.

Смысловая функция пресуппозиции состоит в том, что она вводит в план высказываний тот возможный мир, по отношению к которому строятся манифестируемые смыслы. Мир, вводимый пресуппозицией, не обязательно должен совпадать с нашим реальным миром. Он может быть каким угодно, даже фантастическим, но, обозначая этот мир, пресуппозиция накладывает ограничения на смыслы, манифестируемые предложением. Здесь действует правило: пресуппозиция и пропозиция должны относиться к одному и тому же миру. Абсурд чаще всего и возникает из-за смешения планов реального и ирреального миров.

Рассмотрим отрывок из вьетнамской песни, который цитирует Хоанг Фэ¹⁰¹:

Когда угорь пойдёт на нерест в заросли смоковниц,
А сорока начнёт высиживать птенцов на дне реки,
Я женюсь на тебе.

Первичный поверхностный смысл фразы состоит в том, что молодой человек обещал жениться на девушке к определённому сроку. Однако мир, вводимый пресуппозицией, явно ирреален. Известно, что угорь не может нереститься на суше, а сорока высиживать птенцов на дне реки. Рисуемая ситуация явно абсурдна, но в песне она используется сознательно, чтобы обозначить невозможность заключения брака молодых людей в реальном мире.

Приём совмещения параллельных миров – реального и ирреального (фантастического, сакрального, сказочного) – часто используется в литературе для подчёркивания абсурдности рассматриваемой ситуации. Например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» этот приём сознательно используется и для акцентуации комичности возникающих ситуаций, и для придания эффекта неожиданности описываемых событий, и для подчёркивания божественной ауры таланта Мастера.

Проблема совмещения сакральной и земной истории в жизни Иисуса Христа всегда вызывала бурные дискуссии в теологии. Попытки истолкования жизненного пути Иисуса с позиций рационализма или здравого смысла всегда наталкивались на непреодолимое препятствие в толковании чуда. Чудо – непременный атрибут сакральной истории, оно всегда выступает маркером божественной природы деяний, однако, с точки зрения здравого смысла, опирающегося на земной опыт, чудо противостоит естественности и потому абсурдно.

Сын Бога был беспорочно зачат в чреве обычной женщины. Беспорочное зачатие вполне допустимо в сакральном мире, но немислимо в земном мире, т. е. абсурдно. Сын Бога был распят как простой человек, и это абсурдно уже с точки зрения божественной сущности Иисуса Христа. Будучи мертвым как обычный смертный, он воскрес, и это абсурдно для земной истории. Вот что пи-

¹⁰¹ См.: Хоанг Фэ. Указ. соч. С. 400.

шет по этому поводу Тертуллиан: «Сын Божий распят, нет во мне стыда, ибо это постыдно. Божий сын мёртв: это правдоподобно, ибо нелепо. И был он погребён и восстал из гроба: это определённо, ибо невероятно»¹⁰².

Возможность совмещения различных пресуппозиций в осмыслении одних и тех же манифестируемых предложений часто используется в комических жанрах. Обратимся к анекдоту.

Грабитель поздним вечером догоняет спешащую домой молодую учительницу и угрожающе говорит: *Отдай часы*. Учительница: *Часы? Ни за что, мне самой не хватает*. Комизм ситуации состоит в том, что грабитель исходит из пресуппозиции, что у девушки есть наручные часы, в то время как она исходит из пресуппозиции, что мужчина требует поделиться с ней учебными часами в школе.

Таким образом, абсурд всегда возникает из разрушения смысловых связей как внутри предложения, так и между пресуппозицией и самим манифестируемым предложением.

§ 2. Абсурд как нарушение принципов коммуникации

До сих пор мы рассматривали возможности возникновения абсурда, исходя из системы лингвистических норм, присущих построению правильного предложения. Именно из анализа предложений как смысловой единицы языка возникла пропозициональная парадигма, трактующая смысл как возможное положение дел в мире. Однако пропозициональная парадигма смысла является сильной идеализацией, не учитывающей всех смысловых аспектов живой речи, в которой коммуниканты осуществляют свои намерения и цели, стремятся к взаимопониманию, выстраивают определённую логику диалога. То, что считалось несущественным для пропозиционального подхода, а именно: модальная рамка пропозиции (утверждение, отрицание, вопрошание, сомнение и т. д.), а также намерения, мотивы, цели субъекта речевого акта – всё это приобретает важнейшее значение в реальной коммуникации.

¹⁰² Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб. : Петрополис, 1994, Т. 2: Средневековье. С. 48.

В практике общения люди не говорят бесцельно, а всегда преследуют определённые цели, стремясь проинформировать о чём-либо слушающего, добиться от него какого-либо результата, дать совет, попросить о чём-либо, предупредить, они что-то обещают друг другу, приказывают и т. д. Поэтому для понимания смысла речевого акта весьма существенное значение приобретают и модальность высказывания, и намерение говорящего, и скрытые, подчас, мотивы.

Речевой акт содержит три взаимосвязанных смысловых компонента: иллокуцию, локуцию и перлокуцию. Иллокуция характеризует все намерения говорящего, производящего речевой акт: его мотивы, цели. Локуция является манифестацией речевого акта, построенного по принципам языковых конвенций и коммуникативного сотрудничества, о которых пойдёт речь далее. Наконец, перлокуция является коммуникативным эффектом, производимым речевым актом на слушающего.

Если подходить к речевому акту как к коммуникативному действию, то понимание его смысла следует расширить за пределы пропозициональной парадигмы. Пропозиция p составляет лишь ядро смысла речевого акта, но в его целостный смысл входят также намерения и цели говорящего. В модель речевого акта входит перформативный глагол, выражающий иллокутивную цель говорящего, и сама пропозиция, указывающая на то положение дел, которое должно быть достигнуто:

утверждаю, что p ;
обещаю сделать p ;
прошу сделать p ;
приказываю сделать p ;
объявляю p ;
советую сделать p .

Следовательно, целостный смысл речевого акта образуется единством (гармонией) мотивов, намерений, целей говорящего и локуцией высказывания (манифестированным грамматическим строем предложения). Так же, как в любом действии цель, средства и его конечный результат соответствуют друг другу, так и в речевом акте мотив предопределяет намерения говорящего, намере-

ния – цель, цель обуславливает план построения речевого акта, реализация плана предопределяет воздействие на слушающего в желаемом направлении. Любое рассогласование в этой цепочке может приводить к абсурду.

Для успеха речевого акта, помимо выполнения лингвистических норм, существенное значение приобретают общезначимые принципы коммуникации. Впервые эти принципы сформулировал Г. П. Грайс¹⁰³, назвав их Принципами Кооперации, или Сотрудничества. По мнению Грайса, важнейшими характеристиками речевого акта являются его *успешность* и *искренность*. Именно эти характеристики речевого акта в какой-то степени аналогичны критерию истинности, применимому к дескриптивным предложениям. Ориентируясь на успех коммуникативного действия, коммуниканты стремятся к взаимопониманию в достижении общей цели, пытаются распознать не только манифестированную иллокуцию, но и скрытые (имплицитные) намерения и мотивы говорящего, пытаются делать адекватные шаги в сообщении необходимой и релевантной информации, делать адекватные выводы (т. е. выводить импликатуры), соблюдать социокультурные нормы. Например, приказ может отдавать только высшее в социальной иерархии лицо, советы и предупреждения могут быть обращены к другу, декларации может осуществлять официально уполномоченное лицо.

Дж. Лакофф, развивая идеи Грайса, говорит о существовании естественной логики в коммуникациях, нарушение которой приводит к абсурду¹⁰⁴.

Рассмотрим некоторые парадоксальные речевые акты:

Прошу тебя открыть окно, но не открывай его.

На улице идёт дождь, но я не верю в это.

Обещаю жениться на тебе, но не сделаю этого.

С семантической точки зрения здесь нет никаких нарушений, но с позиции Принципов коммуникации такие речевые акты недопустимы. В них нарушаются искренность и естественная логика коммуникации. По Лакоффу, существует логическая связь между

¹⁰³ См.: Грайс Г. П. Указ. соч.

¹⁰⁴ См.: Лакофф Дж. Указ. соч.

иллюкцией, выраженной перформативными глаголами *просить*, *утверждать*, *обещать*, и мотивом речевого действия:

Просить p – значит *Желать p*;

Утверждать p – значит *Верить в p* (считать истинным *p*);

Обещать p – значит *Намереваться* выполнить *p*.

Таким образом, в приведённых примерах нарушается логика коммуникативных действий, так как нельзя одновременно: *Просить нечто* и *Не желать этого*; *Утверждать что-то* и *Не верить в это*; *Обещать нечто* и *Не намереваться выполнить обещанное*. Нарушение естественной логики в речевых актах означает их абсурдность.

Лакофф указывает на аналогию между семантическим понятием истинности, применимым к констатирующим фактам высказываниям, и понятием успеха, применимым к перформативам. Коммуникант, который не стремится к успеху, т. е. эффективному достижению поставленной цели, поступает абсурдно. Явно абсурдными с этой точки зрения являются высказывания:

Не выполняй настоящего приказа.

Я обещаю не сдержать данного обещания.

Я советую тебе не следовать настоящему совету.

По мнению Лакоффа, в принципе не существует ни одной мыслимой ситуации, в которой бы осуществились намерения коммуниканта. Если попытаться перевести первый перформатив в некоторое констатирующее высказывание, например: *Джон выполнял приказ, когда его не выполнял*, – то оно не может иметь истинностного значения (его нельзя оценить ни как ложь, ни как истину), оно является уже семантической бессмыслицей (*выполнял* = *не выполнял*).

Специфика речевых актов состоит в том, что часто иллюкции говорящего скрыты, не манифестируются в высказывании. Например, если кто-то говорит вам, увидев ваше намерение войти во двор: *Во дворе злая собака*, – то вы понимаете, что это не простая констатация факта, а предупреждение, которое в восстановленной форме звучит так: *Предупреждаю тебя, что во дворе злая собака*.

Однако существует целый ряд глаголов, выражающих иллокутивную цель говорящего, явное употребление которых недопустимо в речевом акте, ибо ведёт к подрыву намерений говорящего. Э. Вендлер назвал явное употребление таких глаголов «иллокутивным самоубийством»¹⁰⁵.

В числе подобных глаголов Э. Вендлер выделяет две группы: 1) ругать, поносить, пилить, придирааться; 2) высмеивать, дразнить, насмехаться, язвить, умалять достоинство, льстить, намекать. Все эти глаголы имеют негативные коннотации. Действительно, речевые акты с употреблением данных глаголов (например, *Я поношу тебя, Я высмеиваю тебя*) воспринимаются как отклонение от нормы. В чём же выражается это отклонение?

По мнению Вендлера, при подобных употреблениях глаголов нарушаются социокультурные нормы, в частности, этикетные правила. Так, если вы хотите выразить некоторый намёк, то недопустимо начинать речевой акт с глагола «намекать», например: *Я намекаю тебе, что назначаю свидание*. Говорящий должен побудить слушающего к разгадке вашего желания: *Не пойти ли нам вечером в кафе?* Аналогично, если вы хотите в рамках принятого этикета похвалить своего знакомого, то нельзя употреблять фразу: *Я льщу тебе...*, – ибо это подрывает искренность вашей оценки. То, что должно быть скрыто с точки зрения этики, нельзя явно манифестировать в речевом акте. С позиции семантики здесь всё как раз выглядит вполне нормально, а с позиции этики – иллокутивным самоубийством: скрываемая цель выплывает наружу.

У глаголов первой группы «противопоказание к перформативному употреблению находится на уровне поведения: грубость, назойливость, преувеличение». У глаголов второй группы подрывной фактор более разрушителен. Он ставит под сомнение искренность или основательность самой иллокутивной цели, уменьшает моральное право говорящего на этическую оценку. Употребляя слова этой группы, «мы хотим показать, что то, что говорилось, было незаслуженным – объект высмеивания не заслуживает такого пренебрежения, объект лести не заслуживает похвалы,

¹⁰⁵ Вендлер Э. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика.

быть может, даже в собственном мнении того, кто высмеивает или льстит»¹⁰⁶.

Особое значение в диалогах приобретает *принцип релевантности*, нарушение которого также порождает абсурдные коммуникативные ситуации. Согласно Грайсу, сотрудничество коммуникантов при диалогах должно протекать таким образом, чтобы вклад каждого участника способствовал достижению общей цели. Ситуация «кто в лес, кто по дрова» не должна возникать в диалогах. Поэтому, если вы спрашиваете: *Который час?* – а вам отвечают: *Доллар опять упал*, – то это, конечно, абсурд, вызванный нерелевантностью ответа.

Смысл речевого акта в сильной степени зависит от его связи с контекстными условиями. Контекст играет важную роль при умозаклечениях, выводимых из речевого акта. Поэтому неадекватность ответа контексту может приводить к абсурду. Например, если один участник коммуникации спрашивает своего друга на вокзале: *Есть ли у тебя билет?* – а тот, игнорируя контекст, отвечает: *Да, два билета в Большой театр*, – то возникает явно абсурдная коммуникативная ситуация, хотя ответ семантически безупречен.

Наконец, нельзя не отметить зависимости успеха коммуникации от фоновых знаний коммуникантов. Здесь также возможны абсурдные ситуации, когда фоновые знания коммуникантов не совпадают или отклоняются от общезначимых стандартов. Однажды на защите диссертации один из выступающих сказал буквально следующее: *Я добровольный оппонент соискателя и буду защищать его позицию*, – вызвав тем самым недоумение у присутствующих, ибо оппонент – это, прежде всего, возражающий.

В понимании речевых актов большое значение имеют прагматические презумпции.

Прагматические презумпции существенно отличаются от семантических презумпций (пресуппозиций), присущих предложению как единице языка. «Семантическая презумпция предложения *S* – это суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение *S* было для него осмысленным, а прагматиче-

¹⁰⁶ Там же. С. 247.

ская презумпция – это суждение, которое слушающему должно быть известно, чтобы высказывание было информативным»¹⁰⁷. Прагматическая презумпция основывается на знаниях говорящего, в достоверности которых он уверен, а также на предположении о том, что это знание известно слушающему. Однако это предположение говорящего в речевой практике может не оправдаться, что приводит к неудаче речевого акта.

Например, вопрос: *Это ты разбил чашку?* – имеет прагматическую презумпцию: *Кто-то разбил чашку*. Но если слушающий ничего об этом *не знает*, то закономерна его реакция: *Какую чашку?* – но не ответ: *Не Я*. У слушающего ложность прагматической презумпции говорящего создаёт впечатление неуместности сказанного.

Обратимся к анекдотическим ситуациям.

– *Мойша, где ты был летом?*

– *В Киеве, купался в море.* (Ложная презумпция, что в Киеве есть море.)

– *Но в Киеве нет моря.* (Опровержение ложной презумпции.)

– *Да? Но я не знал и выкупался.* (Абсурд, призванный сохранить хорошую мину при плохой игре.)

Или другой анекдот:

Девушка лёгкого поведения гусару, собирающемуся уходить:

– *Поручик, а деньги?* (Предполагается презумпция, что за удовольствие клиент должен платить.)

Гусар: *Мадам, гусары за любовь деньги не берут.*

Последнее высказывание не только опровергает презумпцию девушки, но и содержит новую презумпцию, согласно которой за любовь должна платить девушка, но поручик благородно отказывается от денег. На несовпадении прагматических презумпций коммуникантов построен комический абсурд.

§ 3. Преодоление абсурда

Мы видели, что абсурд является обратной стороной смысла, его противоположностью, которая обусловлена нарушениями в

¹⁰⁷ Падучева Е. В. Указ. соч. С. 58.

смысловой конструкции выражения. Эти нарушения могут лежать в плоскости означения (наделения смыслом), сочетания слов в предложении, и заключаться в расхождении между намерениями говорящего и манифестируемым смыслом речевого акта, а также в нарушении принципов кооперации (сотрудничества) в диалогах.

Теперь мы хотели бы обратить внимание на то, что граница между смыслом и абсурдом не столь абсолютна, как это кажется на первый взгляд. Безусловно, абсурд губителен для смысла, его существование недопустимо для коммуникантов и вообще для мыслящего человека. Но именно поэтому, встретившись с абсурдом, реципиент стремится понять, в чем причина абсурда, что хотел сказать говорящий, почему он отклонился от общепринятых стандартов смысла.

Реципиент (слушающий) всегда исходит из презумпции, что нормальный человек рационален в коммуникативной деятельности, что он стремится не нарушать естественную логику, а коль скоро он все-таки ее нарушает, то нельзя ли предположить, что говорящий дает нам намек на то, чтобы мы догадались о скрытом за абсурдом смысле. Как отмечает Хоанг Фэ, «люди обычно не делают противоречивых, тавтологических или бессмысленных суждений», ну а коль скоро вы с ними всё же встретились, то вступает в силу правило: «Если эксплицитное содержание высказывания при обычной интерпретации является противоречивым, тавтологичным или бессмысленным, мы должны его интерпретировать по-другому»¹⁰⁸. Другими словами, абсурд во многих случаях рассматривается как знак, требующий новой интерпретации сказанного, в отличие от лежащего на поверхности негативного толкования его как бессмыслицы.

Наиболее типичным поверхностным проявлением абсурда является употребление косвенных смыслов, в которых нарушается логика семантического согласования. Например, выражения *Джон свинья*, *Наш начальник дубина* явно маркируют косвенные смыслы, а восстановленные при интерпретации (*Джон ведёт себя похамски*, *Наш начальник глуп*) удовлетворяют уже всем семантическим нормам. Под косвенными речевыми актами понимают вы-

¹⁰⁸ Хоанг Фэ. Указ. соч. С. 404.

сказывания, подчиняющиеся формуле: *если p , то q* , – которую интерпретируют таким образом: «Говорящий сказал p , имея в виду q ». Если профессор в ответ на запрос о философских способностях аспиранта N пишет: « N регулярно посещал мои философские семинары и неплохо владеет английским языком», – то его ответ, на первый взгляд, является нерелевантным и потому абсурдным. Однако, получив такую характеристику, приёмная комиссия принимает гипотезу, что ответ профессора не может быть абсурдным, и, следовательно, сказав p , он имел в виду q , а именно, что у аспиранта N нет философских способностей. Таким образом, лежащий на поверхности высказывания абсурд преодолевается соответствующей интерпретацией сказанного.

Следует подчеркнуть, что взгляд на абсурд с точки зрения теории речевых актов существенно расширяет возможности его преодоления. Встретившись с абсурдным высказыванием, интерпретатор начинает обращать внимание на скрытые (не манифестированные) намерения говорящего, зависимость сказанного от контекстных условий, презумпций, фоновых знаний говорящего, на соответствие речевого акта социокультурным нормам. Так, явно абсурдное выражение, сказанное при определённых условиях: «У N славная жизнь после смерти», – может означать (исходя из контекста и фоновых знаний), что N сделал очень многое в жизни, его дела имеют большое значение для истории, и потомки его не забудут. Аналогично, бессмысленное на первый взгляд высказывание: «Король умер. Да здравствует король!» – интерпретируется в контекстных условиях как: *Старый король умер, да здравствует новый король!*

Подобным же образом преодолеваются тавтологические высказывания, если их трактовать как речевые акты, совершённые в определённых контекстных условиях. Например, *Война есть война* можно интерпретировать как *Война требует жертв*, а *Женщина есть женщина* с учётом контекстных условий можно трактовать как *От женщины не следует требовать слишком многого*.

Ф. Кифер пытается с позиции теории речевых актов преодолеть, казалось бы, самые абсурдные выражения. Например, выражение *Анна красива и безобразна*, вырванное из контекста, является, безусловно, абсурдным, однако, погружённое в ситуацию

коммуникации, оно может быть истолковано иначе: «Во-первых, Анна может быть красивой, с одной точки зрения, и безобразной – с другой, например, у неё может быть красивое лицо и безобразные ноги, или наоборот. Как только такое понимание признаётся возможным, противоречие исчезает. Во-вторых, Анна может быть временами красивой, а временами безобразной, например, безобразной по утрам и красивой вечером, или наоборот»¹⁰⁹.

Разлад намерений с манифестируемым речевым актом, например, *Я обещаю на тебе жениться, но не сделаю этого*, можно интерпретировать как акт, сделанный под давлением, принуждением.

Даже самый неприступный и, казалось бы, непреодолимый абсурд вроде: *Зелёные идеи яростно спят* – можно объяснить исходя из гипотезы шизофренической болезни говорящего. По крайней мере, психиатры говорят о типичности подобных выражений для шизофренической поэзии.

Д. Фоллесдаль исходит из того, что в основе понимания лежит стремление людей думать и поступать рационально. Рациональность предполагает взвешивание и анализ альтернатив. Встретившись с иррациональностью, абсурдом, человек стремится так переинтерпретировать абсурд, чтобы выявить рациональные основания действия или речевого акта. Если на основании стандартной модели принятия решений удаётся так переинтерпретировать абсурд, чтобы стал явным скрывающийся за ним смысл, то понимание субъекта достигается. Однако в случае непонимания (когда интерпретация не выявила никакого смысла) следует продолжить интерпретацию, включив новые ресурсы в объяснение абсурда: «К числу этих факторов могут относиться такие, как формирование представлений у субъекта под влиянием пропаганды, рекламы или группового давления; действия под влиянием гипноза и наркотиков; действия, совершаемые на основе неосознанных побуждений, и т. д.»¹¹⁰

¹⁰⁹ Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 337–338.

¹¹⁰ Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. С. 158.

Возможности преодоления абсурда отнюдь не следует трактовать на манер Ж. Делёза) как тезис о порождении абсурдом смысла. У Делёза обосновывается именно эта идея о первопричине абсурда в генерации смысла. Но она не подтверждается ни данными лингвистики, ни творчеством научных смыслов. Скорее истиной является прямо противоположная идея: всякий абсурд разрушает смысл, но смысл может быть восстановлен вновь в своих правах, если, встретившись с абсурдом, мы предпримем усилия по восстановлению скрытого за ним смысла.

Что здесь имеется в виду? Всякий абсурд рассматривается коммуникантами как маркер отклонения от стандартной модели общения, как нарушение смысла. Но реципиент может предположить, что абсурдное высказывание говорящий произнёс не случайно, что за ним стоит первичный смысл, сознательно скрываемый говорящим, и последний надеется на то, что слушающий самостоятельно выведет этот смысл, включив дополнительные ресурсы. Общая стратегия преодоления абсурда реципиентом (слушающим) распадается на ряд последовательных шагов:

шаг 1: обнаружение абсурда как отклонения от стандартной модели общения;

шаг 2: признание того, что отклонение запланировано, т. е. принятие гипотезы о том, что за абсурдом стоит скрытый смысл;

шаг 3: принятие установки на раскрытие смысла;

шаг 4: принятие формулы: сказав p , говорящий имел в виду q (скрытый смысл);

шаг 5: поиск ресурсов для вывода q .

Последующие шаги зависят от конкретики высказывания. Они включают перебор дополнительных ресурсов для импликаций, выведение следствий.

Рассмотрим конкретный пример.

Мери (Майклу): *Не подарить ли мне Джону лыжи?*

Майкл: *Я не знал, что медведи катаются на лыжах.*

Ответ Майкла явно абсурден. Пример примечателен тем, что в нём допущен ряд отклонений от стандартной модели коммуникации. Рассуждения Мери могут развиваться по следующему сценарию.

Шаг 1: Я спросила у Майкла совета в форме вопроса. Стандартная модель коммуникации предполагает ответ «Да» или «Нет». Майкл дал мне не релевантный ответ. Вместо четкого ответа по существу вопроса он сообщает о своих знаниях. Я не могу обвинить Майкла в том, что он не хочет сотрудничать со мной в коммуникации.

Шаг 2: Следовательно, исходя из Принципа кооперации, ответ Майкла должен быть релевантным. Манифестированное им отклонение от нормы специально запланировано.

Шаг 3: По-видимому, за высказыванием Майкла скрывается какой-то релевантный смысл.

Шаг 4: Не выражая этот смысл явно, Майкл хочет, чтобы я самостоятельно вывела этот смысл.

Шаг 5: Я должна исходить из формулы: сказав *p*, Майкл имел в виду *q*. Для того чтобы найти *q*, я должна проанализировать манифестированное высказывание (лингвистический фактор), учесть общие (с Майклом) фоновые знания и контекст общения.

Шаг 6: Лингвистический анализ обнаруживает еще два, по-видимому, запланированных отклонения от нормы. Фиксация новых отклонений.

Шаг 7: Высказывание Майкла выражает его мнение о некотором факте. Известно, что в контекстах мнения всегда существует презумпция факта, полагаемая говорящим как истина. Такой презумпцией является суждение «*Медведи катаются на лыжах*». Эта презумпция также является абсурдной, противоречащей общезначимым фактам.

Шаг 8: Но я знаю, и Майкл знает, что я знаю, что *Медведи не катаются на лыжах* (фоновые знания). Значит, Майкл использует недозволенную презумпцию вполне сознательно. Он надеется, что я самостоятельно дезавуирую его презумпцию и приму правильную презумпцию: *Медведи не катаются на лыжах*.

Шаг 9: (обнаружение ещё одного отклонения): В презумпции Майкла нарушено категориальное (семантическое) согласование: *Медведи* (имя) – *катание на лыжах* (предикат). Такое нарушение можно объяснить применением косвенного смысла, в частности, тем, что Майкл выражается метафорически: под «медведем» здесь имеется в виду человек.

Шаг 10: Если под медведем имеется в виду вполне конкретный человек, то, учитывая контекст коммуникации и наши общие фоновые знания, нетрудно вывести, что Майкл имел в виду Джона. Действительно, Джон полноват и неуклюж.

Шаг 11: Итак, исходя из предыдущих шагов, я могу сделать вывод, что *Джон не умеет и не будет кататься на лыжах*.

Шаг 12: Теперь можно устранить отклонения в релевантности высказывания Майкла. Не ответив прямолинейно ни «да», ни «нет» на мой вопрос, Майкл, тем не менее, подвёл меня к выводу, что *Джону не целесообразно дарить лыжи*.

Шаг 13: Следовательно, Майкл ответил на мой вопрос: «Нет» (не стоит дарить Джону лыжи).

За счёт чего был преодолен первичный абсурд в нашем примере? Ясно, что вырванное из контекста общения предложение: «Медведи катаются на лыжах», – абсурдно. Сколько бы мы не размышляли над этим абсурдным предложением, вряд ли бы вывели из него какой-либо смысл. Только вписав это предложение в реальный контекст общения и предположив, что говорящий вполне сознательно нарушает лингвистические нормы и принципы коммуникации, чтобы намекнуть нам о скрытом (косвенном) смысле, мы путём дополнительной интерпретативной работы (умозаключений, учёта лингвистических и коммуникативных норм, использования фоновых знаний) пробиваемся к подлинному смыслу сказанного.

Таким образом, смысл иницируется не абсурдом самим по себе, а нашим поиском этого смысла, основанным на гипотезе, что люди всегда говорят осмысленно. Абсурд в данном случае выступает лишь маркером того, что истинный смысл скрыт за поверхностной формой абсурда. Следовательно, вопреки Делёзу, можно сказать, что смысл всегда порождается смыслом, выводится, и вполне рационально, из предпосылочных смыслов, а там, где мы встречаемся с абсурдом, он может преодолеваться путём восстановления исходного смысла или переинтерпретирования сказанного.

§ 4. Софизмы и парадоксы: абсурд в рассуждениях

В истории философской мысли особое место занимает античная софистика, в русле которой впервые была поставлена проблема о возникновении абсурда в рассуждениях. Установившаяся негативная оценка софизмов как некоторых логических уловок, обманных приёмов рассуждения, логических ошибок не совсем справедлива. Безусловно, такие софизмы присутствуют в антологии античной мысли, но существуют и софизмы, которые до сих пор вызывают споры у современных мыслителей в силу того, что в них не обнаружено каких-либо видимых ошибок. Нет даже чёткого разграничения между софизмами и парадоксами, хотя парадоксы обычно оценивались как позитивные попытки решения проблем, не поддающиеся объяснению с точки зрения законов формальной логики.

Как отмечает А. П. Огурцов, софисты «стремились выявить противоречие в рассуждениях, допуская равнозначность истинных и ложных рассуждений. Отрицая значимость принципа не противоречия, они проводили мысль о том, что одно и то же рассуждение может быть и истинным, и ложным»¹¹¹.

Абсурды, возникающие при рассмотрении софизмов, были обусловлены не столько отклонением от семантических норм, сколько скрытым отклонением от логики рассуждений. Софисты неосознанно, в неявной форме способствовали постановке трудных проблем логической доказательности, границ применения понятий, референции, существования объектов, мыслимых в понятиях, и т. п. Ими собран уникальный арсенал софизмов, который стал испытательным полигоном для развития логических теорий.

Не существует даже сколь-нибудь приемлемой типологии софизмов. В работе А. С. Богомолова проводится мысль о трёх типах софизмов: парадоксы типа «Протагор и Эватл», «Покрытый»; диалектические противоречия (типа апорий Зенона) и противоречия неправильного рассуждения.

Начнём с тривиальных софизмов, в которых присутствует какая-либо скрытая ошибка в рассуждениях. Обратимся к древне-

¹¹¹ Огурцов А. П. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 22.

му софизму стоиков «Телега», который Делёз ошибочно относит к парадоксам: «Всё, что ты говоришь, выходит из твоего рта». Ты говоришь «телега», значит, телега выходит из твоего рта. Здесь абсурд возникает из-за элементарной путаницы в трактовке значения термина «телега». Любое слово имеет автореферентное значение, которое обычно не учитывается в трактовке его лексического значения. Автореферентность любого слова означает, что оно является словом (знаком) какого-либо языка. Так, «телега» является словом из русского языка. Лексическое же значение опирается на референта (предмет реального мира), соответствующего слову. Так, слову «телега» соответствует некий предмет реального мира. Когда я говорю, то произношу слова, например, русское слово «телега». Именно эти слова и «выходят из моего рта», но отнюдь не предметы реального мира, соответствующие этим словам.

Теперь рассмотрим более хитрый софизм «Рогатый». «То, что ты не потерял, то ты имеешь. Ты не потерял рога. Следовательно, ты их имеешь». Доказательство явно противоречит очевидности и здравому смыслу. Но в чём здесь ошибка? Ошибка кроется в трактовке понятия «потерянная вещь», вернее, в чёткости определения того, к какому множеству она принадлежит. Образуем множество M_1 всех вещей, принадлежащих мне, и множество M_2 всех вещей, потерянных мною. Множество M_2 образуется из множества M_1 в процессе утери вещей, т. е. элементы множества M_2 составляются из элементов множества M_1 . Если M_2 образуется подобным образом, то любая «потерянная вещь» должна была принадлежать мне до утери её, а всё, что я не потерял, по-прежнему принадлежит мне. Софизм возникает из-за того, что в множество потерянных вещей незаконно могут зачисляться вещи, ранее мне не принадлежавшие, например, рога. Именно это и абсурдно.

В софизме «Покрытый» поднимается важная проблема зависимости значения (денотата) выражения от контекста мнения. Спрашивают Электру, знает ли она своего брата Ореста. «Конечно, знаю», – отвечает Электра. Но вот он возвращается после долгой разлуки и сидит перед ней покрытый одеялом. Так знает ли Электра того, кто сидит перед ней? «Нет», – отвечает Электра. Следовательно, *она знает того, кого не знает*. Явный абсурд!

Значительно позже логики провели различие между экстенциональными высказываниями и интенциональными, получившими название контекстов мнения. Интенциональные выражения вводятся обычно глаголами *знать*, *думать*, *предполагать*, *утверждать* и т. п. Известно, что денотат выражения может определяться различными смыслами (интенционалами). Например, выражения *ученик Платона* и *воспитатель Александра Македонского* определяют один и тот же денотат (Аристотель). В экстенциональных выражениях мы можем заменить один интенционал (ученик Платона) на другой (воспитатель Александра Македонского), без потери истинности высказывания, если они определяют один и тот же денотат. Однако в интенциональных выражениях такая замена запрещена. Например, Вальтер Скотт является автором «Вэверлея» и автором «Айвенго». Обратимся к интенциональному выражению: «Георг IV знал, что Вальтер Скотт является автором Вэверлея». Если мы заменим теперь выражение «автор Вэверлея» на «автор Айвенго», то получим отнюдь не эквивалентное утверждение: «Георг IV знал, что Вальтер Скотт является автором Айвенго». Ведь Георг IV этого мог и не знать.

В упомянутом софизме «Покрытый» (высказывание с контекстом мнения) абсурд устраняется, ибо для Электры «брат» и «покрытый» вовсе не одно и то же лицо, именно поэтому *она знает брата, но не знает покрытого*. Софизм привлекает внимание к интенциональным высказываниям, которые стимулировали разработку интенциональных логик.

Весьма непросто разобраться, в чём кроются основания софизма Протагора «Тяжба о плате». Протагор обучил своего ученика Эватла юридическому искусству и заключил с ним договор о том, что тот выплатит ему соответствующую плату за обучение после первого выигранного судебного процесса. Шло время, но Эватл не участвовал в судебных процессах и, естественно, ничего не выплачивал своему учителю. Тогда Протагор предупредил Эватла, что подаст на него в суд, требуя платы за обучение, и получит её при любом решении суда. «Если суд обяжет тебя заплатить мне, — утверждал Протагор, — ты заплатишь мне по решению суда, но если суд решит дело в твою пользу, отказав мне в плате, то ты, Эватл, заплатишь мне по договору, поскольку это будет первое твое выиг-

ранное дело». На что способный ученик ответил: «Всё будет как раз наоборот. Если я выиграю дело, то не заплачу тебе по постановлению суда, а если суд обяжет меня платить, то значит, я проиграл тяжбу и не заплачу тебе по условиям договора».

Как отмечает А. А. Ивин, было предположено много способов решения этого софизма, но все они, с его точки зрения, являются неудовлетворительными¹¹². Сам автор считает, что мы имеем дело с некоторым типом самореференциальных выражений, подобных таким, как: «Никогда не говори никогда»; «Каждое правило имеет исключение»; и т. д. Область применения подобных выражений следует всегда ограничивать, применяя к ним индекс «кроме». Это означает, что в договоре следовало бы написать: «Первый процесс, кроме процесса об уплате денег за обучение»; и т. д.

Однако, с нашей точки зрения, такое уточнение, исключаящее тяжбу об уплате денег за обучение, отнюдь не разрешает проблемы. По этому исправленному договору решение суда, как положительное, так и отрицательное, вообще выносится за пределы договора, а поскольку Эватл не собирается вести других судебных дел, то своей платы Протагору придётся ждать вечно.

Представляет интерес рассмотрение повторного разбирательства дела Протагора при повторной его апелляции к суду. Здесь возможны четыре ситуации. Допустим, что в первый раз суд решил дело в пользу Эватла. Протагор подаёт повторную апелляцию. Возникают два варианта:

1) суд может учесть, что Эватл выиграл первое дело, и обяжет его выплатить Протагору плату за обучение; Эватл лишается аргументов в свою пользу, ибо он должен платить и по договору и по решению суда;

2) суд может подтвердить первое решение, т. е. решить дело снова в пользу Эватла; Тогда Эватл отказывается от уплаты в силу повторного решения суда.

Допустим, что в первый раз суд решил дело в пользу Протагора. Здесь следующие два варианта развития событий:

¹¹² См.: Ивин А. А. Софизмы как проблема // Вопросы философии. 1984. № 2.

3) суд снова решает дело в пользу Протагора; Эватл снова отказывается платить за обучение, поскольку он не выиграл ни одного судебного дела;

4) суд решает дело на этот раз в пользу Эватла. Эватл, ссылаясь на это решение, отказывается уплатить долг Протагору.

Таким образом, в предложенной модели судебного разбирательства лишь один из четырёх вариантов развития событий может закончиться в пользу Протагора.

К софизму Протагора можно подойти и с позиции принципов коммуникации. Заключая договор, Эватл, по существу, обещает оплатить своё обучение, но дальнейшее развитие событий показывает, что Эватл не собирается этого делать. Здесь возникает противоречие между обещанием и искренностью намерений Эватла. Ведь согласно принципам коммуникативного сотрудничества: *обещать* – значит искренне *намереваться* выполнить это обещание. Речевые акты, в которых нарушается эта естественная логика, попадают под запрет. По существу, здесь нарушаются общезначимые этические нормы.

Можно сказать, что софизм «Тяжба о плате» поднимает сложные вопросы логики должностования и в какой-то мере сходен с парадоксами Дж. Мура¹¹³.

В своих парадоксах Дж. Мур подчёркивает амбивалентность любых этических решений. Возьмём, к примеру, ситуацию, когда ваш лучший друг просит у вас убежище, скрываясь от полиции. Какое решение вы должны принять: сдать полиции как законопослушный гражданин или укрыть лучшего друга? Здесь никакая формальная логика не поможет разрешить эту этическую проблему.

Софизмы «Куча» и «Лысый» кажутся тривиальными, но, по существу, поднимают сложную проблему описания становящихся процессов. Сколько зёрен надо прибавить к одному зерну, чтобы получить кучу? Сколько волосинок нужно выдернуть из головы мужчины, чтобы получился лысый? Несмотря на всю простоту вопроса и очевидность наблюдаемого явления, ответа нет. Это как раз и обескураживает нас. По мнению А. А. Ивина, подобные со-

¹¹³ См.: Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.

физмы демонстрируют «наглядный пример тех трудностей, к которым ведёт употребление неточных понятий»¹¹⁴.

Действительно, адекватное объяснение реальных ситуаций в сильной степени зависит от имеющегося языка.

Обычный язык формировался в зависимости и от жизненного опыта человека, и от чувственных возможностей восприятия человека. Поэтому многие предикатные имена в естественном языке составляют полярные оппозиции: твёрдый – мягкий, тяжёлый – лёгкий, тонкий – толстый и т. д.

В то же время существуют предикатные ряды с более тонкой градацией воспринимаемых качеств: имена семи цветов радуги; температурные характеристики (холодный, тёплый, горячий); характеристики вкусовых качеств (горький, сладкий, солёный, безвкусный).

Однако любой набор предикатных имён в естественном языке не в состоянии описать всего богатства возможных модификаций признаков в реальном мире. Эти провалы в характеристике изменяющихся объектов и призвана заполнить наука, в которой разрабатываются искусственные языки (физики, химии и т. д.).

По мнению Г. В. Ф. Гегеля, парадоксы «Куча», «Лысый» обусловлены противоречиями меры. Действительно, в мире существуют вещи и явления, имеющие вполне определённую меру, для которых характерно скачкообразное (дискретное) изменение качества, и такие, для которых характерна непрерывность в изменении качества. Именно с непрерывным изменением качества мы и сталкиваемся в обсуждаемых парадоксах. Полярные предикаты (лысый – не лысый, куча – не куча) оказываются слишком грубыми для объяснения непрерывно изменяющихся объектов.

Софизмы «Куча» и «Лысый» намечают проблему адекватности языка задаче описания процессов становления. По существу, их можно назвать парадоксами, поскольку в них абсурдная ситуация возникает отнюдь не в силу какой-то ошибки в рассуждениях.

С нашей точки зрения, при всей условности различия софизмов и парадоксов первые характеризуются какими-либо ошибками и нарушениями в логике рассуждений, а вторые более фунда-

¹¹⁴ Ивин А. А. Указ. соч. С. 72.

ментальны: они являются формулировкой проблемы, не имеющей однозначного решения.

Как указывает А. А. Ивин, «парадокс в широком и довольно неопределённом смысле – это утверждение, резко расходящееся с общепринятыми устоявшимися мнениями, отрицание того, что представляется “безусловно правильным”. Все софизмы являются, конечно, парадоксами в этом смысле. Парадокс в более узком и гораздо более современном значении – это два противоположных утверждения, для каждого из которых имеются представляющиеся убедительными аргументы. Наиболее резкой формой парадокса, называемой обычно “антиномией”, является рассуждение, доказывающее эквивалентность двух высказываний, одно из которых является отрицанием другого»¹¹⁵.

С. В. Воробьёва подчёркивает, что парадокс обнаруживает «логическое противоречие, из которого невозможно найти выход»¹¹⁶.

Парадокс не равнозначен абсурду. Более того, парадокс всегда наполнен глубоким смыслом. Он имеет свои смысловые основания, не лежащие на поверхности. Формулировка парадокса требует глубокого ума, нестандартных рассуждений. В нём есть своя доказательность. Но в рамках парадокса всегда возникает противоречие, столкновение двух противоположных суждений, взаимно отрицающих друг друга. Это и есть момент абсурда, нетерпимый разумом и здравым смыслом.

Мастером парадоксов был Зенон Элейский, сформулировавший свои известные апории (от греч. – «безвыходное положение»). В апории «Ахиллес и черепаха» Зенон доказывает, что быстроногий Ахиллес не может догнать черепаху, если между ними существует изначально некоторое расстояние r , и они начинают движение одновременно. Действительно, для того чтобы преодолеть расстояние r , Ахиллесу потребуется некоторое время Δt_1 . За это время черепаха успеет переместиться на расстояние Δr_1 . Теперь Ахиллесу предстоит преодолеть новое расстояние за время

¹¹⁵ Там же. С. 71.

¹¹⁶ Воробьёва С. В. Парадокс // Всемирная энциклопедия : философия. М. ; Минск, 2001. С. 757.

Δt_2 , но черепаха снова удалится на расстояние Δr_2 . И так далее, до бесконечности.

В апории «Дихотомия» Зенон доказывает странное утверждение, что Ахиллес вообще не может сдвинуться с места, и аргументирует это следующим образом. Для того чтобы преодолеть расстояние r , отделяющее Ахиллеса от черепахи, ему вначале необходимо преодолеть половину этого расстояния (т. е. $r/2$). Для того чтобы преодолеть эту половину, ему предстоит пройти половину этой половины (т. е. $r/4$), и т. д. Очевидно, что процесс деления отрезков может длиться бесконечно долго, приближаясь к исходной стартовой точке. В итоге, рассуждая теоретически, Ахиллес так и не может сдвинуться с «мёртвой» точки.

Абсурдность возникающих выводов заключается в том, что они противоречат здравому смыслу и очевидности. Нетрудно увидеть, что безупречные выводы Зенона основываются на допущении непрерывности и бесконечной делимости пространства. Говоря современным языком, Зенон предлагает такую теоретическую модель в решении поставленных проблем, в рамках которой его выводы являются незыблемыми. Эти выводы не могут возникнуть в рамках дискретной модели движения. Достаточно допустить, что движение Ахиллеса составлено из шагов, имеющих минимальную и фиксированную длину. Тогда можно посчитать, через какое количество шагов Ахиллес может догнать черепаху. Таким образом, в рамках дискретной модели получаются совсем другие выводы: Ахиллес догонит черепаху за конечное время.

Однако существует другой знаменитый парадокс Зенона «Летящая стрела», в котором он исходит из представлений о дискретности пространства. Но оказывается, что в рамках этой дискретной модели возникают другие противоречия.

Итак, стрела, выпущенная из лука, описывает некоторую траекторию в пространстве. Разобьём эту траекторию на дискретные участки ($\Delta r_1, \Delta r_2, \dots$), соответствующие дискретным моментам времени ($\Delta t_1, \Delta t_2, \dots$), необходимым для их преодоления стрелой.

Теперь сформулируем тезис: в момент времени t_0 стрела *находится* (т. е. «покоится») в начальной точке x_0 , в момент t_1 она *находится* («покоится») в точке x_1 , и т. д. ($\Delta r_1 = x_1 - x_0$; $\Delta r_2 = x_2 - x_1$...; $\Delta t_1 = t_1 - t_0$; $\Delta t_2 = t_2 - t_1$...). Если брать всё более короткие интер-

валы времени (а их предел стремится к нулю), то можно заключить, что в любой момент времени t_i стрела «покоится» в некоторой точке x_i . Движения нет: из суммы состояний покоя нельзя получить движения.

Предположим на этот раз обратное: в каждый момент времени t_i стрела находится в соответствующей точке x_i , например, покидает эту точку. Однако, если мы снова перейдём к предельному переходу, то получим не менее обескураживающий вывод: стрела вообще не находится ни в одной точке пространства. Движение, как переход от точки к точке, снова отсутствует.

Итак, в принятой модели возникают (в зависимости от посылок) два взаимно отрицающих вывода: стрела находится и не находится в любой точке пространства в любой момент времени.

В первых двух апориях предполагалось, что пространство делимо до бесконечности, из-за чего Ахиллес не мог догнать черепаху или сдвинуться с места. В «Стреле» предложена модель дискретного пространства, но и здесь мы пришли к отрицанию движения. Но мы видим в опыте, что стрела летит! Явный абсурд: эмпирическое свидетельство находится в вопиющем противоречии с теоретической моделью. Говорят, что один из учеников Зенона пытался доказать наличие движения, просто начав ходить вокруг учителя. Легенда гласит и о том, что ученик был побит за такое доказательство палкой, ибо философу негоже прибегать к эмпирическому аргументу там, где требуется теоретическое доказательство.

Апории Зенона стимулировали интерес к теоретическому осмыслению движения, пространства, времени. С развитием классической механики во многих отношениях были преодолены парадоксы в описании механического движения. Ньютоном была предложена научная модель описания движения, в которой, конечно, уже не возникает парадокса с летящей стрелой, ибо вводится понятие скорости, отсутствующее у Зенона. По Ньютону, движущаяся стрела в каждый момент времени должна обладать определённой скоростью. Понятие «скорость», в свою очередь, опирается на понятие производной. Однако математическое понятие производной в своём становлении натолкнулось на парадоксальные отношения между конечным и бесконечным, кривой и

прямой в предельных переходах. Открытие парадоксов всегда стимулировало развитие теоретической мысли.

Если апории Зенона поднимали важный мировоззренческий вопрос о сущности движения, то другой известный парадокс «Лжец», приписываемый Эвбулиду из Милана (IV век до н. э.), поднимает вопрос о способностях нашего разума рассуждать непротиворечиво.

На примере элементарного рассуждения Эвбулид доказывает, что наше мышление способно давать сбои, приводящие нас в замешательство.

Допустим, что некто сказал фразу: «Я лгу». Что сказал говорящий: истину или ложь? Если сказанное *Я лгу* – истина, то говорящий лжёт. Если же сказанное – ложь, то утверждение *Я лгу* означает, что говорящий глаголет истину. Получается, что когда мы оцениваем сказанное как истину, то должны признать высказывание ложным, а когда признаём высказывание ложным, должны согласиться, что говорящий сообщает истину. Абсурд, от которого можно сойти с ума!

Уже античным философам было известно, что оценки истина/ложь приводят к противоречию, когда они применяются к высказываниям, содержащим в качестве предикатов те же самые термины, истина/ложь. И только в XX веке, в связи с кризисом в развитии канторовой теории множеств, выяснилось, что противоречие, возникающее в парадоксе «Лжеца», носит довольно общий характер. Источником парадоксов в теории множеств Рассел считал неограниченное конструирование множеств из элементов. Например, из элементов 0, 1 можно сконструировать множества: $M_1(0)$, содержащее элемент 0; множество $M_2(1)$, содержащее элемент 1; множество $M_3(0, 1)$, содержащее элементы 0 и 1, множество множеств M , содержащее все перечисленные множества M_1, M_2, M_3 . Наконец, *можно сконструировать множество N множеств, не содержащих себя в качестве элемента*. Как далеко простирается возможность построения множеств?

Существует два типа множеств:

1) нормальные (собственные), которые являются классом, не обладающим свойством элементов, из которых он формируется (например, множество книг не является книгой);

2) ненормальные (несобственные), которые обладают свойством входящих в него элементов (например, каталог каталогов сам является каталогом).

Следовательно, одни множества включают самих себя в качестве элементов, другие не включают себя в качестве элементов.

К какой разновидности множеств принадлежит N ? Если само N принадлежит множеству множеств, то по определению (выше выделенному курсивом) оно не должно принадлежать N . Если же N не принадлежит нашему множеству множеств, то опять-таки по определению оно должно принадлежать N . Получаем противоречие одновременной принадлежности и непринадлежности N к множеству множеств.

Это противоречие Рассел остроумно пояснил на парадоксе бородобрея¹¹⁷. Один предприимчивый бородобрей объявил всем жителям деревни, что он: а) бреет тех жителей, которые не бреют самих себя, и, естественно, б) не бреет тех, кто бреет сам себя. Перед бородбреем возник вопрос: должен ли он брить самого себя? Если бородбрей не будет брить самого себя, то он попадёт в разряд жителей, не бреющих самих себя, и, согласно (а), должен брить самого себя. Если же он будет брить самого себя, то попадёт в разряд жителей, бреющих самих себя, и, согласно (б), не должен брить себя. Получается, что бородбрей должен брить самого себя и не должен брить себя.

Парадокс бородбрея является типичным для определения множества множеств, не содержащих себя в качестве элемента. Помимо парадокса «Лжеца» под это понятие попадают и максимы: «Всякое правило имеет исключение» и «Никогда не говори никогда». Если сказанное в первой максиме относится и к ней самой, то она не является правилом (т. е. является исключением), но и если сказанное является исключением, то оно подтверждает максимум, т. е. является правилом.

Подобные парадоксы Рассел назвал принципом порочного круга, возникающим из-за того, что множество, составленное из элементов, также считается элементом множества. И то, и другое обладает одними и теми же семантическими статусами: то, что

¹¹⁷ См.: Клайн М. Математика. Утрата неопределённости. М., 1984. С. 239.

судится, оценивается, утверждается, регламентируется в высказывании, уравнивается со множеством самих оценок, регламентаций, правил и т. п., выражающих высказывание.

Чтобы избежать подобных парадоксов, Рассел совместно с Уайтхедом в трёхтомном труде «Основания математики» (1910–1913) изложил знаменитую теорию типов.

Теория типов исключает представление о множестве, принадлежащем самому себе. В основе теории типов лежит разнесение по разным ведомствам (уровням абстрагирования) высказываний об индивидах (элементах) и множествах. Индивиды образуют нулевой тип, утверждение об их свойстве – второй тип, утверждение о свойстве свойств – третий тип, и т. д. Высказывание о свойстве нельзя приравнивать самому первичному множеству, высказывание о высказываниях нельзя приравнивать (ставить на один уровень) к первичным высказываниям, и т. д. «То, что содержит всё множество, – по мнению Рассела, – не должно быть элементом множества»¹¹⁸.

Вернёмся к парадоксу «Лжеца». Он возник из-за того, что здесь смешиваются (ставятся на один уровень) сама пропозиция p , в которой используется предикат «ложно», и высказывание об этой пропозиции p с использованием того же самого предиката. По Расселу, высказывание «Я лгу» более точно может быть выражено в виде: «Существует утверждение p , и p ложно». Теперь, опираясь на теорию типов, можно утверждать, что если p принадлежит N -типу, то утверждение относительно p принадлежит более высокому типу. «Следовательно, если *утверждение относительно p истинно*, то само p ложно, и если *утверждение относительно p ложно*, то p истинно. Никакого противоречия не возникает»¹¹⁹. Аналогичным образом разрешаются и другие парадоксы порочного круга.

Итак, мы рассмотрели софизмы и парадоксы, которые в качестве своего момента содержат абсурд, выражающийся либо в невозможности дать непротиворечивый ответ на проблему, сформулированную в рамках этих экстравагантных форм дискурса, либо приводят к взаимно отрицающим друг друга суждениям. Здесь

¹¹⁸ Цит. по: Клайн М. Указ. соч. С. 240.

¹¹⁹ Цит. по: Там же. С. 258.

мы сталкиваемся с абсурдом, который вызван не семантическими отклонениями (нарушением принципов семантического согласования), а расхождением с общепринятыми требованиями формальной логики и, прежде всего, с законом недопустимости взаимно противоречивых выводов. Другими словами, абсурд возникает в рассуждениях, выводимых из условий, сформулированных в рамках софизма и парадокса. Причём, если софизм более или менее легко устраняется при выявлении ошибки в рассуждениях, то парадокс формулирует проблему, которая является нетривиальной и решение которой неизбежно, самой логикой парадокса приводит к абсурдным выводам. Абсурд нетерпим разумом, он нарушает привычные представления о рациональности человеческого мышления. Разрешение парадокса, т. е. устранение возникающего в его рамках абсурда, достигается не на пути устранения каких-либо логических ошибок в ткани рассуждений, а за счёт привлечения дополнительных интеллектуальных ресурсов (новых понятий, новых моделей, новых идей и т. д.), т. е. связано с творчеством новых смыслов, выводящих разум на новый уровень понимания проблемы.

§ 5. Антиномии Канта

В ряду известных парадоксов особое место занимают антиномии Канта, имеющие непреходящее значение в истории философской мысли. Вот эти четыре антиномии:

1. *Тезис*: «Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве»¹²⁰. – *Антитезис*: «Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве»¹²¹.

2. *Тезис*: «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого»¹²². – *Антитезис*: «Ни одна сложная вещь

¹²⁰ Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 404.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 410.

не состоит из простых вещей, и вообще в мире нет ничего простого»¹²³.

3. *Тезис*: «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо ещё допустить свободную причинность»¹²⁴. – *Антитезис*: «Нет никакой свободы, всё совершается в мире только по законам природы»¹²⁵.

4. *Тезис*: «К миру принадлежит, или как часть его, или как его причина, безусловно необходимая сущность»¹²⁶. – *Антитезис*: «Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности – ни в мире, ни вне мира – как его причины»¹²⁷.

Все антиномии касаются предельных оснований мира, с полным основанием их можно назвать онтологическими. Это выглядит несколько парадоксальным, ибо известно, что Кант не занимался онтологией, его философский интерес фокусировался вокруг гносеологии. Но в том-то и дело, что антиномии Канта предваряют его критику всякой философской онтологии, или, как сейчас стало вновь модно говорить, всякой метафизики, претендующей на раскрытие предельных оснований мира.

Прежде чем говорить о мире, т. е. отвечать на вопрос, каков он, необходимо, с точки зрения кенигсбергского философа, выяснить, каковы возможности нашего познания, на что мы можем надеяться в наших попытках понимания мира. И его знаменитые парадоксы скорее работают на кантовскую гносеологию, чем на какую-либо онтологию. Ведь эти парадоксальные антиномии выбивают почву из-под любой онтологии, апеллирующей к предельным основаниям мира.

Действительно, в каждой антиномии тезис противостоит антитезису. Каждый из них порознь, отдельно друг от друга несёт вполне определённый смысл, каждый из них мог бы стать основанием какой-либо онтологии, но только не вместе. Совместное их сосуществование в рамках какой-либо теории мира было бы аб-

¹²³ Кант И. Указ. соч. С. 411.

¹²⁴ Там же. С. 418.

¹²⁵ Там же. С. 419.

¹²⁶ Там же. С. 424.

¹²⁷ Там же. С. 425.

сурдно, ибо если истинен тезис, то ложен антитезис, и наоборот. Такова неумолимая логика смысла. Не могут быть истинными одновременно утверждение и отрицание одного и того же. Человечеству следовало бы, наконец, договориться, а вернее, доказать, какой из тезисов правомерен, а какой следует отвергнуть как ложный. Но критический философ верен себе. Он доказывает, что оба утверждения – тезис и антитезис в каждой антиномии – одинаково правомерны, рассудочное мышление доказывает истинность каждого из них. Тем самым Кант выбивает почву из-под абсолютистских притязаний любой онтологии на окончательную истинность. Парадокс в том и состоит, что, признавая правомерность одного (тезиса), мы с не меньшим основанием должны признать и другое (антитезис).

Первая антиномия говорит о том, что мир одновременно можно мыслить как конечный (в пространстве и времени) и как бесконечный. Вторая утверждает, что мир в своей основе имеет пределы деления, но антитезис тут же фиксирует бесконечность деления. Третья антиномия вытекает из вечного спора детерминистов, признающих всеобщую обусловленность всех явлений в мире, и их противников – индетерминистов, отстаивающих идею свободы. Одно исключает другое, но Кант обосновывает равноправность обеих позиций. Последняя антиномия имеет прямое отношение к выбору оснований мира. Любая философия ищет эти основания либо в мире (субстанция, первопричина, абсолютно необходимая сущность и т. п.), либо вне мира (например, в Боге). Кант выносит парадоксальный приговор: можно исходить из признания существования такой первосущности и одновременно отрицать её наличие.

Рассмотрим кантовское доказательство первой антиномии. Возьмём тезис «Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве». Его доказательство Кант ведёт от противного допущения: «Мир не имеет начала во времени, тогда до всякого данного момента времени протекла вечность и, стало быть, прошёл бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире»¹²⁸. Важнейшую роль в доказательстве тезиса у Канта приобре-

¹²⁸ Там же. С. 404.

тает вторая часть его допущения от противного: понятие прошедшего, исчерпанного в логическом синтезе бесконечного ряда событий.

Как мы приходим к бесконечному ряду событий? Только путём прибавления к выбранному за исходную точку моменту времени предшествующего момента, т. е. некоторой единицы, затем другой единицы и т. д. Следовательно, этот ряд никогда не может быть закончен, ибо бесконечность всегда больше любой конечной величины. Отсюда «совершенно бесспорно следует, — утверждает немецкий философ, — что вечность действительно следующих друг за другом состояний не может пройти до данного (настоящего) момента времени, следовательно, мир должен иметь начало»¹²⁹.

Подобным же образом доказывается и ограниченность мира в пространстве: «Допустим опять противоположное суждение, что мир есть бесконечно данное целое из одновременно существующих вещей»¹³⁰.

Границы этой целокупности вещей не могут быть обозримы в эмпирическом созерцании. Мы можем только мысленно представлять эту бесконечную целокупность частей мира посредством завершённого синтеза ряда частей. Но завершённый синтез бесконечного агрегата частей, требующий к тому же бесконечного времени для своего завершения, невозможен. Следовательно, мир ограничен (конечен) в пространстве и времени.

Для доказательства антитезиса Кант опять-таки прибегает к противоположному допущению, что мир имеет начало во времени и пространстве. С его точки зрения, пространство и время есть только «форма внешнего созерцания, а не действительный предмет»¹³¹. Время и пространство не порождают (по Канту, не определяют) вещи, а являются условиями их созерцания. Однако если мы допускаем некое начало мира, то мы должны допустить существование времени и пространства до начала мира, т. е. пустое время и пустое пространство, что по Канту, невозможно.

¹²⁹ Кант И. Указ. соч. С. 408.

¹³⁰ Там же. С. 404.

¹³¹ Там же. С. 409.

Мы не будем рассматривать доказательства остальных антиномий Канта, поскольку далеко не всех учёных удовлетворяет доказательная сила его аргументов, а сосредоточимся на разъяснениях немецкого философа, пытающегося объяснить, почему, собственно говоря, возникают упомянутые парадоксы. По Канту, столкновение тезиса и антитезиса возникает только в *разуме*, вследствие чего он и называет их антиномиями чистого разума.

Для понимания кантовской точки зрения следует напомнить исходные принципы его философии, лежащие в основе его критического подхода к познанию предельных оснований мира. По мнению великого критика, познание включает в себя эмпирическое созерцание, рассудок, основывающийся на трансцендентальных (всеобщих) идеях, и, наконец, разум.

По Канту, существует «вещь-в-себе», т. е. объект, предшествующий всякому познанию и независимый от него. «Вещь-в-себе» представляет собой ноумен, обладающий своей сущностью, не доступной (не данной) нам в созерцании.

«Вещи-в-себе» противостоит «вещь-для-нас», явление. «Вещь-для-нас» феноменальна, только она и обнаруживает себя в эмпирическом созерцании. Рассудок следует за эмпирическим рядом созерцаний. Посредством чистых (априорных) мыслительных форм он организует различные синтезы явлений, выявляет связи между ними. Если рассудок является рефлексией над эмпирическим данным в явлении, то разум является уже своеобразной рефлексией над рассудочным мышлением. Хотя разум и связан через рассудок с эмпирическими данными в явлении, в своих умопостигаемых трансцендентальных идеях он способен выходить за пределы эмпирической ограниченности. Разум всегда критичен по отношению к рассудочному мышлению, он выявляет правила научного мышления, пределы применимости рассудка. Именно на разум Кант возлагает как ответственность за то, что возникают противоречия в его попытках выйти за пределы эмпирического созерцания и рассудочного мышления, так и обязанность устранения этих противоречий. Абсурд нетерпим разумом, поэтому столкновение тезиса и антитезиса должно быть преодолено, в конечном счёте, критической работой самого разума.

Вот дальнейший ход рассуждений великого мыслителя по преодолению злополучной противоречивости сформулированных суждений.

Если в мышлении мы встречаемся с противоречием друг другу каких-либо суждений, то обычно в соответствии с законом формальной логики считается, что одно из них должно быть истинным, а другое – ложным. Если же оба взаимоисключающих суждения равноправны в своих логических основаниях, то это наводит на мысль, что мы имеем дело с каким-либо софизмом, требующим устранения ошибки в рассуждениях.

Однако продемонстрированное Кантом доказательство равноправности противоположных суждений свидетельствует о том, что мы имеем дело в антиномиях не с софизмом, не с ошибками рассудочного мышления, покоящегося на незыблемости законов формальной логики, а с фундаментальными парадоксами, обусловленными блистательными притязаниями «разума, расширяющего свою область за пределы всякого опыта...»¹³². Обнаружение парадоксальности суждений о предельных основаниях мира свидетельствует о том, что разум «находится в разладе с самим собой»¹³³ и не может успокоиться, не объяснив причину этих антиномий. Поэтому, сформулировав антиномии чистого разума, Кант спешит их дезавуировать.

Мыслитель справедливо напоминает об известном в логике различии между контрарными и контрадикторными суждениями. Контрадикторные суждения А&А подчиняются закону исключённого третьего. Если кто-то говорит, что *этот человек брюнет* и одновременно *этот человек не брюнет*, то какое-либо из высказываний будет истинным, а другое – ложным. Точно так же из двух суждений: *этот цветок благоухает* и *этот цветок не благоухает* (пример Канта) – одно должно быть истинным, а другое – ложным. Кант называет подобные противоположности *аналитическими*, т. е. подчиняющимися закону исключённого третьего.

В то же время можно сформулировать и такие противоположные суждения:

а) *этот человек брюнет – этот человек блондин;*

¹³² Кант И. Указ. соч. С. 432.

¹³³ Там же. С. 431.

б) *этот цветок имеет приятный запах – этот цветок имеет неприятный запах.*

Здесь мы имеем дело с контрарными суждениями, каждое из которых может быть ложным. Например, человек может быть шатеном, цветок может не иметь запаха. Такие противоположности Кант называет *диалектическими*. Они создают лишь видимость взаимоисключения. Следовательно, в диалектических противоположностях оба суждения могут быть ложными.

Тот, кто предполагает, что мир по своей величине либо конечен, либо бесконечен, но отрицает одновременную истинность обоих суждений, тот, по Канту, предполагает нечто ещё и иное сверх сказанного, а именно: мир имеет сам по себе (как «вещь-в-себе») величину. По Канту, «два диалектически противоположных суждения могут быть ложными, потому что одно не только противоречит другому, но и высказывает нечто сверх того, что необходимо для противоречия»¹³⁴.

Неистощимый критик способности наших суждений в конечном итоге приходит к выводу, что в основе всех антиномий разума, за исключением противоречия между детерминизмом и свободой, лежит диалектическая противоположность суждений, выходящая за пределы возможного опыта. Другими словами, антиномии возникают из-за предпосылки, что мир сам по себе (как «вещь-в-себе») изначально должен обладать какими-либо всеобщими атрибутами (величиной, сущностью, сложностью и т. п.), только тогда мы можем вывести прямо противоположные суждения о характере этих атрибутов (величине, сущности, сложности и т. д.).

В основе доказательств всех антиномий лежит аналитическое положение: всякое обусловленное имеет предшествующее ему условие (условие обуславливает). Однако в доказательстве антиномий разум, по существу, выходит за пределы этой аналитической формулы, используя синтетическую предпосылку: если дано обусловленное, то дана вся абсолютная целокупность условий. Абсолютная целокупность – это «вся сумма условий, стало быть, абсолютно безусловное»¹³⁵. Это абсолютно безусловное может быть

¹³⁴ Там же. С. 460.

¹³⁵ Там же. С. 393.

обнаружено только в синтезе условий, предшествующих обусловленному. Кант называет этот ряд условий регрессивным.

В принципе, данный ряд можно представить себе как бесконечный (т. е. бесконечно нисходящий вниз в поисках предшествующих условий), так и конечный, т. е. начинающийся с какого-то условия. В любом случае, конечен он или бесконечен, разум мыслит его как абсолютно безусловное. Но эта мысль о предзаданности абсолютно безусловного есть всего лишь умопостигаемая идея, но не эмпирически достоверная идея. Она предполагает *данность* нам абсолютно безусловного, относящегося к миру как «вещи-в-себе». Однако если идти от эмпирически зафиксированного, т. е. от явления, то абсолютная целокупность ряда отнюдь не *дана* в опыте, а лишь *задана*. Эта заданность нацеливает нас на осуществление в опыте последовательного регресса условий. Тем не менее в эмпирическом регрессе мы никогда не можем исчерпать бесконечный ряд явлений. «Основоположение разума, – утверждает Кант, – есть собственно, только *правило*, предписывающее в ряду условий данных явлений регресс, которому никогда не дозволено остановиться перед абсолютно безусловным»¹³⁶.

Таким образом, с отрицанием недопустимой презумпции (неявной предпосылки), что нам дана (или может быть исчерпана каким-либо образом) абсолютная целокупность условий, отпадают и претензии тезиса и антитезиса на их одновременную истинность. Оба утверждения могут оказаться ложными, как это часто происходит в столкновении контрарных высказываний. «В самом деле, – пишет Кант, – мир остаётся, если бы я отрицал бесконечный или конечный регресс в ряду его явлений...»¹³⁷. Так как мир не дан нам независимо от эмпирического ряда явлений, то «он не существует ни как *само по себе бесконечно целое*, ни как *само по себе конечное целое*»¹³⁸.

Следовательно, если разум признаёт, что презумпция *данности* абсолютно безусловного незаконна, то отпадает или ставится под вопрос сам предмет спора: конечен или бесконечен мир, сложен он или обладает простой структурой, существует ли абсолют-

¹³⁶ Кант И. Указ. соч. С. 462.

¹³⁷ Там же. С. 460.

¹³⁸ Там же.

ная сущность, из которой можно вывести все другие атрибуты мира, или такой абсолютной сущности не существует. С устранением этих претензий разума приписывать миру в целом какие-либо апприорные атрибуты заканчивается и спор разума с самим собой, он приходит к согласию с самим собой. Абсурд в парадоксальных антиномиях Канта преодолевается самим критическим разумом, стоящим на страже рассудочного мышления.

Итак, Кант доказал, что в трёх его антиномиях противоречие возникает из-за неограниченных претензий разума судить о мире в целом только на основе умопостигаемых идей. Взаимоисключающие противоположности тезиса и антитезиса, с его точки зрения, оказываются ложными¹³⁹. Однако антиномия, сталкивающая детерминизм и свободу, по Канту, носит принципиально иной характер. Его конечный вывод состоит в том, что в мире существуют и природная (естественная) причинность, и свободная причинность, начинающаяся с безусловного, т. е. конечного члена регрессивного ряда, за которым не стоит никакого условия. Последнюю кенигсбергский философ называет ещё *абсолютной самодеятельностью* или свободой. Оба утверждения, с его точки зрения, истинны, «и то, и другое может одновременно быть в одном и том же событии в различных отношениях»¹⁴⁰.

Доказательство совместности детерминизма и свободы может не удовлетворять современного читателя, но его стоит рассмотреть как пример хитрости разума, преодолевающего парадокс. Необычность кантовского доказательства заключается в том, что способность разума оперировать умопостигаемыми идеями из негатива, разрушающего все три предыдущие антиномии, в данном случае превращается в позитив, подтверждающий наличие свободы в мире.

Признание естественной причинности базируется на *наблюдении* явлений, которое всегда обнаруживает в регрессивном ряде предшествующее условие (причину), а в прогрессивном ряде – последующее обусловленное (следствие). Поскольку эти ряды можно продолжить в обе стороны, не встречая границ, мы должны

¹³⁹ См.: Там же. С. 475.

¹⁴⁰ Там же. С. 480.

признать универсальность причинно-следственных связей в природе, т. е. правоту детерминизма.

В природе, по Канту, не может быть самодеятельной причины, т. е. свободы. Свободу следует искать только в человеческих поступках, в сфере выбора разумного человека. Свобода, по Канту, выражается в императивах разума, определяющего для себя *должное*. В природе мы всегда обнаруживаем *сущее*, природа не признаёт должного. Свободный выбор, основывающийся на идеях разума, определяет должное для субъекта, цель его действий.

Здесь может возникнуть возражение следующего порядка. О поступках человека мы можем судить по их наблюдению, следовательно, они суть явления. Почему же не предположить, что за этими явлениями существуют обуславливающие их явления и т. д.? Если это так на самом деле, тогда не остаётся места для свободы, побеждает всеобщая причинность.

Кант, отвечая на это возражение, говорит о том, что если мы стоим на позиции *наблюдения*, то свободы никогда не обнаружим: «В отношении **этого** эмпирического характера нет свободы, а ведь только исходя из этого эмпирического характера, мы можем рассмотреть человека, если занимаемся НАБЛЮДЕНИЕМ и хотим исследовать движущие причины его поступков физиологически, как это делается в антропологии»¹⁴¹.

Итак, если мы признаем, что в человеке всё феноменально, т. е. проявляется в чувствах, опыте, наблюдении, то здесь исключается свобода, вернее, доступ к свободе. Действительно, поступок человека дан нам как явление, которое может свести к другим явлениям. Перед поступком мы можем обнаружить физиологическую потребность (хотение, по Канту), эмоцию, настроенность, мотивацию (манифестированную), данные нам как явления. Однако все явления образуют причинно-следственный ряд, в котором нет места свободе.

Но человек есть также и ноумен, у него существуют, помимо всего, умопостигаемые способности, идеи рассудка и разума. Эти умопостигаемые идеи не являются феноменальными, мы должны отнести их к сущности человеческой природы. Идеи разума и оп-

¹⁴¹ Кант И. Указ. соч. С. 489.

ределяют для человека должное, которое обуславливает характер и способ действия человека. Умопостигаемые идеи разума и являются отправной точкой в самодеятельной причине. С них, с этих идей, определяющих должное для человека, и начинается свободная причинность. Но умопостигаемые идеи не феноменальны, они не лежат в плоскости наблюдения. Для нас наблюдаема только цепь действий человека, в которых свобода не обнаруживается.

Здесь мы снова наталкиваемся на затруднение в понимании Канта. Ведь критик неограниченных претензий разума ранее уже признал, что умопостигаемые идеи, выходящие за пределы опыта, могут заводить нас в тупик. На это Кант мог бы ответить, что он доказал эфемерность тех умопостигаемых идей, которые касались априорных, т. е. не проявляющихся в эмпирии, атрибутов мира, навязываемых разумом этому миру. В данном же случае речь идёт об умопостигаемых способностях человека, которые, хотя и не проявляются в наблюдении, но, тем не менее, существуют в разуме человека, определяя его волю. Эти идеи разума определяют должное, к которому стремится человек, делая свой выбор.

Безусловно, должное не может осуществляться вопреки природе. «Этим долженствованием, – отмечает Кант, – обозначается возможный поступок, мотивом для которого служит лишь понятие, между тем как основанием действия одной лишь природы служит явление. Конечно, необходимо, чтобы поступок, на который направлено долженствование, был возможен при естественных условиях, но эти условия имеют отношение не к определению самой воли, а только к действию и результатам её в явлении»¹⁴².

Таким образом, разум является основанием и первым условием свободы: «Разум есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек»¹⁴³.

Из сказанного можно было бы сделать вывод, что в природе господствует естественная причинность без свободы, а в человеческой деятельности свобода без естественной причинности. Но тогда был бы подорван универсальный принцип детерминизма. Такое решение не удовлетворяет Канта, ибо оно ограничивает детерминизм, отрицает его в сфере человеческих поступков.

¹⁴² Там же. С. 488.

¹⁴³ Там же. С. 491.

По Канту, причинность, как обусловленность одного явления другим, в человеческих поступках вполне уживается со свободой, ибо детерминизм проявляется в эмпирическом ряде явлений, наблюдениях над поступками человека, а свобода, с которой начинается самодеятельность человека, находится в идеях и понятиях разума, которые не наблюдаемы, но, тем не менее, принадлежат ноуменальной сущности человека. Тем самым доказывается, что истинно и то, и другое (и детерминизм, и свобода), но в *разных отношениях*. Следовательно, абсурдность рассмотренной антиномии также преодолевается.

Анализ кантовских антиномий весьма показателен для понимания соотношения абсурда и парадокса.

Во-первых, антиномии Канта зиждутся на предпосылочных смыслах. По существу, он обратился к тем идеям, которые уже существовали и интенсивно обсуждались в философском мире. Если одни философы воспринимали в качестве незыблемых начал своей онтологии какой-либо тезис (конечность мира, простота или нередуцируемость исходных начал мира, наличие абсолютной сущности, из которой может быть выведен мир, и т. д.), стараясь его каким-то образом обосновать и преодолеть критику своих оппонентов, то другие становились на позиции антитезиса (бесконечность мира, его неисчерпаемая сложность, отсутствие абсолютной сущности, из которой можно было бы вывести всю структуру мира), с тем же успехом критикуя точку зрения своих противников. Гениальность Канта состояла в том, что он увидел в этих оппозициях не просто борьбу несовместимых взглядов, что частенько случается в науке, но парадокс философствующего Разума.

Это означает, что Кант увидел равноправие тезиса и антитезиса там, где другие усматривали только их взаимоисключение. Более того, он предоставляет доказательства основательности равноправия тезиса и антитезиса в каждом случае. Это и есть философский парадокс, называемый Кантом антиномией. Формулировка парадокса – это не просто констатация того и другого, т. е. фиксация противоположных взглядов в философии. Если бы это было так, то всегда бы оставалась возможность для выбора какой-то одной позиции: либо тезиса, либо антитезиса. Доказательство

антиномичности противоположных позиций, по Канту, означает, что, принимая одно (тезис), мы неизбежно должны принять и другое (антитезис). В этом суть парадокса.

Доказав наличие парадоксов в философском разуме, Кант совершает философское открытие. Если до него считали, что в философском дискурсе существуют разные идейные позиции (вплоть до их противостояния), то после Канта становится ясно, что тезис и антитезис – не просто разные сущности (которые можно разнести по полочкам), но нераздельные логически взаимосвязанные идеи. Тезис столь же равноправен и основателен, как и антитезис, – а это и есть абсурд, обнаруживаемый в парадоксе. Парадокс не существует без этого абсурдного момента, хотя, как мы видели, и не сводится целиком к нему. Как только обнаруживается абсурд, он взрывает уравновешенный покой в философском мире, он уже не приемлем ни для одной стороны. Не приемлем абсурд и для Канта, определявшего его как разлад разума с самим собой.

В связи с этим далее Кант предпринимает попытку преодоления абсурда в антиномиях. Развёртывая свою систему доказательств (покоящуюся на предпосылках его философии), он в конечном счёте доказывает, что три антиномии ложны (т. е. ложными или недопустимыми являются как тезис, так и антитезис), а четвёртая признаёт и истинность всеобщего детерминизма, и свободы в человеческих поступках, но в *разных отношениях*. Тем самым удаётся не только преодолеть абсурд в противостоянии тезиса и антитезиса, но и существенно прирастить, обогатить смысл новым пониманием проблемы.

Таким образом, Кант не декларирует свои антиномии, а разворачивает Логiku становления и разрешения парадоксов, тем самым обнаруживая их глубинный смысл. В какой-то степени урок, преподанный Кантом в анализе антиномий, может считаться прецедентным, т. е. рассматриваться в качестве общей модели постановки и разрешения парадоксов. Ведь, по существу, с аналогичной ситуацией мы столкнулись и в парадоксах теории множеств.

Рассмотрев различные случаи возникновения парадоксов в философии и науке, мы приходим к выводу, что подлинные парадоксы (т. е. те, которые приводили к противоречию $A \& \sim A$) всегда ставили перед мыслящим разумом проблему. Разум нико-

гда не может примириться с абсурдом (с утверждением А и одновременно его отрицанием), и если этот абсурд не устраняется простым путём выявления ошибки в рассуждениях, ученые стремятся выйти к новым смысловым горизонтам решения проблемы. Они вводят новую систему понятий, картину мира, изменяют гносеологические установки, в рамках которых данный парадокс устраняется или (как любят выражаться философы) разрешается. Другими словами, парадокс разрешается через создание новых смыслов.

Вначале на пути построения теории множеств логично и естественно возникает конструкция «множества множеств». Далее обнаруживается, что данное понятие приводит к парадоксам, т. е. к выводу из него двух взаимоисключающих суждений, а это уже абсурд. Затем Рассел, предпринимая меры по разрешению парадокса, создаёт свою теорию типов. С позиции этой теории удаётся развести высказывания о множестве и высказывания об элементах, избежать противоречий в ткани рассуждений.

В развитии парадокса можно выделить три стадии.

Первая – подготовительная – связана с накоплением предпосылочных смыслов. Предпосылочные смыслы фиксируют устоявшееся мнение (например, что стрела, выпущенная из лука, летит; быстроногий Ахиллес догонит и перегонит черепаху, параллельные прямые не пересекаются, волна не может быть частицей, конечное бесконечным и т. д.).

Затем наступает второй этап, когда формулируется парадокс. Суть этого этапа именно в переворачивании устоявшихся взглядов, переходе к противоположным суждениям или сталкиванию их в противоречии. Приходит Зенон и предлагает модель толкования движения, в которой стрела в каждое мгновение летит и не летит, а Ахиллес никогда не может догнать черепаху. Наступает время гениев. Эйнштейн в теории фотоэффекта показывает, что фотон можно трактовать и как частицу, и как волну. Лобачевский показывает, что в некоторых искривлённых пространствах параллельные могут пересекаться. Рассел обнаруживает, что простое понятие «множество множеств» ведёт к противоречию. Кант в своих антиномиях доказывает равноправность утверждений о конечности и бесконечности мира.

Это и есть момент высочайшего напряжения мыслей – рождение парадоксального элемента, разлада разума с самим собой. Такое состояние часто оценивается как абсурдное, нетерпимое, как кризис идей. Неслучайно обвинение в абсурдности предъявлялось и Бору в связи с его новой квантовой механикой, и Эйнштейну по поводу его теории относительности, и Лобачевскому по поводу его новой геометрии.

Наконец, приходит третий этап разрешения парадокса. Ищущая мысль не может примириться с абсурдом, она мучительно ищет выход из него. Пути разрешения парадоксов – это пути создания новых смыслов, гармонизирующих разум, приводящих его в согласие с самим собой.

По-видимому, нет общего алгоритма разрешения парадоксов. Здесь не нужно придумывать какие-то общие диалектические рецепты для разрешения всех парадоксов, вроде гегелевского синтеза. Гораздо полезнее обратиться к реальной истории разрешения парадоксов в человеческом творчестве, к истории науки. Мы знаем, что парадоксы могут разрешаться за счёт создания новой теории, включающей старую в виде предельного случая (боровский принцип соответствия), за счёт дискредитации одной из противоположностей, за счёт дискредитации обеих противоположностей (как это делает Кант, показывая ложность трёх из своих антиномий), за счёт разведения противоположностей к разным основаниям (когда Кант примиряет утверждение о всеобщей причинности и свободной, самодеятельной причине, полагаемой человеческим разумом).

Известно, что из всех наук самая непротиворечивая – математика. Однако история развития математики в XX веке, с её многочисленными кризисами и парадоксами, развеяла миф о том, что можно избежать парадоксов на пути строгой формализации математических теорий. Миф о «логическом рае», достижимом в математике, рухнул, когда Гёдель доказал два утверждения:

- 1) любая аксиоматическая теория, включающая арифметику целых чисел, неполна;
- 2) любая такая система не гарантирует непротиворечивости.

Это означало, что в развитии любой строго формализованной теории мы всегда можем столкнуться с парадоксом неполноты (когда некоторое утверждение на языке теории нельзя будет ни вывести, ни опровергнуть) и с парадоксом противоречия двух суждений. По существу, Гёдель доказал, что парадоксы всегда будут сопутствовать даже в самой точной, рационализированной человеческой мысли.

Вместе с тем история науки свидетельствует, что когда обнаруживается парадокс, он не останавливает человеческую мысль, на путях его разрешения возникают новые смыслы, гипотезы, теории.

Возвращаясь к нашумевшей идее Делёза о том, что смысл рождается из абсурда, можно сказать, что французский философ зафиксировал только одну фазу рождения смысла: от обнаружения абсурда в парадоксе к рождению нового смысла – и потерял из виду всю картину, включающую три этапа: от смыслов (предварительных) через парадокс к новым смыслам. Смысл в парадоксе всегда предпосылочен, ни язык, ни научная теория не могут начаться с нонсенса.

Путь рождения смыслов через разрешение парадоксов не является ни всеобщим, ни абсолютным, в какой-то степени его можно назвать уникальным. Это особенный путь, нередко связанный с творческими переворотами, революциями в науке. Пользуясь терминологией Т. Куна, можно сказать, что «нормальное» творчество протекает в направлении от смысла к смыслу, однако встречаются и «аномалии», приводящие к парадоксам. Но и парадокс, как мы видели, имеет свою логику.

Таким образом, мы проанализировали возможности возникновения абсурда. Они обусловлены семантическими рассогласованиями в построении смысла высказывания, нарушением принципов коммуникации (в частности, рассогласованием намерений и целей говорящего с манифестируемым в языковом выражении смыслом) и, наконец, разрушением смысловой ткани (логики смысла) рассуждений. Абсурд всегда является нарушением смысла, его противоположностью.

Часть II

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКЦИИ СМЫСЛА

Глава 8

ФОРМЫ БЫТИЯ СМЫСЛА

Вопрос о бытии (т. е. форме существования) смыслов можно считать главным вопросом в философских дискуссиях об их природе. В первом и весьма грубом и приближенном понимании он сводится к дилемме, касающейся вопроса, где находятся (существуют) смыслы: в сознании человека или в самом мире. Опять-таки, очень приближенно можно говорить о трёх достаточно представительных вариантах решения этого вопроса:

1) упрощенный (если не сказать более резко – примитивный) материалистический вариант, основывающийся на абсолютизации принципа отражения, сводится к тому, что смыслы находятся в самом объективном мире и – в результате их отражения в сознании – возникают в субъективном мире представлений человека в форме мотивов действий, целей, оценок, суждений, идей, знаний, теорий и т. п.;

2) феноменологический, признающий формирование и существование смыслов только в сфере человеческого сознания и отрицающий их бытие в объективном мире. Термин «феноменологический» мы взяли из гуссерлевского наследия, хотя указанная идея принадлежала не только немецкому феноменологу, но и многим философам, жившим до него и после него. Действительно, новаторской заслугой Э. Гуссерля является рассмотрение вопроса о генезисе смыслов в сознании;

3) весьма эпатажный постмодернистский вариант существования смыслов на исчезающей тонкой поверхности между смыслами и вещами. Эта идея соединения всех разграничений и взаимных переходов между противоположными сущностями является знаковой для постмодернизма, выступившего против структурализма, признававшего строгую разграниченность между означаемым и означающим.

Решение вопроса о бытийности смысла существенно зависит от определения смысла. На трактовку понятия смысла решающую роль оказали исследования в теоретической лингвистике и логике, между которыми в XIX веке устанавливаются прочные концептуальные связи. И это не случайно. Именно в речевой практике (в использовании языка) особенно органично проявляется связь смысла с его знаковыми выражениями: словами, предложениями, текстами. С помощью языка мы можем описать всё существующее как в объективном мире, так и в собственном сознании.

Само слово «смысл» означает совместность смысла с мыслью, смысл возникает в процессе мышления. Он характеризует содержание мысли о чем угодно: существующем, возможном и даже не существующем (например, *вечного двигателя не существует*). Смысл присутствует во всём, что *осмысленно* (высказывание, действие, поступок), т. е. является внутренней активностью нашего сознания, которую можно определить как смыслотворчество.

Смыслотворчество направлено как на осмысление мира, так и на свою собственную деятельность, а также на осмысление своей жизни, своего внутреннего «Я». Осмысление, продуцирование смыслов, смысловая рефлексия представляют наиболее существенную черту человеческого рода, знаменующую прорыв человека за пределы животного мира. Наиболее важной функцией смыслотворчества является перевод *данного* в чувстве мира в формы мышления. Элементарной базовой единицей смысла выступает мысль, в которой предмет характеризуется через свое свойство. Однако смыслотворчество не ограничивается простой предикацией предмета. Как только мысль сформулирована, возникают богатейшие возможности для работы человеческого интеллекта: для углубления смысла через его анализ, для связывания с другими смыслами (синтез), а также для выводов одних смыслов из других.

Смысл (как мысль о внешнем или внутреннем мире человека) приобретает самостоятельную форму «самодвижения»: он может развиваться в сторону генерализации, т. е. обобщаться до высочайших пределов, удивляя нас своими «нежизненными» научными абстракциями, но может и конкретизироваться, характеризуя единичное событие. Конечно, нельзя фетишизировать смысл,

приписывая ему самостоятельную активность и превращая в самодовлеющую сущность. Во главе смысла всегда стоит мыслящий человек, подлинный и единственный демиург смысла.

Смыслы лежат и в основе ещё одной чисто человеческой способности – общения людей. Общение и есть обмен человеческими смыслами. Люди понимают друг друга благодаря обмену этими смыслами, транслируемыми с помощью языка. Нельзя никаким образом передать свои ощущения другому человеку. Конечно, ощущения могут сопровождаться гримасами, вздохами, криками и т. п., но эти внешние их проявления являются всего лишь сигналом того, что наблюдаемый человек что-то чувствует. Но моя боль – это моя боль. Если мне горячо, то другому в тот же момент может быть холодно. Только благодаря смыслам люди способны проникнуть в мир сознания другого, в том числе и рассказать о своих ощущениях.

Осмысливать всё – свою встречу с миром, его мировые загадки, место в обществе, жизненное предназначение, свои действия и поступки других людей, свои желания сообщить что-то другому, достижения мировой культуры и науки, ставить вопросы и давать на них ответы, рассчитывать, взвешивать альтернативы при наших выборах в социальном мире, рассуждать, доказывать – вот далеко не полный перечень многообразных функций смыслотворчества, т. е. производства и конституирования смыслов.

§ 1. Критика концепции, признающей существование смысла в объективной реальности

Рассмотрим теперь более детально обоснование указанных концепций бытия смысла.

Первая концепция, признающая бытийность смысла в мире (в объективной реальности) и его (вторичное) отражение в сознании, наиболее ярко представлена в монографии Д. А. Леонтьева «Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности»¹⁴⁴. Автор говорит об онтологических смыслах (забывая, что подлинный перевод слова «онтология» означает отнюдь

¹⁴⁴ Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 1999.

не «объективную реальность», а теорию мира) и феноменологических смыслах. В его концепции смыслы изначально существуют в объективной реальности (это и есть онтологические смыслы), а затем они отражаются в сознании человека. Это будут феноменологические смыслы.

В отечественной психологии вообще доминирует критическое отношение к теориям, признающим существование смысла в качестве феномена сознания, т. е. его характеристики как содержания мысли. Обычно такое толкование смысла наши психологи называют идеаторным, семантическим, лингвистическим и не пригодным для понимания человеческой деятельности, хотя современная социология вполне успешно применяет понятие смысла как *осмысленного* проекта социальных действий. Под смыслом они понимают «жизненную значимость», которую стали трактовать как характеристику объекта, в которой выражено отношение субъекта к объекту в плане включения его в свою деятельность (например, полезный, нужный, желаемый, эффективный и т. д.). Подобный «смысл», и этого нельзя отрицать, имеет важнейшее значение для мотивации деятельности. Указанная «значимость» есть не что иное как определение ценности, принятое в аксиологии, т. е. ценность чего-то для человека.

Таким образом, возникла ситуация, когда в современном дискурсе стали употреблять два понятия смысла. Первое (которое мы изложили выше), с лёгкой руки некоторых психологов получило название «семантического смысла», второе (которое мы называем ценностным) — «деятельностного» смысла. Сам Д. А. Леонтьев предпочитает называть его «жизненным смыслом».

Итак, наш автор выбирает «жизненный смысл», т. е. указанные «значимости» для объяснения человеческой деятельности. Для него смысл, скрывающийся за знаком, представляет *семантический смысл*, и этот термин правомерен лишь в контексте анализа языка и речи. По его мнению, в анализе человеческой деятельности концепция семантического смысла малопродуктивна.

Ответ на вопрос, что же значит концепт «значимость» для нашего автора, даёт его ссылка на своего предка, известного академика А. Н. Леонтьева. «Сознание строится, формируется, — пи-

сал А. Н. Леонтьев, – в результате решения 2-х задач: 1. Задачи познания реальности (что сие есть?); 2. Задачи на смысл, на открытие смысла (что сие есть для меня?). Последняя задача, т. е. “задача на смысл”, – есть труднейшая задача. В своём общем виде это – “задача на жизнь”»¹⁴⁵.

Прежде всего, бросается в глаза отказ нашего академика признавать, что наука имеет хоть какое-то отношение к смыслам, что, конечно, пахнет крайним обскурантизмом. Ведь любой физик, математик, политолог, экономист, психолог и т. д. только и занимается ответами на вопросы, что «сие есть»? Вопросы, что такое атом, натуральное число, политика, капитал, психическое и т. д., являются исходными фундаментальными вопросами в соответствующих науках, как и вопросы о строении, структуре, развитии, взаимодействии изучаемых объектов. Ответы же на все эти вопросы, по общему признанию самих ученых, и являются научными смыслами. Научные смыслы можно считать в какой-то степени образцовыми смыслами, ибо они наиболее рациональны, логичны, доказательны. Хорошо высказался о природе смыслов наш известный литературовед М. М. Бахтин: «Смыслом я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла»¹⁴⁶. Смыслами наполнены все научные понятия, идеи, теории и т. д.

Другими словами, смыслы всегда отвечают на множество вопросов (что, где, когда, зачем, как, ради чего, для чего, почему и т. д.), возникающих как перед обычными людьми в повседневной жизни, так и перед учёными в решении жизненных и научных задач. К сожалению, это пренебрежительное отношение к научным смыслам получило широкое распространение в отечественной психологии. Защищая концепцию «значимости», её адепты привязывают категорию «смысла» только к практическим действиям человека, их мотивам и целям. При этом они не замечают, что «значимости», инициирующие социальные действия, связаны с осмыслением мотива, плана реализации действий на пути к по-

¹⁴⁵ Леонтьев А. Н. О психологической функции искусства (гипотеза) // Художественное творчество и психология / под ред. А. Я. Зиса, М. Г. Ярошевского. М. : Наука, 1991. С. 184.

¹⁴⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1973. С. 350.

ставленной цели. То есть они не признают общего (родового) признака смысла, скрывающегося за словом, речью, теорией и социальной деятельностью человека. И этот признак есть не что иное, как *осмысленность* всего перечисленного. Вот и наш автор, обосновывая свою позицию «жизненных смыслов», противопоставляет их «семантическим смыслам» на том основании, что одни из них имеют отношение к жизни, а другие якобы не имеют.

Вопрос «что сие значит для меня?», по существу, означает, что «смыслы» отождествляются с жизненными ценностями. Нейтральная позиция – правильнее сказать, «объективистская» – по отношению к миру (которая характерна для научного познания) выносится сторонниками концепции «значимости» за скобки смысловых отношений. Следует отметить, что проблема соотношения категорий «смысл» и «ценность» довольно запутана в философской и культурологической литературе и будет проанализирована нами впоследствии.

Вопрос «что сие есть?» может означать только одно – что мы интересуемся имманентными (т. е. собственными) характеристиками вещи, явления, события. Именно подобного рода вопросы интересуют науку, которая ориентируется на объективную истину. Такие смыслы с гносеологической точки зрения можно назвать объективными или когнитивными в отличие от ценностей, отвечающих на вопрос «что сие значит для меня?». Именно поэтому в научных смыслах стараются вынести за скобки всякую значимость объекта для человека, т. е. абстрагируются от ценностей. Однако сама наука, как когнитивная система, имеет, конечно, для человечества огромную ценность, ибо на её основе человечество улучшает комфортность своей жизни. Впрочем, не исключено её применение и во вред человечеству. Всё это говорит только о том, что науку нельзя вынести за контекст человеческой жизни. Отрицать, что наука занимается смыслами (формулирует их), – значит признать её бессмысленной. Такую позицию сейчас не будет защищать никто, кроме нашего автора.

Однако и в повседневной жизни мы не можем игнорировать когнитивные смыслы, на которых основывается деятельность человека, иначе она будет безуспешной. Осмысленная деятельность основывается не только на «значимостях» (особенно важных при

мотивации), но и на знаниях (или, как говорил А. Шюц, когнициях) при планировании деятельности, рассудочном взвешивании альтернатив достижения цели. И ещё не известно, что перевешивает в планировании деятельности: объективное знание (а это, конечно, смысл) или субъективная значимость чего-то для человека. Мне очень хочется построить вечный двигатель, но объективный (научный) смысл говорит, что это сделать невозможно.

С нашей точки зрения, ценностная позиция («значимость» в терминологии Д. А. Леонтьева) в планировании деятельности отнюдь не противостоит общему (семантическому) понятию смысла, принятому в западной литературе. Ценностные мотивы тоже могут считаться человеческими смыслами при условии, что они осмыслены, отрефлексированы, рационализированы, осознаны действующим субъектом. Нужно отметить, что при формировании когнитивных и ценностных смыслов реализуется общая (пропозициональная) структура образования смысла. И то и другое, с точки зрения логики, характеризуется общей формулой построения мысли: « S есть P », – где S – предмет мысли, а P – её предикат. Только в случае когнитивных смыслов P выражает имманентное (объективное) свойство предметов и явлений, а в случае ценностных смыслов P выражает их оценку.

Ошибка Д. А. Леонтьева заключается не в том, что он определяет «смыслы» как «жизненные значимости», проявляющиеся в повседневной деятельности людей, а в том, что он отрицает сущностный признак любого смысла – его сознательную (мыслительную) конституированность действующим индивидом.

Ценностные и объективированные (когнитивные) смыслы перемешаны в деятельности и сосуществуют друг с другом и в обычной человеческой речи. Сказать, что *Петров – негодяй*, – значит выразить ценностный смысл, а сказать, что *Петров – мой начальник*, – значит высказать объективный смысл. Искусственная сепарация смыслов, предлагаемая нашим автором, режет по «живому». Он пытается отделить от жизни то, что в самой жизнедеятельности человека переплетено и взаимосвязано накрепко, т. е. великое разнообразие смыслов: научных и повседневных, эстетических и этических, художественных и технических, ценностных и объективированных.

Познание, конституирующее в конечном результате когнитивный смысл, и *оценивание*, формирующее ценность чего-либо в жизни и деятельности человека, идут параллельно, рука об руку, они пересекаются друг с другом в нашем самоопределении в мире. Вот почему смыслы и ценности трудно различить непрофессиональному, нефилософскому разуму.

Смыслы по своему содержанию могут быть любыми. Единственное общее требование к ним, которому они должны неизменно удовлетворять, – это то, что все они являются результатом осмысления чего-либо. Поступать осмысленно – значит всегда решать творческую задачу, находить решение проблемы, отвечать на какой-нибудь вопрос, хотим ли мы сообщить что-то другому, понять речь другого, решить математическую задачу или купить товар на рынке, помолиться Богу или заложить первый камень в фундамент своего дома, понять и насладиться художественным произведением или принять политическое решение и т. д.

В своём упорстве отрицания смысла как осмысленного отношения человека к миру, наш автор опирается на идеи своего деда: «...Уже в первых (как и во всех последующих) работах А. Н. Леонтьева, посвящённых проблеме смысла, это понятие трактуется совершенно иначе. Оно десемантизировано, вынесено *за пределы* контекста речевого мышления и *вообще сознания в плоскость дорефлексивных отношений субъекта с миром* (курсив наш. – А. К.), в плоскость его реальной жизнедеятельности»¹⁴⁷.

Если признать, что смысл лежит за «пределами сознания» и вне пределов рефлексии (т. е. осмысленности), тогда и все действия (а по существу, реакции) животного тоже можно объявить как осуществляемые на основе смысла, но теперь уже «биологического смысла», что с настойчивостью, достойной удивления, делает наш автор. Вот его признания на этот счёт: «Мы можем говорить о том, что понятие смысла и смысловой связи приложимы и для описания поведения и животных, и человека, но по-разному, мы вправе искать и находить элементарные смысловые механизмы поведения даже среди сравнительно низкоорганизованных животных»¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Леонтьев Д. А. Психология смысла... С. 79.

¹⁴⁸ Там же. С. 272.

Конечно, трудно отрицать существование неосмысленных (не отрефлексированных) «значимостей». Например, у меня непроизвольно течёт слюна при виде пищи. Если встать на позицию нашего автора, то следует признать пищу значимой для человека, а далее приравнять эту значимость к смыслу. Вот и получается, что смысл, истолкованный как биологическая значимость, лежит «вне плоскости отрефлексированных отношений», т. е. получается, что смысл появляется там, где нет никакой осмысленности, рассудочности, размышлений, мучительных поисков решения «быть» ли «не быть».

Осмысленного выбора решения как раз не наблюдается в выделении слюны. Таких примеров – несть числа. Человек быстро закрывает глаза при резкой вспышке света. При прикосновении к проводу, по которому идёт электрический ток, несчастный, испытывая боль, резко одёргивает руку. Можно говорить о какой угодно значимости в приведённых примерах, но ясно, что смыслом здесь и не пахнет. Смысла вне рефлексии не бывает, если под ним понимать работу сознания по разрешению каких-либо жизненных проблем: стоит ли мне это делать, зачем мне это делать, как мне это делать, какие средства для достижения этого подходят и т. д.?

Разумеется, наш автор признаёт принципиальное качественное различие между биологическими и человеческими смыслами. По его мнению, качественное различие заключается в разном содержании потребностей: у животного они обусловлены процессами выживания и поддержания жизни, а у человека они опосредованы социальными установками и приоритетами, системой общественных ценностей. Здесь психолог весьма близко подходит к правильной идее о том, что человеческие смыслы всегда *социальны* по своей сущности, тогда как «значимости» животного обусловлены генетическими предпосылками. Но об этом позже.

Касаясь вопроса смыслообразования, автор неизменно связывает смысл (как значимость) с наличием регуляции в поведении как животного, так и человека, так что при прочтении книги складывается впечатление, что там, где просматривается какая-либо регуляция, там присутствует смысл, т. е. любая регуляция есть, по определению, смысловая регуляция. Но это отнюдь не так, что мы

пытались продемонстрировать на примерах инстинктивного поведения человека.

Попытка приписать смысл примату, не говоря уже о низших животных, основана на неоправданной экстраполяции (т. е. непропорциональной аналогии) человеческих действий на мир животных. Здесь даже всё равно, откуда берутся истоки подобных аналогий для объяснения наблюдаемых регуляций. Идём ли мы от человека к животному или от животного к человеку, в итоге получаем одно: смысл существует вне о-сознания, вне рефлексивной (т.е. осмысленной) деятельности. Однако регуляция поведения и смысловая регуляция – это разные вещи. У человека, как и у животного, существуют действия неосмысленные (*регулируемые* болью, страхом, угрозой, раздражением, инстинктом, вообще, любыми аффектами). Но только у человека существует смысловая регуляция, понимаемая как осмысление (осознание) мотива и плана действий. Ничего подобного в поведении животного мы, конечно, не обнаружим.

Казалось бы, в термине «биологический смысл» ничего крамольного не содержится. Ведь признаёт наш автор ограниченный характер этого смысла по сравнению с человеческим смыслом. Так, раскрывая качественное своеобразие смысловой регуляции человеческой деятельности, Д. А. Леонтьев указывает, что у животного деятельные процессы начинаются с потребности, связанной с его жизнедеятельностью. Предмет потребности становится значимым для животного в плане поддержания его жизни (пища, угроза, размножение), и в дальнейшем все его действия направлены на обладание значимым предметом или, наоборот, на избежание угрозы от этого предмета. Здесь можно говорить лишь о предметной регуляции (термин Д. А. Леонтьева), тогда как у человека удовлетворение потребностей опосредовано социальными ценностями. У человека, по мысли нашего психолога, предметная регуляция уходит на второй план. Его деятельность может быть инициирована мотивами, не предусматривающими непосредственное удовлетворение индивидуальных (в особенности биологических потребностей). Человек обычно руководствуется в выборе деятельности общественно значимыми идеалами, чувством долга, мнением окружающих и т. п., а потреб-

ность в обладании предметом появляется у него где-то на периферии жизненных смыслов. Эту логику выбора жизненных смыслов Д. А. Леонтьев называет логикой «жизненной необходимости», а животные, по его мнению, подчиняются «логике удовлетворения потребностей».

Последняя мысль представляется нам верной, но недостаточно глубокой, чтобы выявить принципиальное качественное различие между деятельностью животного и деятельностью человека. Уже Маркс указал, что человеческий вид отличается от животного вида тем, что животное приспосабливается к миру (природе), а человек изменяет его. Это изменение происходит в социальной деятельности, направляемой смыслами, которых у животных нет и не может быть.

Прежде всего, хотелось бы отметить весьма распространённую в нашей психологической и философской литературе трактовку самого понятия деятельности как практической деятельности, исключающей интеллектуальную деятельность, что резко контрастирует с западной литературой. В современной западной литературе господствует тенденция предельно широкой трактовки человеческой деятельности как любого вида социальной активности, в которую входит не только практическая (материальный труд), но и интеллектуальная деятельность, включающая науку, искусство, политику, коммуникации, литературу, пропаганду, образование и т. д.

Безусловно, все виды социальной деятельности (кроме инстинктивных, физиологических, биологических действий) конституируются и направляются у человека смыслами. Эти смыслы являются *осознаваемыми проектами*, которые затем через предпринимаемые действия (как материального, так и интеллектуального характера) реализуются в социокультурном пространстве жизни человека.

Следующее замечание относится к распространённой в нашей литературе концепции жёстко детерминированной структуры деятельности, которую, по-видимому, принимает и наш автор: потребность, мотив, цель, действие. Американский философ Дж. Р. Сёрл выступает категорически против такой упрощённой

концепции, указывая, что на любом этапе действующий индивид может изменить план действий¹⁴⁹.

Ещё одно замечание следует сделать относительно «значимости предмета», этой священной коровы в марксистской теории деятельности.

Действительно, в работе Ф. Энгельса подчёркивается важная роль человеческого труда в преобразовании материальных предметов, что обусловило возникновение общественного производства¹⁵⁰. Но в современном обществе, характеризующемся многообразием видов социальных действий, их мотивы чрезвычайно многообразны.

Наш автор связывает потребность в предмете («предметную значимость») с главной причиной возникновения деятельности, отмечая общность этого компонента (в его трактовке «смысла») у человека и животного. Конечно, Д. А. Леонтьев оговаривается, что у человека эта потребность опосредована социальными ценностями. Но потребность для него не свойство социального субъекта, тем более не свойство сознания, «не негативная характеристика индивида, определяемая через отсутствие, нужду в чем-либо», а нечто объективно данное или объективно предзаданное. Это «позитивная характеристика, отражающая присутствие данной формы взаимодействия с миром (неологизм, изобретённый во имя спасения объективности смысла. – А. К.), данной формы деятельности ...»¹⁵¹. Автор постоянно подчёркивает объективную предзаданность предмета и потребности, чтобы обосновать свою странную теорию объективного смысла.

Сам «предмет» трактуется нашим автором также весьма широко (конечно, это не апельсин, который хочет достать обезьяна). Это и покупка, и поступление в вуз, и строительство своего дома, и т. д. Всё это связано с потребностью в предмете, причём с объективной потребностью. Но как быть с выводом математика математической теоремы, выступлением политика, призывающего к вой-

¹⁴⁹ См.: Сёрл Дж. Р. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.

¹⁵⁰ См.: Энгельс Ф. Роль труда в превращении обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 486–498.

¹⁵¹ Леонтьев Д. А. Психология смысла... С. 120.

не, или с предложением руки и сердца женщине. Всё это различные виды осмысленной социальной деятельности, но где прячется пресловутая «предметность», которая, по Д. А. Леонтьеву, регулирует соответствующую деятельность. Здесь правильнее говорить о человеческом *желании*, формирующем мотив деятельности. Но в качестве мотива в различных видах деятельности может выступать и чувство долга, и корысть, и соперничество, и тщеславие.

Пытаясь выявить общие черты в деятельности животного и человека, наш автор акцентирует внимание на «предмете» как регуляторе действий, предмет выступает для него как «предзаданная значимость». Но в поведении животного предмет действительно существует *до начала* действий (манипуляций с предметом), тогда как в действиях человека предмет (такой как уют, компьютер, авиалайнер и т. п.) появляется лишь в конце деятельности. В начале, в замысле он предстает как конечная цель деятельности, которая по своему бытию является смыслом, существующим в сознании деятеля. Именно цель задаёт последовательную цепочку действий актора. Вся человеческая культура предстаёт как совокупность артефактов, т. е. вещей надприродных, искусственных, созданных по замыслам и смыслам человека-творца. В силу существующей многогранной дифференциации типов социальных действий в человеческом можно говорить и о существовании таких действий, к которым вообще не применимо понятие предмета. Так, М. Вебер говорит, что и «молчание» в качестве протеста тоже является социальным действием. В теории речевых актов (которые трактуются как социальные действия) показано, что многие из них не связаны ни с какой предметностью. Таковы, например, приветствие «Здравствуйте!» или предупреждение «Будь осторожен!», хотя все эти речевые акты наполнены смыслом. В любой творческой деятельности учитываются как ценностные смыслы (безопасность, эффективность, комфортность и т. д.), так и когнитивные смыслы (или просто – знания, добытые научным сообществом). В осуществлении социального действия, как показали М. Вебер и А. Шюц, социальному действию предшествует субъективный смысл. Субъективный смысл трактуется ими как воображаемый, скрытый в сознании индивида смысл (от мотива до цели), не доступный наблюдению со стороны. Именно субъектив-

ный смысл (т. е. осмысливание в сознании) предшествует человеческим действиям, чего нет у животного. Иначе пришлось бы согласиться, что животные тоже мыслят, чего, конечно, наш автор не принимает.

Со всеми указанными различиями в поведении животного и деятельности человека можно согласиться, но если пройти эту логику различий до конца, то трудно согласиться с тем, что к биологически целесообразному поведению животного в какой-либо степени приложим термин «смысл». Смысл всегда есть результат интеллектуальной деятельности общественного человека. Производство смыслов – это не врождённая, а социально и культурно развитая способность общественного человека. В мысли я отрываюсь от каких-либо телесно воспринимаемых потребностей, в мысли я оперирую предметом не пахнущим, ни горьким, ни сладким, ни сытным. Предмет мысли, пока я мыслю, вообще не удовлетворяет ни одну мою потребность, кроме потребности творчества, являющейся сугубо человеческой потребностью. И эта способность впервые формируется в филогенезе человечества вместе с изобретением языка и становлением подлинно человеческой (т. е. социальной) деятельности. Человеческая деятельность, начиная уже с изготовления примитивного топора древним человеком, становится преимущественно проективной, когда нужный для общественной жизни предмет сначала создаётся в голове, а потом реализуется, опредмечивается в манипулятивных действиях с предметом труда.

Человеческая деятельность, если из неё исключить акты непосредственного удовлетворения физиологических потребностей, всегда социальна и по своей природе, и по предназначению: тот же топор дикарь делал не столько для себя, сколько для нужд племени. Причём основным способом представления смысла с возникновением общества становится язык общения, рисунков, чертежей, формул. Смысл всегда переносит нас в плоскость воображаемого, идеаторного, тогда как животное не выходит за плоскость манипуляций с предметом, т. е. человеческая деятельность сначала планируется в сознании от мотива до представляемой цели и способов её достижения, а затем реализуется во внешних актах (операциях).

И в онтогенезе развития детской психики способность речевого мышления формируется не сразу, а постепенно, по мере социализации ребёнка: сначала через игру, общение со взрослыми, образование, а затем через приобщение к социальной деятельности. Это хорошо показано в исследованиях онтогенеза детского мышления в работах Ж. Пиаже¹⁵² и Л. С. Выготского¹⁵³.

Следует отметить, что индивидуальные смыслы у любого человека могут появиться только при подключении его к «пространству» общезначимых общественных смыслов: будь то знания, жизненный опыт, язык, общественные ценности и т. п. Именно этой сферы и лишены животные. Смыслы не могут возникнуть у изолированного от общества человека типа Маугли. Животные не способны отрываться от природной действительности, поэтому у них в качестве регуляторов поведения выступают стимулы, рефлексы, реакции на раздражители. В лучшем случае они способны формировать стратегию поведения на основе метода проб и ошибок, но у них нет и не может быть смыслообразования как способности оперировать абстракциями, а смысл (даже очень конкретный, жизненный) – всегда абстракция, отвлечение от чувственности. Понятно, что горькое в ощущении и смысл «горького» (который я могу приписать многим предметам и вообще оторвать от предмета) – это принципиально различные «вещи».

В связи с весьма путаной концепцией смысла у Д. А. Леонтьева мы остановимся на одном распространённом среди учёных «грехе», который пытался разоблачить уже Э. Гуссерль. Он назвал этот грех реификацией (от лат. *re* – «вещь»), суть которой состоит в том, что люди часто отождествляют смыслы, созданные ими, с самими вещами. Позже Л. Витгенштейн, изучавший логическую структуру научных теорий, решительно заявит: «Смыслы мира должны находиться вне мира»¹⁵⁴. Это означало, что научные смыслы существуют в языке теории, но не в самом мире. В чём здесь дело?

Рассмотрим несколько примеров, поясняющих суть дела. Обратимся сначала к естествознанию.

¹⁵² См.: Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М. : РИМИС, 2008. 448 с.

¹⁵³ См.: Выготский Л. С. Указ. соч.

¹⁵⁴ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. С. 70.

На экзамене по электротехнике преподаватель просит студента написать формулу закона Ома. Тот пишет формулу: $I = V/R$. Преподаватель говорит: «А теперь разьясните физический смысл этой формулы». Студент молчит в недоумении, преподаватель разьясняет: «Поясните, что означают символы I , V , R ». Тогда студент отвечает, что I – сила тока; V – напряжение, R – сопротивление цепи. «А что в целом означает этот закон?» – снова спрашивает преподаватель. И студент отвечает: «Сила тока в замкнутой цепи пропорциональна приложенному напряжению и обратно пропорциональна сопротивлению проводника». «Ну, вот вы и рассказали физический смысл закона Ома», – говорит удовлетворённый преподаватель. Но если бы самого преподавателя спросили, существует ли *смысл* в самой цепи, скорее всего он ответил бы: «Да». Но это и есть реификация смысла. Педантичный философ или логик заявили бы: «Нет». Указанный смысл находится в теории (в электротехнике), а также во всех учебниках. В самой природе смыслов нет, а есть только вещи, свойства, их отношения и процессы. И, наоборот, в учебниках нет вещей, свойств, субстанциональных процессов, а есть только сформулированные учёными смыслы.

Эту специфику разделения смыслов и вещей уже тонко почувствовали древние греки в парадоксе «Телега»: *«Скажи, когда ты говоришь, всё это выходит из твоего рта?»*. – «Да». – *«Значит, когда ты говоришь «телега», она выходит из твоего рта?»* Парадокс проистекает из-за того, что отвечающий не различает слова «телега» с присущим ему *смыслом* и реальный предмет – телегу. Гносеологически принципиальное различение смыслов и вещей важно для понимания не только природы смыслов, но и процессов познания. В познании мы можем ошибаться, вводить понятия о несуществующих вещах (эфир, флогистон, теплород) и процессах, корректировать и уточнять теории, говорить об истинности или ложности смыслов, но всё это неприменимо к природе, которая не мыслит.

Тот же самый грех реификации совершают не только представители других наук, но обычные люди в повседневном (жизненном) мире. В биологии весьма распространён термин «биологический смысл», который также использует в своей книге

Д. А. Леонтьев. Например, наблюдая весной танцы птиц или бои оленей-самцов, биолог заявляет, что они имеют биологический смысл, который способствует продолжению рода. Что здесь имеет в виду «под смыслом» биолог? Только то, что наблюдаемые феномены являются *биологическими* по своей сути, а не физическими, не химическими и тем более не социальными, что речь идёт о биологической регуляции вида. Раскрыв биологическую регуляцию, биолог, конечно, не допускает, что сами животные понимают её смысл. На животное нельзя переносить (или проецировать) те смыслы, которые открыли учёные (биологи), объясняя наблюдаемую регуляцию.

Обратимся к ещё одному характерному открытию наследственного кода. Сначала химики раскрыли сложную химическую структуру ДНК, и можно было бы сказать, что они раскрыли химический смысл большой молекулы. Затем Дж. Уотсон и Ф. Крик создали модель двойной спирали, ответственной за наследуемые признаки живых организмов. Можно было бы сказать, что они раскрыли биологический смысл ДНК. Получается, что ДНК имеет два смысла: и химический, и биологический. Не случайно эти смыслы появились в междисциплинарной науке биохимии. Философская точность требует, однако, принципиального различия того, что совершается в объективном (животном) мире, и тех конструктивных понятий, с помощью которых учёный раскрывает сущность изучаемых явлений.

Все признают, что понятия, суждения, модели, гипотезы, теории существуют в сознании учёного (или в учебнике, научной статье), но не в мире. Однако с понятием смысла многие путаются, приписывая продукт человеческого творчества (т. е. смыслы) самим вещам. Понятия смысла и мысли о «чём-то» неразделимы. Другое дело, что мышление своим острием направлено на мир, в котором живёт человек, смыслы генерируются в человеческом сознании, в интеллектуальной деятельности осмысления мира. Но человек осмысливает не только окружающий его мир, но и свои действия в этом мире. Человек – это единственное существо в мире, которое генерирует смыслы. Поэтому его и называют *Homo sapiens*.

Вся путаница с реификацией смысла возникает из-за того, что под долгим влиянием марксистской идеологии в нашем обществе было фетишизировано (некоторыми учёными) понятие «отражение». Отсюда и возник ложный силлогизм: если в нашем сознании существует некий смысл о чём-то, то и в реальности (в вещах) этот «смысл» тоже существует. Если существует смысл в понятии «ведьма», то должна существовать и сама ведьма. Однако в мире существуют сами вещи, их свойства, процессы, взаимодействия и т. п., но не сами смыслы. В познании и понимании этих свойств и т. д. и возникают смыслы в голове человека. И отождествлять по ложному силлогизму – то, что есть в сознании, есть и в реальном мире – большая ошибка. Как говорил Маркс, шиллинг в кармане и шиллинг в голове – это принципиально разные вещи.

Слово «биологический» учёный связывает с раскрытием биологических причин и функций наблюдаемых явлений. Конечно, причинно-следственная связь между продолжением рода у животных и наблюдаемыми танцами и боями существует в животном мире, но биологическую сущность этих явлений раскрывает биологическая наука. Спрашивается, понимают ли сами животные, что этими танцами и боями они способствуют продолжению рода? Нормальный учёный, несомненно, ответит «нет». Это раскрытие биологических причин, функций и т. д. осуществляет учёный в построении своих теорий. Именно он является конструктором биологических смыслов, если понятие «смысл» употреблять в строгом гносеологическом значении, т. е. хотя бы различать, что совершают животные, а что совершают учёные при *объяснении* наблюдаемых явлений.

По нашему мнению, говоря о биологических смыслах, Д. А. Леонтьев также не избежал греха реификации. Вот его значимая для обсуждаемой темы цитата: «...Если у животного *смысловая связь предстаёт* лишь как звено в цепи удовлетворения потребности, которая выступает как *критерий регуляции и объяснительная инстанция поведения*, то у человека мы имеем дело с обратным соотношением: *удовлетворение потребности предстаёт как звено в цепи смысловой регуляции; объяснительным принципом и критерием регуляции жизнедеятельности человека вы-*

ступает именно смысл (выделено мной. – А. К.)»¹⁵⁵. Здесь надо обратить внимание на выражение «объяснительный принцип».

Начнём с человека. Как ни странно, говоря о человеке, наш автор высказывает мысль (что смысл является регулятором человеческой деятельности), с которой социологи (М. Вебер, А. Шюц и др.), изучающие социальные действия, вполне могут согласиться. Только под «смыслом» они понимают наличие у актора собственного *субъективного смысла*, регулирующего манифестируемые действия. К ним относятся мотивы, цели, план действий. Безусловно, социологи трактуют эти смыслы как осмысленные этапы предпринимаемого социального действия самим актором. Такие смыслы не наблюдаемы и находятся в сознании актора действий.

В то же время, раскрывая проблему понимания социальных действий актора, социологи указывают на объективный смысл его внешне манифестируемых действий, являющихся ключом для реконструкции субъективного смысла. В данном случае смысловая связь субъективного смысла с объективным смыслом производимых действий является *объяснительным принципом* для их понимания социологом или наблюдающим за актором другим индивидом. Конечно, никто не отрицает, что существуют неосмысленные человеческие действия. При их совершении у актора отсутствует субъективный смысл. Такие действия называют интуитивными, реактивными, аффективными. Например, паника, возникающая при пожаре, убийство в состоянии аффекта, вздрагивание при раскате грома и т. п. Здесь отсутствует смысловая регуляция действий у самого действующего, но *объяснительным принципом* того, что мы наблюдаем со стороны, становится предполагаемая нами *каузальная связь* (термин М. Вебера) между реальными экстремальными обстоятельствами и реактивным (необдуманном) поведением человека. Нужно подчеркнуть, что субъективный смысл существует в голове актора, а объяснительный принцип – в голове наблюдателя.

Что касается поведения животного, то у него отсутствуют смыслы (как нечто осмысленное, сознательное), но существуют безусловные и условные рефлексy как факторы жизненного обес-

¹⁵⁵ Леонтьев Д. А. Психология смысла... С. 273.

печения, который наш автор называет «жизненными значимостями» (пища или её отсутствие, угроза со стороны хищника, половой инстинкт и т. д.). Никакого собственного смысла, связанного с обдумыванием альтернатив своих действий, у животного нет. Но когда биолог изучает жизнь животных, он вскрывает эту биологическую связь между наблюдаемыми у животных действиями (танцами, боями, бегством от хищника, мимикрией, рыком, доставкой плода, охотой и т. д.) и жизненными, биологически значимыми для него, потребностями, которые (эти связи) наш психолог называет «смысловой регуляцией». Конечно, и здесь *объяснительный принцип* конструирует биолог, у животного отсутствует объяснение как *мыслительный процесс*. Значимость – это ещё не смысл. Осмысленная значимость – это смысл.

Теперь вернёмся к основному вопросу дискуссии о форме бытия смысла, решаемому с позиции Д. А. Леонтьева. С его точки зрения, смысл имеет три ипостаси в своём существовании: онтологическую, феноменологическую, психологическую.

В своей концепции наш автор во многом следует идее А. Н. Леонтьева о субъективно-объективной природе смысла. Вот её суть: «Смысл есть ... не категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но и не категория чисто субъективная. Это есть субъективно-объективная категория»¹⁵⁶. Концепт «онтологического» смысла у нашего автора призван обосновать наличие объективных «предзаданных» предпосылок смысловой регуляции действий человека. Феноменологический смысл связывается с отражением этих предзаданных предпосылок в сознании человека, хотя, как мы видели, наш автор признаёт существование и «неосознанных» смыслов у животных. Наконец, эти смыслы проявляются в личностных психических формах их выражения. «Принимая во внимание все три плоскости существования смысла, образующие его грани, – пишет Д. А. Леонтьев, – можно в первом приближении определить смысл как *отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет в образе мира этот объект (явление) и воплоща-*

¹⁵⁶ Леонтьев А. Н. Философия психологии. Из научного наследия / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 208.

ется в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)»¹⁵⁷. Внешне эта конструкция выглядит весьма логично и убедительно. Есть объективный смысл, есть его отражение (образ мира) и есть личностные вариации этого отражения. Однако проблема возникает с авторской трактовкой «объективного смысла».

Обычно онтологическая объективность предмета трактуется философами как его существование *до, вне и независимо* от сознания, т. е. как объективная реальность. Такое понимание объективности смысла не устраивает нашего автора, ибо он изначально исходит из того, что смысл выражает жизненную значимость объекта для действующего субъекта. Поэтому Д. А. Леонтьев пытается защитить понятие объективного смысла, доказывая, что «жизненная значимость» объекта для субъекта и само существование объекта неразрывно связаны в самой реальности, что и является, с его точки зрения, объективным смыслом. Мы не отрицаем, что некоторые объекты (как материальные, так и духовные) имеют для человека жизненное значение, но оно *осознаётся* человеком в его смыслах, феноменах субъективных, существующих в сознании.

Значимость в деятельности, как её ни крути, является значимостью для субъекта действующего, т. е. феноменом субъективным. По существу, у человека она выражается в мотиве деятельности. Без субъекта нет никакой значимости. Чтобы разрубить гордиев узел, неразрывно связывающий «объективное» и «субъективное», наш автор конструирует противоречивую, на наш взгляд, концепцию. «Исходным для нас, – отмечает Д. А. Леонтьев, – выступает понятие жизненного отношения, под которым мы будем понимать объективное отношение между субъектом и каким-либо объектом или явлением действительности, характеризующееся потенциальной возможностью качественно определённой формы взаимодействия между ними»¹⁵⁸.

Эту псевдодialeктическую фразу не только трудно признать, но ещё труднее понять. Во-первых, понятие отношения не равнозначно понятию «связи» и тем более «взаимодействию». Образцами «отношения» являются примеры следующих отношений: *сви-*

¹⁵⁷ Леонтьев Д. А. Психология смысла... С. 114.

¹⁵⁸ Там же. С. 117.

нец тяжелее золота, шатен светлее брюнета и темнее блондина. Отношение не предполагает взаимного изменения соотносящихся объектов. Так, в нашем примере шатен остаётся шатеном, хотя в одном сопоставлении (с блондином) он темнее, а в другом – светлее. К чему мы это говорим? Да к тому, что объект (автор даже уточняет – *явление действительности*) остаётся объектом вне сознания субъекта и существует независимо от него. Допустим, что автор просто неудачно выразился, а на самом деле он имел в виду не просто отношение, а «взаимодействие» между ними. Но тогда ситуация становится ещё абсурднее. Дикарь, обрабатывая камень, делает топор. Если встать на позицию автора, тогда следует признать, что первобытный человек воздействовал на камень, а камень – на человека, чего не может быть.

Остаётся третий, разумный, вариант. Субъект действия – дикарь – *действует* на камень, изменяет его форму, но камень, конечно, не действует на него. То же самое происходит, когда из нефти получают бензин, из металла деталь, из морской воды соль. То, что наш автор называет значимостью (равнозначной смыслу), больше подходит для объяснения действий обезьяны, достающей апельсин из клетки, но не деятельности разумного человека. Все предметы природы, которые использует человек в производственной деятельности, в западной литературе (экономической и философской) называют её ресурсами. А то, что имеет в виду наш психолог (предзаданную предметом направленность деятельности), называют целью, которая существует первоначально в голове деятеля (топор, деталь, самолет, компьютер и т. д.) и в результате материальных действий воплощается в форме вещи, становится артефактом, т. е. предметом культуры.

Животное ничего не меняет в мире, потребляя предметы природы, а человек создаёт то, что в ней не существует. Он создаёт второй мир, в котором он чувствует себя комфортно, мир культуры. И создаёт это на основе смыслов, конституированных своим разумом, осмысленно. Конечно, наличие определённого ресурса влияет на предпринимаемую деятельность, но не материал задаёт вид деятельности, а деятельность (особенно – задуманная цель) задаёт выбор материала. Человек свободен как в выборе цели действий, так и в выборе материала. В изготовлении орудий человек

прошёл различные стадии: деревянную, костяную, бронзовую, железную. Лишь у животного удовлетворение биологических потребностей (например, в пище) предопределяет вид их действий. У человека тип деятельности качественно другой, она становится социальной деятельностью, преследующей социальные цели. Никакой запрограммированной программы социальной деятельности, вытекающей из налично существующих «предметов», не существует. Никакой камень, металл и т. п. не предопределяет, что из него может сотворить человек.

Нужно ещё раз подчеркнуть, что социальная деятельность человека многогранна, она включает материальную деятельность и духовную, познавательную (науку), проективное творчество. В познавательной деятельности объект познания всегда противостоит субъекту как существующий *вне* его и *независимо* от него. О научных смыслах, которые недолгоблудит наш автор, можно сказать, что они являются объективно-субъективными, ибо создаются на основе учёта объективных свойств объекта. Здесь отражение объектов является условием истинности понятий, теорий. Но смыслы конструируют учёные, а объекты, существующие в реальности, предзаданы им как нейтральный (внеценностный) предмет исследования. Объективность знаний (продуктов исследований) трактуется учёными как соответствие знаний действительности, а субъективность – как отклонение от этой нормы.

В проективной деятельности, наоборот, деятели (по Веберу – акторы) создают вещи (артефакты), которые не существовали в мире. Безусловно, производство (как материальное, так и духовное) артефактов (вещей культуры) значимо для человека. Эта значимость входит в мотив деятельности человека. Прежде чем появиться в культуре, эти вещи возникают в голове актора в виде проекта, образа будущей вещи. Но существуют и иные виды деятельности, не воплощённые в вещной форме (поступки, протесты, манифестации и т. д.), имеющие знаковый характер для общества. Иллюзия о преднаходимости смыслов (впрочем, как и ценностей) в мире, предданности их в вещах возникает в силу того, что смыслы всегда в своей проекции ориентированы на мир. Это находит своё отражение в понятиях референта и референтной ситуации. Собственно говоря, концепция трактовки смысла как положения

дел в мире и опирается на идею существования референтной ситуации в мире, соответствующей этому смыслу. Смысл никогда не может быть «ни о чём». Он всегда «говорит» об объекте, который обладает каким-то свойством, находится в каком-либо состоянии либо изменяется определённым образом и т. д.

Порождение смыслов индивидами в существенной степени зависит в основном от их культуры владения смыслами. В научном творчестве учёные при конституировании понятий и научных идей опираются на полученное образование, овладевают такими операциями, как абстрагирование, идеализация, анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование и т. д. В жизненном мире ещё ярче проявляется зависимость владениями смыслами от образа жизни индивидов, от существующих традиций хозяйствования и общения. В известной работе А. Р. Лурия¹⁵⁹, основанной на эмпирических исследованиях мышления крестьян из удалённых от города аулов, показано, что они не владеют простейшей логикой вывода смыслов, не способны понимать абстрактные понятия. В любом случае смысл возникает только в сознании человека.

Так что идея, утверждающая существование смыслов в самом реальном мире, не выдерживает критики. Смысл мы не находим предзаданным в мире, а созидаем путём мыслительной работы. Переводя мир в план сознания, мы получаем определённую свободу в конструировании смыслов.

§ 2. Концепция смысла Э. Гуссерля

Концепцией, резко противостоящей идеям Д. А. Леонтьева, является понятие смысла, выдвинутое выдающимся немецким философом (феноменологом) Э. Гуссерлем. Для него «смысл» — это всегда конструкция сознания, существующая только в сознании. В настоящее время данная концепция доминирующая в западной философии.

¹⁵⁹ См.: Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

Смысл, по мнению Э. Гуссерля, связывает человека с миром. Известна его крылатая фраза: «Между сознанием и реальностью зияет пропасть смысла»¹⁶⁰.

Предметом анализа для Гуссерля становится «поток переживаний», в котором конституируется смысл. Это понятие немецкий феноменолог заимствует у Бергсона, который ввёл представление о длительности (*durée*) как жизненном потоке человеческих переживаний. Следует отметить, что термин «переживание» перегружен в философском дискурсе множеством различных и часто несовместимых между собой коннотаций, что делает категориальный смысл этого понятия весьма неопределённым. Во всяком случае, Гуссерль старается оградить это понятие, с одной стороны, от устоявшихся психологических трактовок его как эмоционально-чувственной сферы сознания человека, а с другой – от каких-либо метафизических или экзистенциалистских толкований. В его трактовке переживания (в самом общем понимании) – это акты активности сознания, направленные на конституирование смысла. В то же время под переживаниями Гуссерль часто понимает сами конституированные сознанием смыслы.

Исходный замысел Гуссерля состоял в том, чтобы обнаружить в нерасчленённом потоке переживаний субъекта исходные трансцендентальные (т. е. всеобщие) структуры, конституирующие все человеческие смыслы, покрывающие собой как область повседневной жизни, так и сферу научного познания.

Таким образом, намечается феноменологический анализ «потока переживаний» с целью обнаружения в нём исходных и, как считал автор трансцендентальной феноменологии, сущностных (эйдетических), априорных и универсальных форм конституирования человеческих смыслов. Такой анализ предполагал своеобразное отделение «зёрен от плевел»: операций, конституирующих смысл, от самих смыслов, присутствующих в сознании конкретного субъекта. Чтобы осуществить операцию обнаружения исходных, имманентных, конститутивных (и априорных) смыслов в сознании человека, немецкий философ предлагает необычную процедуру элиминации из сознания индивида всех смыслов, заим-

¹⁶⁰ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 108.

ствованных из его жизненного опыта (пришедших извне), образования и науки. Другими словами, он предлагает проделать некоторый мысленный эксперимент с собственным сознанием, основанный на интроспекции. При этом Гуссерль опирается на картезианский опыт «методического сомнения»: сомневаться можно в любых человеческих смыслах, не подлежат сомнению лишь абсолютно достоверные (как представлялось немецкому феноменологу) процедуры осмысления мира. Продолжая дело Р. Декарта, предложившего метод «методического сомнения» (когитаций – *cogitations*) в вопросе о существовании внешних вещей, Гуссерль и разрабатывает метод феноменологической редукции. Как отмечает Шюц, «он (этот метод. – А. К.) является не чем иным, как обновлённой радикализацией картезианского метода»¹⁶¹.

Итак, сознание, по Гуссерлю, представляет непрерывный (континуальный) поток переживаний, обнимающий собой как чувственную сферу, так и интеллигибельную, содержащую смыслы. Переживания различаются своей ясностью (степенью отчётливости), глубиной осмысленности, временностью (некоторые из них уходят в прошлое, откладываются в памяти, другие длятся в настоящий момент). Пока я обращаю свой взор на воспринимаемый предмет, переживаемое становится уже пережитым.

Свой метод обнаружения трансцендентальных структур конституирования смысла великий феноменолог назвал «феноменологической редукцией».

Феноменологическая редукция – это метод философа, а не обычного человека в *естественной установке*, разделяющего наивную веру в то, что все интенциональное (мыслимое) существует в мире.

Феноменологическая редукция предлагает в анализе смыслов опираться только на имманентные, присущие сознанию самому по себе, структуры, которые, в конечном счёте, и определяют, по Гуссерлю, наши способы понимания мира. Для того чтобы выявить эти структуры, раскрыть механизмы нашего осознания мира, необходимо, по мысли Гуссерля, «заклЮчить внешний мир в скобки», т. е. в анализе сознания умышленно и систематически

¹⁶¹ Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. С. 165.

устранять всякое содержание, связанное с информацией о внешнем мире. Эта довольно радикальная процедура предполагает исключение из нашего поля рассмотрения не только внешнего мира, но и общепринятых представлений о посюстороннем (внутреннем) мире: «Наконец, не только практическое знание о мире, но и суждения всех наук, относящиеся к внешнему миру, все естественные и социальные науки, психология, логика и даже геометрия – все они должны быть заключены в скобки»¹⁶².

В итоге мы получаем доступ к *трансцендентальным* и *априорным* (не зависящим от внешнего опыта) структурам сознания. В числе таких структур (т. е. актов активности сознания) Гуссерль упоминает почти все известные в психологии формы психической активности сознания: от аффективных до интеллектуальных. К ним относятся восхищение, радость (по поводу чего-либо), актуализация внимания, предикация, суждение, апперцепция (формирование содержания восприятия в потоке переживаний), ретенция (удержание переживания), протенция (предвосхищение будущего восприятия на основе существующего), аппрезентация (формирование переживаний о Другом в потоке собственных переживаний), рефлексия и т. д.

Вопрос об априорности каких-либо логических структур в формировании смыслов, по меньшей мере, является спорным. Безусловно, мозг человека, сформировавшийся в результате длительной биологической эволюции (в филогенезе человеческого вида), стал приспособленным для мыслительной деятельности, но развитие мыслительных способностей человека существенно зависит от практического опыта, приобретаемого в процессе его социализации. В этом плане в психологии принято различать генетические задатки (или предпосылки) формирования мышления и развитые (в разной степени) в социальной среде способности правильного мышления. Работы Ж. Пиаже и Л. С. Выготского убедительно показывают, что ребёнок проходит ряд стадий развития мышления и речи, и только к двенадцати годам овладевает поня-

¹⁶² Гуссерль Э. Указ. соч. С. 167.

тийным мышлением¹⁶³. Существенную роль в этом развитии мышления играют споры детей друг с другом, общение с взрослыми, образование. Даже взрослые люди не всегда овладевают навыками правильного мышления. Так, в многочисленных работах этнографов и социологов было установлено, что в архаических культурах взрослые люди не владеют понятийным мышлением, логическим выводом, логическим анализом и т. д.¹⁶⁴. Смыслотворчество является социокультурным продуктом и не дано человеку от рождения.

Для обнаружения трансцендентальных структур, отмечает Н. М. Смирнова, «необходимо изменить “наивную” позицию – ориентацию на объекты – и “повернуться к себе”, осуществив специфический акт рефлексии в отношении собственного опыта. В рефлексии же обнаруживается и фундаментальное свойство сознания – интенциональность, нацеленность на объект, о котором я думаю, воспринимаю, размышляю; быть может, воображаю»¹⁶⁵.

Таким образом, Гуссерль предлагает провести радикальную демаркацию между феноменологической установкой (философа) и «наивной» установкой обычного человека, которую он называет «естественной установкой».

Естественная установка доминирует в повседневном сознании обычных людей, не различающих «мыслимое» и «существующее», для них это одно и то же. Именно в естественной установке человек признает объективное существование предметов внешнего мира, природы, культурных объектов (артефактов), как и существование других людей, обладающих телом и сознанием. Это установка человека не рефлектирующего, а проживающего жизнь в общем для всех людей *жизненном мире*. Эту установку Гуссерль подвергает критике за неоправданную «объективацию» данного в сознании смысла мира.

¹⁶³ См.: Кравец А. С. Трудный путь к истине : Л. С. Выготский против Ж. Пиаже в трактовке онтогенеза детской речи // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Философия. 2015. № 4 (18). С. 16–57.

¹⁶⁴ См.: Тульвисте П. Культурно-историческое развитие вербального мышления : (психологическое исследование). Таллин : Валгус, 1987.

¹⁶⁵ Смирнова Н. М. Социальная феноменология в изучении общества. М., 2009. С. 68.

Сознанию, по Гуссерлю, всегда с необходимостью присуща направленность на внешнее, будь то внешний мир или тело самого сознающего (его). Когда мы выносим суждение, то судим о чём-либо внешнем (т. е. предмете), переживаем по поводу каких-то внешних обстоятельств, испытываем страх перед чем-то или кем-то, вспоминаем события во внешнем мире и т. п. Гуссерль назвал эти «направленности на» *интенциональностью*. Но то, что представляется в интенции – мыслимый, угрожающий, радующий, переживаемый предмет, – отнюдь не всегда является реальным объектом, существующим в самом мире. Этот мыслимый предмет Гуссерль назвал *ноэмой*. Безусловно, понятие ноэмы в значительной степени совпадает с логическим понятием предмета мысли, которые логики обычно трактовали как реальный предмет, существующий в мире. Гуссерль же считал, что в смыслах мы имеем дело с мыслимым объектом, т. е. с ноэмой.

Гуссерль резко выступает против некритического отождествления смыслов с самими вещами, т. е. против реификации. Однако он не замечает, что в своей критике «незаконной», с его точки зрения, реификации он переходит на позицию крайнего субъективизма, согласно которому «объективный» («вещный» мир) никогда не дан сознанию. Мир с позиции трансцендентальной философии всегда существует как мир «переживаемый», мыслимый. Получается довольно парадоксальная ситуация, когда «смыслы мира» могут существовать без самого мира.

Пытаясь реабилитировать позицию Гуссерля и отвести от него обвинения в идеализме и солипсизме, Шюц отмечает, что великий феноменолог отнюдь не отрицает существования жизненного мира, в котором люди признают существование внешней и внутренней (духовной) реальности. Он лишь временно исключает его из поля своего рассмотрения для того, чтобы обнаружить не замечаемые в повседневной жизни скрытые сущностные «идеальные предметности» – трансцендентальные структуры.

Обращение к сфере переживаний человека является для Гуссерля принципиальным и составляет суть его феноменологической позиции. Кратко эту суть можно выразить следующим образом: все смыслы возникают из переживаний, они конституируются особой деятельностью сознания, направленной к смыслу. Все

переживания живут (существуют) в нерасчленённом, недифференцированном на отдельные сегменты, потоке длительности. Формирование (конституирование) смысла предполагает особые операции с этим потоком, которые вслед за Декартом можно назвать когитациями или медитациями. Открытие этих медитаций – заслуга, прежде всего, Гуссерля.

Переживания живут в жизненном «потоке длительности» (*dure'e*). Переживание, как отмечает Шюц, – это «именно то, что появляется или появилось в сознании»¹⁶⁶. Следовательно, переживания могут приобретать различные модификации, «относящиеся к области внимания, переживания мира восприятия, мира воспоминаний и мира чистой фантазии, а тем самым и все нейтрализующие модификации наглядного представления»¹⁶⁷. Переживание трактуется Гуссерлем и как содержание сознания (пережитое), и как процесс – «спонтанная активность сознания». Переживания мелькают, удерживаются, всплывают, актуализируются в сознании или уходят в небытие, занимают весь спектр состояний сознания от аффектаций до осмысленных суждений. Следуя этому не отрефлексированному потоку длительности, сознание его «имеет дело лишь с текучими, не имеющими границ, постоянно переходящими одно в другое переживаниями». В пределах этого потока длительности «Я» спонтанно переходит от одного «Сейчас» к другому «Сейчас», поэтому отдельные фазы переживаний сплавляются в «единый континуум».

Единый, нерасчлененный континуум «потока сознания» наполнен предфеноменальными переживаниями, т. е. смутными, неопределёнными, неосмыслёнными. Формирование смысла предполагает актуализацию внимания на некоторых из них под определённым углом зрения, их отличие от других переживаний и удержание в модусе внимания. «...Со всей ясностью, – пишет Шюц, – обнаруживается, что осмысленность может быть обнаружена только лишь за прошедшим воспоминанием, т. е. таким, которое предстает обращенному назад взору как завершённое и исчерпанное»¹⁶⁸. «Переживание, – подчёркивает он, – в силу того,

¹⁶⁶ Шюц А. Указ. соч. С. 756.

¹⁶⁷ Там же. С. 770.

¹⁶⁸ Там же. С. 742.

что оно замечается и улавливается, обретает новый образ бытия, оно становится “отличаемым”, “вычлененным”, и это различие – не что иное, как уловленность, превращение в предмет внимания»¹⁶⁹.

Все отмеченные акты активности сознания формируют феноменальные переживания, т. е. конечные, пережитые, наполненные смыслом. Эти очерченные переживания являются уже феноменом.

У Гуссерля осмысленность переживания связывается с переходом от допредикативного опыта к предикативному. Допрекативный опыт имеет дело со смутными переживаниями. Любое переживание всегда направлено на переживаемый предмет – нозму. Но оно ещё не «определившееся» переживание, а допрекативное в том смысле, что в нём нет характеристики мыслимого предмета, т. е. его предикации. Ноэма обрастает содержательными характеристиками в нозетических актах.

Смыслы – это определённые «чтойности», которые формируются в рефлексивном отношении к собственным переживаниям (*осёл – животное, Волга – река* и т. д.). К этим смыслам люди приходят на основе тех трансцендентальных априорных структур, которые Гуссерль выводит в установке феноменологической редукции. Люди, по мнению немецкого феноменолога, не обнаруживают этих структур, ибо в естественной установке господствует нерелефлексивное сознание, т. е. они не сознают, «как» формируются смыслы.

Феноменологическую позицию можно пояснить с помощью аналогии между работой (активностью) сознания и работой компьютера. Компьютер снабжён программой и базой данных. Нормальная работа компьютера предполагает единство и того (программы), и другого (базы данных). При отсутствии базы данных мы имеем дело только с запрограммированным компьютером – аналогом редуцированного «чистого» сознания, т. е. не содержащим смыслы (данные опыта). Таким образом, «содержательное» сознание (сознание, сознающее мир) возникает, когда на априорные структуры накладывается опытное восприятие. С помощью

¹⁶⁹ Там же. С. 740.

этих структур фактическое восприятие (*здесь и сейчас*) превращается в феномен.

Таким образом, с точки зрения Гуссерля, смыслы всегда есть продукт сознания. Его заслугой является раскрытие процесса формирования смысла в сознании, а недостатком – именно радикальное сомнение в том, что человек может судить о подлинном мире самом по себе (т. е. объективном мире). Конечно, он не отрицал, что мир существует вне нас, но упорно отстаивал идею о том, что всё, что мы можем сказать о мире, дано нам только через феномены, т. е. смыслы, существующие в нашем сознании. Гуссерль избегал таких понятий, как «образ», «отражение», поэтому не смог понятно объяснить, что такое истина, подменяя её понятием очевидности. Здесь сказывалось его математическое образование, ведь математик конструирует смыслы своих формул и уравнений, не прибегая к аргументам природного свойства. Для Гуссерля смыслы – это не отражения объективного мира, а всего лишь конституции (порождения) сознания, за которые человек не может выйти. Такое мнение, безусловно, сближает его позицию с позицией И. Канта, но немецкий агностик хотя бы признавал существование объективных «вещей в себе». Гуссерль, по-видимому, считает, что говорить о «вещах в себе» вообще бессмысленно, ибо нам даны всегда только феномены (т. е. смыслы мира, но не мир). Последнее выражение сближает его позицию с позицией субъективных идеалистов.

§ 3. Концепция смысла Ж. Делёза

Книга Ж. Делёза «Логика смысла»¹⁷⁰ занимает особое место в имеющем солидную историю дискурсе о смысле. Она получила большую известность в западной философии, её очень высоко оценивал М. Фуко.

Прежде чем перейти к анализу концепции Ж. Делёза, следует учесть, что он являлся одним из основателей постмодернизма.

Главная особенность этого философского направления, по мнению его представителей, заключается в восстании против ус-

¹⁷⁰ См.: Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академия, 1995.

тоявшихся в философии классических «догм». Сами постмодернисты относят к этим догмам всяческие абсолюты, из которых выводятся культура и окружающий мир, непоколебимые сущности изучаемых феноменов. Они выступают против претензий классиков на глубинную мудрость их философских истин, против всех абсолютных разграничений и противостояний в культуре. Их лозунгом является образ культуры как «поверхности», не имеющей ни высоты, ни глубины. На этой поверхности культурные феномены возникают случайно, как «ризомы» (растение без корней «перекати-поле»), которая закрепляется ненадолго в любом месте пустыни. Кроме того, постмодернистские авторы склонны к эпатажу читателя, парадоксальному стилю мышления.

Эти установки полностью разделяет и автор книги «Логика смысла»¹⁷¹. Как и все постмодернисты, Ж. Делёз совершенно сознательно бросает вызов классическим представлениям о смысле, сложившимся в лингвистике и философии. Он переворачивает многие устоявшиеся мнения о разграничении вещей и смыслов, означаемом и означающем, соотношении смысла и абсурда. Его эпатажирующий вывод заключается в том, что, вопреки общему мнению, нонсенс и смысл не только не исключают друг друга, но, более того, нонсенс является источником смысла, «обеспечивает дар смысла»¹⁷².

Следует отметить, что все свои выводы Делёз делает, опираясь в основном на лингвистический материал. В целом он присоединяется к пропозициональной трактовке смысла, поэтому указывает, что смысл не зависит от качества и количества, т. е. от того, утверждается ли он или отрицается, от кванторов суждения и его модусов (сомнения, необходимости, вопрошания и т. д.).

Смысл Делёз трактует как положение вещей, выраженное предложением. Смысл сопутствует предложению, но не сливается с ним, существуя как вечная его оппозиция: «Выделенный из предложения, смысл независим от последнего, поскольку приостанавливает как его утверждение, так и его отрицание. И, тем не менее, смысл — это всего лишь мимолётный, исчезающий двойник

¹⁷¹ Детальную критику концепции Делёза см.: *Кравец А. С.* Теория смысла Ж. Делёза : pro и contra // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 211–242.

¹⁷² *Делёз Ж.* Указ. соч. С. 93.

предложения, вроде кэрроловской улыбки без кота, пламени без свечи»¹⁷³.

Трактуя смысл как выраженное в предложении положение вещей, Делёз слишком субстанциализирует его. Неслучайно он избегает характеристик смысла как некоторой, правильно организованной, мысли. Как уже указывалось, термин «положение вещей» был введён Витгенштейном, который весьма далек от того, чтобы как-то офизичивать или субстанциализировать смысл. Смысл для него не реальное (физическое, механическое, биологическое или какое-то другое) положение вещей, а *мыслимое положение вещей*. Именно поэтому смыслы могут быть как истинными, так и ложными (если они подвергаются утверждению или отрицанию), как синтетическими (т. е. выводимыми из эмпирии), так и аналитическими (т. е. мыслимыми конструкциями, не зависящими от мира), могут относиться и к ирреальному миру (*Русалка купалась в море*).

Делёз упорно ищет особую форму бытия смысла, не тождественную, не совпадающую ни с «положением дел» (т. е. самим миром), ни с сознанием. Он принципиально не признаёт укоренённости смысла в ментальности человека, его несовпадение с предложением. «Нельзя даже сказать, – пишет французский мыслитель, – существует ли смысл в вещах или в разуме <...> у него нет ни физического, ни ментального существования»¹⁷⁴. Он не существует ни в Боге, ни в человеке. Смысл «не сливается полностью с предложением, ибо в нём есть нечто “объективное”, всецело отличающееся [от предложения]»¹⁷⁵.

Делёз помещает смысл в сверх-бытие, равнозначное небытию. Мастер метафор неслучайно привлекает здесь словечко *aliquid*, которое характеризует неопределённость бытия смысла. Такая диалектика недосказанности, недоопределённости не способствует уяснению делёзовской концепции смысла

«Вопрос вот в чём, – заостряет проблему Делёз, – есть ли нечто такое, *aliquid*, что не сливается ни с предложением, ни с его терминами, ни с объектом, или положением вещей, обозначаемым

¹⁷³ Делёз Ж. Указ. соч. С. 49.

¹⁷⁴ Там же. С. 35.

¹⁷⁵ Там же. С. 37.

предложением, ни с “живым”, будь то представление или ментальная деятельность того, кто выражает себя в предложении, ни с понятиями или даже с означаемыми сущностями? Если есть, то смысл, или то, что выражается предложением, не сводится к индивидуальным положениям вещей, конкретным образам, личным верованиям и универсальным и общим понятиям»¹⁷⁶. Таков ответ постмодернистского парадоксиста, резко расходящийся с общепринятой точкой зрения.

Здесь есть от чего закружиться голове. Действительная тайна смысла заключается в том, что он соединяет человека с миром, является посредником в творческой, деятельностной и познавательной активности человека, направленной на понимание и изменение мира. Смысл – это именно посредник между сознанием человека и миром, и в этом проявляется двойственная природа его сущности. С одной стороны, смысл является квинтэссенцией человеческой активности, сгустком человеческого духа, интеллекта мыслящего человека. С другой стороны, смысл всегда направлен на мир. В познании человек осознаёт мир с помощью смыслов, в практической деятельности на основе предваряющих смыслов он создаёт новую реальность, т. е. культуру.

Смысл рождается в голове (в сознании) действующего человека, но пока он не обрёл знаковую, общезначимую, узнаваемую форму, он остаётся тайной для других. Языковые выражения (к которым относятся и предложения) являются наиболее типичной формой общения. Но смысл, выраженный в языке, уже отчуждён от своего творца – он погружён в материальную форму, слит с «материей» знаков, доступных для понимания всеми соплеменниками.

Именно поэтому мы и обнаруживаем смысл в предложениях. Но отчуждённый смысл уже разрывает пуповину, связывающую его со своим демиургом – субъектом смысла. Будучи выраженным в языке, смысл проявляет своё «упорство» тем, что постоянно выдаёт себя, сигнализирует о себе через диалектику выражения и выражаемого, означающего и означаемого. Выражение, означающее – это предметная форма смысла (звучание, начертание), а вы-

¹⁷⁶ Там же. С. 35.

ражаемое, означаемое – это то, что имеется в виду как скрывающееся за знаком, т. е. некоторая человеческая мысль.

Выстраивая свою концепцию сверхбытийности смысла, Делёз идёт по пути, проложенному лингвистикой, т. е. ищет смыслы только в языковых выражениях, тем самым напрочь игнорируя имманентную форму его существования в человеческом сознании.

Трудность и путаница в определении бытийности смысла как раз и коренится в его процессуальности, его парадоксально становящейся сущности, которую так любит анализировать Делёз. Слова, предложения, тексты – это хранилища смыслов, отчуждённые формы их пребывания в языке. Эти отчуждённые (от человека) смыслы, существующие в языке, и обнаруживает лингвистика, делая их предметом своего изучения. Но язык как знаковая «материя» мысли (Соссюр) – лишь необходимая интерсубъективная форма выражения индивидуальных смыслов.

Смысл рождается в мыслительной деятельности индивидов, а сообщается другим в речевой деятельности через признанные материальные формы – предложения. Смысл не порождается знаками, а лишь выражается ими и транслируется в культуре от одного субъекта к другому.

Таким образом, в генезисе смысла первично не слово или предложение – первична творческая деятельность человека, формирующего в своём сознании смыслы.

В делёзовской версии между смыслом и вещами существует вечная оппозиция или противостоящие друг другу серии (означающего и означаемого, предложений и вещей), которые сосуществуют на разных сторонах его *Поверхности*. Несомненно, Делёз направляет свою концепцию против немецких философов Канта и Гуссерля, которые подчёркивали укоренённость смысла в трансцендентальном сознании. Он исключает всякую независимость смысла от реального мира и в этом рвении явно перегибает палку. Порой дело представляется им таким образом, что смыслы детерминируются физическим (материальным) миром, – это некий продукт слияния, совпадения предложений и положений вещей на двух сторонах его *Поверхности*. «Несомненно, этот нематериальный смысл является результатом телесных вещей, их смешений,

действий и страданий»¹⁷⁷, – и далее Делёз продолжает: «Действительно, смысл – то, что придаётся в качестве атрибута, но он вовсе не атрибут предложения, скорее, он атрибут вещи или положения вещей»¹⁷⁸.

В какой-то степени позицию Делёза можно оправдать в связи с реификацией смыслов индивидами в повседневном мире, которую критиковал Э. Гуссерль. Это отождествление смыслов с вещами мы называли *склейкой*. Смысл выступает в качестве мысленного заместителя (репрезентанта) в сознании положения дел в мире. Благодаря его содержательной направленности на мир в сознании возникает своеобразная склейка смысла с миром, пропозиции – с положением дел, понятия – с вещью. Отсюда и возникает соблазн трактовать эффект склейки смыслов с положением дел, имён – с вещами. Однако ни понятие, ни пропозиция, ни смысл не существуют в вещах, но повествуют о вещах. Мир и смысл мира – это совершенно разные вещи. Обескураживающее нас несовпадение того и другого выявляется лишь при обнаружении ложности смысла.

В трактовке феномена смысла неизбежно возникает роковая проблема соотношения в нём объективного и субъективного, реального и мыслимого, материального и идеального, которая породила многочисленные философские версии этого соотношения и развела философов по различные стороны баррикад. Свою версию связи этих двух ипостасей смысла пытается обосновать и Делёз.

Совершенно очевидно, что радикальная дизъюнктивная дилемма: либо смысл в вещах, либо он имманентный продукт человеческого духа – непродуктивна. Отрывая смысл от мира, мы никогда не объясним ни сущности человеческого познания, ни даже фактической выживаемости человека в мире. Отрывая смысл от человека, его сознания и творческой субъективности, мы не объясним проективной деятельности человека, никогда не сможем понять, как возникла надприродная реальность – человеческая культура. Продуктивной является лишь трактовка смысла как духовного (идеального) посредника связи между человеком и миром.

¹⁷⁷ Делёз Ж. Указ. соч. С. 112.

¹⁷⁸ Там же. С. 37.

Обратимся теперь непосредственно к анализу ядра делёзовской теории смысла – его концепции поверхности, события и размножения серий.

Что же такое «поверхность» в понимании Делёза? По мысли французского постмодерниста, поверхность образуется слиянием предложения и положения вещей. Это тонкая граница, не имеющая толщины, одной стороной всегда повёрнута к предложениям, другой – к вещам. Данный геометрический образ является, безусловно, метафорой, призванной объяснить единство письма, разворачивающегося на поверхности, и бестелесного смысла, не имеющего ни высоты, ни глубины. Указанная граница одновременно соединяет и разделяет предложение и положение вещей: «Смысл есть то, что формируется и развёртывается на поверхности. Даже описанная выше граница является тут не неким водоразделом, а, скорее, связующим элементом, так что смысл предстает и как то, что случается в мире, и как то, что упорствует в предложениях»¹⁷⁹.

Конечно, в буквальном смысле такую поверхность мы не можем обнаружить нигде, ни в сознании, ни в Космосе. Никакое предложение не может «слиться» с вещью или как-то соприкоснуться с ней. Именно поэтому Делёз помещает смысл в сверхбытие, не совпадающее ни с миром, ни с духом «сознанием». Его образ поверхности позволяет одним махом отсечь все смыслы от какого-либо авторского источника (будь то гений или премудрый Бог), т. е. от высоты замысла, а также от каких-либо физических начал, лежащих в глубинах космоса. Конечно, его замысел завораживает читателя своей оригинальностью, но его невозможно принять.

«Поверхность, – по Делёзу, – подобна запотевшему стеклу, на котором можно писать пальцем. Философия бьющего посоха киников и стойков вытесняет философию ударов молота. Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхности – клещ или блоха. <...> Всё, что происходит, и всё, что высказывается, происходит и высказывается на поверхности»¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Делёз Ж. Указ. соч. С. 157.

¹⁸⁰ Там же. С. 164.

Удивительно, что этот образ поверхности позволяет Делёзу выдерживать некую диалектическую позицию связи смысла и положения вещей, связи, которую, вообще говоря, никто не отрицал. Однако образ поверхности у Делёза больше, чем метафора. Это смыслообразующий центр всей его философии. «Налицо, – пишет мастер эпатажа, – переориентация всей мысли и того, что подразумевается под способностью мыслить: *больше нет ни глубины, ни высоты*. Не счесть насмешек в адрес Платона со стороны Киников и Стоиков. И всегда речь идёт о том, чтобы низвергнуть Идеи, показать, что бестелесное пребывает не в вышине, а на поверхности и что оно – не верховная причина, а лишь поверхностный эффект, не Сущность, а событие»¹⁸¹. Представления подобного рода и легли в основу делёзовского события, понимаемого как элементарный смысл, располагающийся на поверхности. «Так что не будем теперь спрашивать, – пишет автор «Логики смысла», – в чём смысл события: событие и есть смысл как таковой. Событие по самой сути принадлежит языку»¹⁸².

Событие объединяет две стороны вечной оппозиции: знаки и вещи, предложения и положения вещей. «Событие наличествует в языке, но оживает в вещах. Вещи и предложения находятся не столько в состоянии радикальной двойственности, сколько на двух сторонах границы, представленной смыслом. Эта граница ни смешивает, ни воссоединяет их (поскольку монизма здесь не больше, чем дуализма); скорее она является артикуляцией их различия: тело/язык. Сравнивая события с туманом над прериями, можно было бы сказать, что туман поднимается именно на границе – там, где вещи соединяются с предложениями»¹⁸³.

Мы уже достаточно высказались по поводу делёзовской трактовки смысла как бестелесного сверхбытия. Именно образ дуальной поверхности позволяет нашему автору уйти от мучительных вопросов: где истоки смысла, как он генерируется? Смысл, как событие, вечно присутствует на поверхности, чудесным образом соединяющей имена и вещи, предложения и положения тел.

¹⁸¹ Там же. С. 161.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. С. 38.

Помимо события, другим важным для делёзовской концепции смысла является понятие серий. Серии – это некоторые последовательности взаимосвязанных событий или смыслов, размножающихся на поверхности. Это размножение смыслов происходит в предложениях. Серии объединяют события общей темой, сюжетом, историей и т. д. По существу, здесь Делёз присоединяется к традиционному мнению, что смыслы формируются в употреблении предложения. Однако до конца быть последовательным ему всё же не удаётся.

Среди событий-смыслов он выделяет сингулярное событие, особый случай, точку, из которой расходятся серии смыслов. Это сингулярное событие заключается в образовании первичного смысла, в первичном объединении знака и вещи по формуле «Это *N*»: это – лошадь, это – дом, и т. д. А потом уже этот первичный смысл развивается в сериях: *лошадь скачет, лошадь пасётся* и т. д.

Здесь неявно Делёз присоединяется к довольно распространённой концепции «первичного крещения» вещей в именах. Хотя концепция первичного крещения кажется естественной с точки зрения здравого смысла (ведь должен смысл с чего-то начаться), она не получила исторического доказательства и не выдерживает логической критики. Более того, она противоречит пропозициональной парадигме, к которой присоединяется Делёз.

Таким образом, сингулярное событие – это ещё не смысл, а предшественник смысла, это нонсенс, который как раз и возникает из-за разрыва между означающим и означаемым. Здесь, по Делёзу, возможны две ситуации нонсенса: возникло словечко, не получившее ещё своего смысла («место без пассажира») или мы имеем дело с некоторым положением вещей, не имеющим имени («пассажир без места»).

Концепция Делёза обвораживает многих читателей своей парадоксальностью, необычными трактовками устоявшихся в философии и лингвистике представлений, диалектикой, стирающей всякие противостояния между знаком и смыслом, означающим и означаемым, смыслом и абсурдом, телесными вещами и смыслами. Но не всё, что оригинально непременно истинно, и не всегда диалектическое фразерство способствует уяснению сути дела.

Чаще всего оно превращается в софистический туман, сквозь который эта суть и не видна.

Нам представляется, что делёзовский образ поверхности, на которой чудесным образом сливаются смыслы и вещи (физический мир), знаки и смыслы, в значительной мере является софистической уловкой. Первое отношение (смысл и вещи) обусловлено сущностной природой порождения смысла *человеком*. Смысл строится в сознании человека, но всегда является смыслом о том, что находится вне него (этого смысла). Это может быть физический мир, мир предметов культуры, мир мыслей какого-либо философа, и даже мы можем переосмысливать свои прежние собственные мысли. Но это не меняет главного гносеологического субъект-объектного отношения, в котором продуцируется смысл. Предмет осмысления должен наличествовать, прежде чем я начну создавать свой смысл о нём.

С физическим миром всё ясно, он существует до смысла и вне смысла, но после осмысления предмет (физического мира) входит в моё сознание как его мысленный образ. В смысле нет никаких физических (телесных) свойств. Это, конечно, признаёт и Делёз. Но вещи существуют только в мире, а смыслы только в сознании. Труднее выглядит ситуация с осмыслением своих чувств, желаний. Однако гносеологическая логика порождения смысла та же: сначала должны быть чувства и желания, прежде чем возникнет смысл о них. Только мифологическое сознание отождествляло смыслы и вещи. Критически мыслящая личность никогда не отождествляет реальный мир и смысл о нём. Это – онтологически разные сущности.

Теперь обратимся к соотношению знаков и смыслов. По Соссюру, знак обладает двойственной сущностью: материальной формой и смыслом. Эта конструкция целиком и полностью человеческая. Знак, как материальная форма, конвенционален и психологически узнаваем в некотором сообществе. В склейке со смыслом он выполняет важнейшую коммуникативную функцию: он несет некоторую информацию, т. е. содержит смысл о чём-либо. Порождает смыслы не сам знак, а человек – демиург смысла. Путаница с игрой смысла на поверхности у Делёза возникает из-за того, что он не проводит принципиального различия между зна-

ком и смыслом в понимании «предложения». Для него это одно и то же. Предложение как знак (звучащий или письменный) является знаковой конструкцией слов, определённой грамматической формой, в случае письма предложение действительно располагается на поверхности.

Существенная особенность предложения-знака заключается в том, что он всегда наличествует в социальном бытии (в языке), материален и поэтому доступен для восприятия другими. Трудно представить себе, что язык возник вне творчества людей, его автор существует, но он анонимен, таится в глубине веков. Он плод коллективного творчества народности, нации. Для каждого члена общества язык с его формами и смыслами уже предпослан творчеству индивидуальных смыслов. Он существует в надличностном общественном сознании. И первые смыслы, которые осваивает социализирующийся человек, – это языковые смыслы.

Материя знака никак не совпадает с материей вещей, изображаемых знаком. Но предложение (помимо того, что оно является знаком) всегда является и элементарным смыслом, т. е. несёт определённый смысл, сконструированный каким-нибудь субъектом. Этот смысл закодирован в знаке-предложении и легко может быть декодирован соплеменником, говорящим с автором предложения на том же языке. Но, в принципе, этот смысл можно передать и другими знаками, например, на иностранном языке, его (помимо письменности) можно передать звуками (фонемами) и даже жестами.

Самый главный аргумент против слияния смыслов и предложений на выдуманной Делёзом поверхности заключается в том, что манифестированный в предложении смысл всегда существует либо в голове (правильнее говорить – в сознании) его создателя, либо в голове читателя. Не знакомый нам знак (например, китайский иероглиф) не содержит для нас никакого смысла.

Таким образом, форма бытия смысла – это сознание, а форма бытия знака материальна. Объединив нераздельной спайкой на своей «поверхности» смысл со знаками-предложениями, смысл предложения с физическим миром, Делёз получил загадочного сфинкса, существующего в сверхбытии.

§ 4. Предметные формы смысла

До сих пор мы доказывали, что смыслы существуют в сознании людей, в этом плане они идеальны, т. е. не материальны. Теперь пришло время показать, что рано или поздно эти идеальные сущности бросают свой якорь в плотные слои особой социальной материи.

Смыслы сопровождают всю жизнь и творчество социального индивида, выполняют важнейшие социальные функции. К ним относятся коммуникативная, познавательная, деятельностьная функции. Смыслы, рождённые в глубинах индивидуального сознания, при осуществлении этих функций вынуждены покинуть своё родовое духовное гнездо и обрести новую, материализованную, форму. В коммуникациях они связываются со знаками (словами и предложениями).

Уже Ф. Соссюр подчёркивал, что слово является двусторонней сущностью – содержанием мысли и материальной формой его выражения¹⁸⁴. Материальная форма при трансляции мысли во вне (личностного сознания) реализуется двумя путями: либо вокализацией в речи, либо визуализацией в письме.

По меткому выражению Г. В. Ф. Гегеля, идеальное (мысль) воплощается в «инобытии», т. е. в другом, не идеальном бытии. Для этого воплощения гениальный немецкий философ придумал известную категорию «опредмечивания». Определмечивание объективный идеалист Гегель (как и Платон) связывал с перевоплощением своей «абсолютной идеи» в материальные (природные) формы.

Если рассматривать только культурную сферу человеческой жизни, то немецкий идеалист был не так уж далек от истины. Все артефакты (феномены культуры) рождаются из предварительных идей (замыслов, образов, моделей, проектов). Это, конечно, не абсолютные надчеловеческие идеи, а самые человеческие, по своей сути, идеальные (духовные) сущности, или смыслы, рождающиеся в сознании индивидов.

¹⁸⁴ См.: Соссюр Ф де. Указ. соч.

Остановимся, прежде всего, на коммуникативной деятельности. Она осуществляется через речь. Всякая речь основана на предварительном замысле. Наша речь всегда обращена к другому субъекту. Она может быть ответом на заданный вопрос, выражать наши пожелания, просьбы, советы, приказания, убеждения и т. д. Но в любом случае, пока я не высказал свою мысль, она является тайной для других.

Манифестация смысла возможна только через его опредмечивание в озвученном или написанном предложении. Смысл – это идеальная сущность, требующая для своего выражения предметной формы – системы знаков. В предметной форме смысл объективируется, в нём замирает субъективность, человеческое «Я». Определенная мысль, т. е. некоторое высказывание, является уже отчужденной от автора объективированной сущностью. Мысль творца смысла (т. е. подлинного и единственного его демиурга), опредмечиваясь в языке, становится всеобщим человеческим достоянием. В знаковом выражении смысл теряет свою изначальную связь с породившим его субъектом.

Однако для того, чтобы понять этот смысл, закодированный в выражении, необходимо его расшифровать, т. е. снова превратить в нечто идеальное (мысль). И здесь мы в очередной раз возвращаемся к человеческому «Я», сознанию понимающего человека. Смысл снова обретает свой родной дом в сознании уже другого человека – интерпретирующего, понимающего субъекта. В этих процессах опредмечивания и распредмечивания происходит не простая «пересадка» смысла (от творца к интерпретатору), но подлинное его возрождение. Он постоянно восстает из мёртвой материи знаков, как Феникс из пепла, в творческой смысловосстановительной деятельности интерпретатора.

Смысл субъективируется в новом сознании в виде мыслей, образов, ментальности человека понимающего. Недаром К. Маркс говорил: «На “духе” с самого начала лежит проклятие – быть отягощённым материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков – словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык воз-

никает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми»¹⁸⁵.

Не только речь, но и любая социальная деятельность основана на воплощении смысла в реальных действиях. Социальное действие не является знаком в общепринятом смысле этого слова. Его основная функция не информирование другого, а изменение мира, вернее, социального мира. Тем не менее, за каждым социальным действием, начиная от молчаливого протеста и заканчивая созданием артефактов, стоит преднамеренный, запланированный в сознании актора смысл. Весь социальный мир конструируется в социальных интеракциях, которые представляют не только взаимные действия индивидов, но и одновременно взаимные обмены смыслами. Эта взаимная связь действий и смыслов хорошо раскрыта П. Бергером и Т. Лукманом¹⁸⁶.

Смысл, содержащийся в социальном действии, является опредмеченным смыслом. Другой человек, отвечающий на это действие, должен понять этот смысл, чтобы интеракция была успешной. Это понимание основано на интерпретациях наблюдаемых (воспринимаемых) действий. Цель интерпретации заключается в реконструкции (разгадывании) исходного смысла актора. Интерпретация распредмечивает наблюдаемые действия. В результате смысл снова попадает в родную стихию, т. е. возвращается в сознание интерпретатора, становится его субъективным смыслом о действиях актора.

Мы не можем непосредственно передать свои мысли другому человеку вне их знаковой или предметной формы. В то же время никто не может влезть в нашу голову (в «поток переживаний» по Гуссерлю), понять наши интимные смыслы, пока они не обрели внешнее выражение в каких-либо наблюдаемых, воспринимаемых действиях. Вне социальной динамики обмена смыслами (а заодно и соответствующими им действиями) смысл не только не мог бы транслироваться от человека к человеку, он никогда не мог бы даже возникнуть в голове отдельного индивида. Эта динамика обмена смыслами базируется на циклах: от опредмечивания

¹⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. 3. С. 29.

¹⁸⁶ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М., 1995.

смысла в действиях актора к распредмечиванию его в сознании другого человека, отвечающего на эти действия. Эти циклы – опредмечивания и распредмечивания – связывают нас не только с нашими современниками, но и с нашими предшественниками. Образно говоря, эти процессы распространения смыслов осуществляются в разнонаправленных потоках «вширь» и «вглубь», и каждый действующий социальный индивид в момент сотворения своего личностного смысла находится на пересечении смыслонесущих осей: горизонтали (связывающей нас с современниками) и вертикали (связывающей нас с предшественниками).

В опредмечивании смысл освобождается от «клетки сознания», вырывается наружу, проявляется в объективной реальности, в инобытие предметных форм. Для обычного (не рефлектирующего) человека это инобытие чаще всего и является «подлинным бытием», ибо «чистый», идеальный смысл, существующий в сознании другого человека, ему не доступен. О субъективных (скрытых) смыслах другого человека (его намерениях, мотивах, желаниях) он может строить только догадки.

Но если в обычной коммуникации (в разговорах) люди обычно легко понимают друг друга (вскрывая за словами их общезначимые смыслы), то в интеракциях часто возникает герменевтический разрыв между реализованным действием и его замыслами в сознании деятеля. Собственно говоря, с этими разрывами часто встречаются и литературоведы, пытающиеся на основе опубликованного романа вскрыть мотивы, замыслы, намерения его автора. Проблему понимания социальных действий пытались решить М. Вебер в своём проекте «понимающей социологии» и А. Шюц в своей «феноменологической социологии». Более подробный анализ указанных идей будет дан позже.

Итак, помимо основной сферы бытия смысла – сознания действующего человека, – смысл присутствует в форме своего инобытия: в речи, текстах, научных формулах, чертежах конструктора, предметах культуры, социальных действиях. Возврат смысла в свою родную стихию происходит в процессах понимания всего перечисленного каким-либо субъектом.

Необходимо отметить, что помимо объективированных в предметных формах культуры (т. е. опредмеченных) смыслов, су-

ществуют ещё так называемые надличностные смыслы, играющие важную роль в социальной жизни людей. Надличностные смыслы – это некоторые знания или представления, имеющие общее значение для всех членов социума. Например, *дважды два равно четырём, Волга впадает в Каспийское море, старания и труд всё перетрут* и т. п. По мысли П. Бергера и Т. Лукмана, эти надличностные смыслы содержатся в символическом универсуме общества. Близко к этому понятию находится марксистское понятие «общественного сознания».

Конечно, в истоках надличностных смыслов, как показали ученики А. Шюца, лежит смыслотворчество отдельных индивидов. Но их авторство зачастую невозможно установить (кто сказал первое слово?). Пройдя ступени хабиитуализации, легитимации, институализации, эти смыслы становятся всеобщим достоянием и содержатся в символическом универсуме общества. Символический универсум структурирован и имеет различные тематизации и уровни обоснованности смыслов, начиная от житейских максим (пословиц и поговорок) и заканчивая теоретизированными представлениями (право, мораль, идеология, религия, философия, наука и т. д.). Социализирующийся индивид усваивает эти смыслы из общения с другими людьми, из общественного мнения, освоения интеллектуальных традиций и системы образования и активно использует в своей социальной деятельности. Любое социальное действие помимо собственного субъективного смысла (мотивов, замыслов, намерений) всегда включает и надличностные (несобственные) смыслы.

Такова многослойная и разносторонняя жизнь смыслов в человеческом обществе, в которой органически взаимодействуют их различные социокультурные детерминанты: субъективное и объективное, личностное и общественное, инновационное и традиционное.

Глава 9

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ СМЫСЛА И ЦЕННОСТИ

Понятия «смысл» и «ценность» давно уже вошли в обиход повседневной жизни, и вместе с тем они занимают важное место в теоретическом сознании. Ими постоянно пользуются филологи, философы, культурологи, социологи, политологи, психологи, как только речь заходит о понимании человеческих действий, их мотивации, коммуникативных процессах, активности человеческого сознания, духовных ориентациях культуры, закономерностях творчества и т. д.

Несмотря на глубокую укорененность этих концептов в обычном языке, теоретическая строгость данных понятий всё ещё остаётся неудовлетворительной, не достаточно отрефлексированной, что, конечно, сказывается на качестве гуманитарных исследований.

В понимании соотношения указанных понятий существуют подходы как попросту отождествляющие их, трактующие как синонимы, так и противопоставляющие одно другому. Существующая неопределённость в понимании весьма непростых понятий, безусловно, должна быть преодолена, и роль философского анализа в решении этой задачи становится всё более актуальной.

Среди многочисленных подходов и концепций смысла можно определить две линии, расходящиеся своими установками в трактовке самых общих дефинирующих признаков смысла.

Первая линия связывает смысл с содержанием человеческой мысли. Для представителей этого подхода (опирающихся прежде всего на результаты лингвистических и логических исследований) элементарной единицей смысла является правильно сформулированная мысль, её смыслообразующий инвариант (получивший позже название пропозиции), который не зависит от формы выражения мысли (прежде всего модальности выражения и прагматических коннотаций мысли) и сохраняется во всех переводах этой мысли. Всё более сложные смысловые образования (фразы, тексты, теории, романы, технические описания и т. д.) строятся на

основе этой единицы, образуя сложный смысл. Такой подход к смыслу условно можно назвать «семантическим».

Вторую позицию называют обычно деятельностной. Сторонники деятельностного подхода к смыслам обычно нацелены на создание общей теории деятельности и поэтому говорят о структурах, схемах деятельности в самом общем плане, не противопоставляя одну деятельность другой. Тем более не логичным представляется противопоставление коммуникативной деятельности всем другим видам деятельности, если мы озабочены задачей выявления родовых, сущностных признаков смысла. Но именно эту задачу мы решаем в представленной работе.

По своей дисциплинарной номенклатуре эта задача более всего соответствует духу научной философии, стремящейся к синтезу человеческих представлений о смысле. Конечно, помимо задачи генерализации общих представлений о смысле имеет свою ценность и задача конкретизации смыслов в отдельных сферах деятельности (например, повседневные смыслы, научные, художественные и т. д.) Такой поворот в исследовании смысла и смыслотворчества соответствует установке на конкретизацию проблемы смысла.

Другими словами, свою ценность имеет как проблема генерализации смыслов, так и проблема их конкретизации. Однако это совершенно разные задачи. И в рамках такого подхода главным вопросом, и до сих пор дискуссионным, остаётся вопрос о родовых, всеобщих признаках феномена смысла.

Учёные, анализирующие структуру социальной деятельности, часто противопоставляют коммуникативные смыслы (и, соответственно, те наработки и идеи, которые получены в рамках лингвистических и логических исследований) деятельностным смыслам, связанным с мотивацией и целеполаганием. Тем самым создаётся искусственное противопоставление «семантических» и «деятельностных» смыслов. Возникает вопрос: насколько продуктивен такой подход в понимании феномена смысла? Не более ли продуктивно (особенно в рамках философского анализа) попытаться выявить общий (родовой) признак смысла и считать, что его сущность остаётся инвариантной во всех проявлениях осмысленной деятельности? Ведь смысл, как говорится, он и в Африке смысл.

В пользу наведения мостов между коммуникативными (т. е. «семантическими») и деятельностными смыслами указывает интенсивно развивающаяся теория речевых актов, основы которой разработали Дж. Остин и Дж. Сёрл.

В рамках теории речевых актов принимается исходное положение о том, что любое высказывание в коммуникации является действием, производимым говорящим на основании определённых мотивов (желание информировать слушающего, предупредить его, дать совет, обещание, декларировать что-либо, попросить, приказать и т. д.). Теперь, учитывая эти уроки, становится более ясной общая жизненно необходимая человеческая установка на творчество смыслов как в речевой, так и практической деятельности.

Мы не видим никаких оснований для исключения коммуникативной деятельности из общего родового понятия смысла, и тем более нет никаких разумных доводов для того, чтобы противопоставлять коммуникативные смыслы деятельностным. Более того, коммуникативная деятельность представляет собой весьма значимый объект для исследования смысла, поскольку она специально предназначена для передачи человеческих смыслов, опирается на универсальный язык (нации, народа), способный передать любые смыслы (повседневные и с известной степенью корректности научные, религиозные и художественные и т. д.) В языке смыслы обретают свой дом.

Коммуникация и есть передача смысла от одного субъекта к другому. Вместе с тем любой вид деятельности содержит в себе смысл, что отличает человеческий род от животного. Конечно, и животные, особенно в стадных сообществах, передают биологически значимую для популяции информацию в жестах и звуках, запахах, которая связана с биологическим выживанием животного и основывается на генетически наследуемых и приобретённых в среде обитания рефlekсах.

Сейчас возникло новое, успешно развиваемое направление в биологии, – биологическая когнитивистика, изучающая «язык» и способы коммуникации животных. Однако человеческая коммуникация по своей сущности качественно иная: она является продуктом социализации (а не генетики) человеческого рода. Основа

человеческого языка – мысль, воплощённая в национальной знаковой форме. Коммуникация является особым видом социальной деятельности, интересубъективным способом связи и общения индивидов. Все другие виды человеческой деятельности тоже несут в себе смыслы, но их социальные функции предназначены не для общения, а для творчества предметов культуры. Именно в этой плоскости социальной деятельности особое значение приобретает категория ценности.

В центре распространённых дискуссий о смысле располагается триада понятий: значимость, смысл, ценность, – которые часто отождествляют. Психологи обычно определяют смысл как *значимость* явления или события в человеческой жизни¹⁸⁷. Культурологи склонны относить к смыслам доминантные ценности культуры (добро, зло, веру, справедливость, свободу и т. п.).

Нужно сказать, что повод для разночтения термина «смысл» дали сами лингвисты. В истории лингвистики долгое время смысл определяли через понятие «значимости». Соссюр, например, говорил о том, что в языке всё значимо, смысл есть значимость знака. И хотя в настоящее время в лингвистике всё-таки достигнута некоторая определённости, всё же в трактовке терминов «смысл», «значение», «значимость» не редко ещё встречается путаница.

Самым неопределённым является термин «значимость», от которого в логико-семантических исследованиях в настоящее время отказались. Термин «значимость» можно применять к чему угодно: твоя мысль значима, его общественное положение значимо, поступок Джона весьма значим, извержение вулкана значимо, вода значима для жизни, запах хищника значим для жертвы и т. п.

Естественно, что в перечисленных примерах трактовка слова «значимость» остаётся скрытой и неопределённой. В чём, собственно говоря, заключается эта значимость? При характеристике объектов и явлений как значимых всегда приходится уточнять, в каком смысле они значимы. Характеристика через «значимость» просто выделяет объекты из общего ряда. Они «значимы» – «значит» как-то отличаются от известных нам явлений, выбиваются из общего ряда, имеют для нас какое-то особенное значение (боль-

¹⁸⁷ См.: Леонтьев Д. А. Психология смысла...

шое – малое, угрожающее – оптимистическое, полезное – бесполезное и т. д.) При таком общем толковании термина «значимость» под ним могут скрываться и такие феномены, как смысл и ценность. И действительно, очень часто можно встретить определение одного термина через другой в этой триаде, причём наибольшей абстрактностью и широтой применения обладает «значимость».

Сущностные признаки смысла были выявлены именно в лингвистических исследованиях, ибо, повторимся, именно в языке смыслы обретают свой дом, наиболее открыты для понимания.

«Смысл» всегда связан с мыслью. Осмысление – путь к получению смысла. Когда я что-то говорю (сообщаю, утверждаю, описываю, отвергаю и т. п.), то смысл и есть мысль, скрывающаяся за знаковым выражением. Эта мысль всегда характеризует предмет мысли, именно в этом плане смысл связывает человека с другими людьми и с миром. Через осмысление явлений и процессов как внешнего мира, так и событий собственной жизни формируется смысл всех явлений, процессов, событий. Всякая мысль есть характеристика (описание, объяснение) явлений и событий, или, как принято говорить в логике, предикация предмета.

Смыслотворчество направлено не только на осмысление мира, но и на свою собственную деятельность, а также на осмысление своей жизни, своего внутреннего «Я». Осмысление, продуцирование смыслов, смысловая рефлексия представляют наиболее существенную черту человеческого рода, знаменующую прорыв человека за пределы животного мира. Наиболее важной функцией смысловотворчества является перевод *данного* в чувстве мира в формы мышления. Элементарной базовой единицей смысла является пропозиция, в которой предмет характеризуется через свое свойство. Однако смысловотворчество не ограничивается простой предикацией предмета. Как только мысль сформулирована, возникают богатейшие возможности для работы человеческого интеллекта: для углубления смысла через его анализ, для связывания с другими смыслами (синтез), а также для выводов одних смыслов из других.

Конечно, нельзя фетишизировать смысл, приписывая ему самостоятельную активность и превращая в самодовлеющую

сущность. Во главе смысла всегда стоит мыслящий человек, подлинный и единственный демиург смысла.

Смыслы лежат и в основе ещё одной чисто человеческой способности – общения людей. Общение и есть обмен человеческими смыслами. Люди понимают друг друга благодаря обмену этими смыслами, транслируемыми с помощью языка. Нельзя никаким образом передать свои ощущения другому. Конечно, ощущения могут сопровождаться гримасами, вздохами, криками и т. п., но эти внешние их проявления являются всего лишь сигналом того, что наблюдаемый человек что-то чувствует. Но моя боль – это моя боль. Если мне горячо, то другому в тот же момент может быть холодно. Только благодаря смыслам люди способны проникнуть в мир сознания другого, в том числе и рассказать о своих ощущениях.

Осмысливать всё: свою встречу с миром, его мировые загадки, место в обществе, жизненное предназначение, свои действия и поступки других людей, свои желания сообщить что-то другому, достижения мировой культуры и науки, – ставить вопросы и давать на них ответы, рассчитывать, взвешивать альтернативы при наших выборах в социальном мире, рассуждать, доказывать – вот далеко не полный перечень многообразных функций смыслотворчества, т. е. производства и конституирования смыслов.

Смысл (как мысль о внешнем или внутреннем мире человека) приобретает самостоятельную форму «самодвижения»: она может развиваться в сторону генерализации, т. е. обобщаться до высочайших пределов, удивляя нас своими «нежизненными» научными абстракциями, но может изменяться в противоположном направлении, обогащаться вширь, конкретизироваться.

Теперь обратимся к ценностям. Что же такое ценность? Под ценностями обычно понимают любые явления, реальные или мыслимые, существующие и несуществующие, абстрактные или весьма конкретные, которые имеют какую-либо *значимость для человека или человечества*. Здесь опять появляется роковой термин «значимость».

Когда мы говорим о значимости, конституирующей некоторую ценность в обществе, то имеем в виду *отношение субъекта* (индивида или общества) к какому-то явлению или событию, то-

гда как в смыслах мы стараемся выявить (охарактеризовать) *имманентные* свойства самого объекта. Этот объект далеко не всегда является чем-то телесным, материальным. Это может быть всё, что угодно: феномены человеческой жизни, социальные институты, социальные действия, формы культурного творчества и т. д. О ценностях мы говорим, когда всё перечисленное приобретает для человека некую *значимость* (как положительную, так и отрицательную). В ценностном определении человек формирует своё отношение к жизненному миру, включает в свои жизненные замыслы проекты, мотивы действий.

Значимость объекта или явления устанавливается с помощью оценок, выражающих отношение субъекта к оцениваемому объекту. Например, полезный – вредный, хороший – плохой, красивый – некрасивый, справедливый – несправедливый, добрый – злой, свой – чужой, и т. д.

Понять, что такое ценность, можно, если сравнить когнитивный (познавательный) подход к объектам с ценностным подходом. Под когнитивным подходом мы понимаем установку на раскрытие собственных (имманентных) свойств вещи безотносительно к какому-либо их использованию человеком, без выражения своего отношения к ней. Под ценностным подходом к вещи мы имеем в виду некоторое человеческое отношение к ней, связанное с вовлечением её в мир человеческих интересов, значимостей для меня или для общества. Одна и та же вещь может стать предметом и когнитивного описания, и оценивания. Например, сказать, что *золото обладает таким-то удельным весом*, – значит выразить когнитивное (объективированное) отношение к данному металлу, но если кто-то утверждает, что *золото – драгоценный металл*, то он выражает тем самым ценностное отношение к нему.

Другими словами, ценностная характеристика объекта – это характеристика её значимости для человека (группы, общества). При ценностном подходе к вещи обращают внимание прежде всего на возможность включения её в план своей жизнедеятельности или её роль, место в культуре. Фокусом, в котором стягиваются и пересекаются все ценности, является человек, его интересы, потребности, ожидания, мотивы. Если воспользоваться языком Хайдеггера, то можно сказать, что мир ценностей (их

спектр, ранжирование, структура) определяется *присутствием* человека в мире.

Часто понятию ценности противопоставляют антиценность. Однако чаще всего люди называют антиценностью некоторую негативную значимость какого-либо явления в культуре (наркоманию, преступность, экстремизм, агрессию, диктатуру и т. п.). Тем самым они уже оценивают данное явление как отрицательную ценность. Другими словами, антиценность – это ценность особого рода, а именно – крайне отрицательная ценность. Не-ценностным, или внеценностным, отношением можно было бы считать установку на объективность научного познания. Именно такую установку М. Вебер назвал принципом *нейтральности* учёного. Когда политик, как считал Вебер, *изучает* существующие в обществе политические ценности (демократизма, консерватизма, либерализма и т. д.), то он выступает как учёный, но если он начинает *критиковать* существующие в обществе ценности, то он выступает как политик, требующий реформ, смены власти, революционер и т. п. Такому политическому деятелю, по мнению Вебера, место не на университетской кафедре, а на городской площади.

Действительно, раскрывая в познании объективные (т. е. имманентные) свойства объекта (например, *молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода; квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов; государственные институты включают властные и законодательные функции; и т. п.*), мы не выражаем в суждении никакого ценностного отношения к объектам, а только зафиксировали то, что принадлежит самой познаваемой вещи или социальному институту. Поэтому именно научные описания (дескрипции) чаще всего противопоставляют ценностным суждениям, таким как: *вода полезна для человека, геометрию необходимо изучать*. Итак, в первом случае констатируется нечто принадлежащее вещи самой по себе, во втором – производится оценка вещи, которую можно рассматривать как приговор, выражающий отношение субъекта к объекту. Однако оценка разумным человеком объекта не является произвольной. Она всегда опирается на учёт каких-либо имманентных свойств предмета, обуславливающих её полезность или бесполезность, благоприятность или неблагоприятность для нас. Оценка – это

объективно-субъективный кентавр, тогда как в познавательных характеристиках мы стремимся элиминировать всякую субъективность.

Обычно различают три формы ценностного знания: *оценки, нормы, идеалы*. Но, с нашей точки зрения, их следует дополнить такой смысловой формой, как *мотив*. Мотив лежит в основе любого социального действия индивида и, конечно, действующий всегда исходит в мотиве из предположения на благоприятный исход своих действий, а также их полезности для себя или общества.

Здесь мы входим в противоречие с позицией М. Вебера, который противопоставлял целесообразные действия ценностнообразным. Первые, по его мнению, устремлены к некоторой выполнимой, рациональной и прагматической цели. Вторые – к реализации общественно значимых ценностей: добра, долга, совести, свободы, помощи бедным т. п. Хотя различие между этими двумя типами действий существует, мотив и в том и другом случае у них присутствуют, но их ориентации противоположны: в первом случае мотив предполагает пользу «для себя», во втором – для «другого» (близких, бедных, притесняемых и т. д.)

Идеал – это образ желаемого будущего, который всегда презентуется в качестве совершенного образца, лишённого каких-либо недостатков. На самом деле идеал – это всегда лишь мыслимая, представляемая в нашем сознании идеализация какого-либо объекта или явления (государственного устройства, любимого человека, желаемой вещи). Идеалы обладают высокой стимулирующей силой, они могут наполнять жизнь «высоким» смыслом, служить жизненным ориентиром для человека, нации, группы.

Однако идеал редко достижим, поскольку он конституируется мыслью в процессе абстрагирования от многих реальных свойств вещей, событий, процессов (которые мыслящий считает вредными, ошибочными, несправедливыми). Но творец идеала почти всегда упускает из виду, к чему может привести в будущем реализация этого идеала, какие новые вредные (неблагоприятные, опасные) тенденции и социальные феномены могут возникнуть в обществе. Идеал живёт в мысли, но разрушается, как только мы приближаемся к его достижению в жизни. Он не достижим для нас как линия горизонта. Как только мы приближаемся к ней, она

далее отодвигается от нас. Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Наконец, нормы устанавливают некоторые рамки, в пределах которых явление или действие допустимы, разрешены, полезны, эффективны, безопасны и т. д. Под нормами также часто понимают жизненные императивы (принципы жизни), которыми люди руководствуются в своей деятельности (*необходимо бороться за свободу, справедливость, человеческое достоинство* и т. п.).

Вместе с тем понятие нормы часто употребляется в науке. К ним относятся правила логического вывода, вычислений, эмпирических наблюдений, достоверности знания и т. д. Такие нормы мы скорее назвали бы когнитивными или просто научными, но не ценностными. Научные нормы всегда связаны с решением научных задач и обоснованием истинности полученного научного знания, тогда как ценностные нормы характеризуют жизненное поведение человека, моральную или эстетическую основу действий индивидов.

Ценностное отношение наиболее чётко проявляется в мотивах, определяющих позицию субъекта в его выборе жизненных приоритетов и предпочтений, и особенно в планировании своей деятельности. Именно в этом случае субъект как бы говорит себе: «*Это мне нужно*», «*Мне это необходимо*», «*Это мне будет полезно*» и т. д.

Однако ценностная позиция не обязательно требует своей манифестации в суждениях. Более того, она не всегда критически осмысливается субъектом. Человек может делать свой выбор неосознанно, под влиянием существующих стереотипов, моды, из-за приверженности к существующим традициям (по принципу *так делают все*) и даже аффективно, когда чувство берёт верх над разумом. Тем не менее ценностная позиция субъекта всегда присутствует, даже не будучи манифестированной в языке, в ситуациях мотивации деятельности, ее целеполагания, она в явном или скрытом виде существует в наших желаниях, намерениях, убеждениях.

Теперь можно вернуться к проблеме соотношения смыслов и ценностей. И то и другое понятия можно подвести под более общее понятие значимости (значения), за которым, как уже указывалось, могут скрываться и смысл и ценность. Характеризуя каким-

либо образом предмет, мы можем обратиться к его имманентным (объективным) свойствам (например, для золота это будут такие характеристики, как химический состав, удельный вес, электропроводность и т. п.), а можем прибегнуть к ценностным характеристикам (драгоценный, способный служить средством накопления капитала, материалом для украшения и т. д.). В первом случае мы имеем дело с объективной информацией о предмете, во втором – с некоторой значимостью предмета для человека, т. е. ценностью.

И ту и другую информацию о предмете можно выразить в суждении, характеризующем предмет. Суждение и есть мысль, приписывающая предмету какое-либо имманентное свойство (будь то природное, биологическое, социальное и т. п.) или оценочное. С точки зрения логического строения мысли (её формы) вообще нет никакого различия между выражением мысли об имманентных свойствах предмета и его ценностных характеристиках. В логике любая характеристика предмета выражается формулой « S есть P », которая соответствует как мысли о его объективных свойствах, так и ценностных признаках. Здесь в обоих случаях сохраняется инвариантная структура (пропозиция) смыслов, но различаются предикаты: в одном случае – это имманентные свойства предметов, в другом – ценностные. Это означает, что ценность тоже имеет смысл, иначе как мы можем отличать одну ценность от другой?

Отсюда уже можно предположить, что смыслы и ценности не противостоят друг другу.

Следует отметить, что в повседневной жизни обычный человек даже не осознаёт различий между характеристикой объекта через его объективные (имманентные) свойства или через указание на его ценностные признаки. Например, не так просто разобратся с такой характеристикой растения, как «сорняк». На первый взгляд кажется, что отнесение какого-либо растения к классу сорняков является его объективной характеристикой. Утверждая, что *одуванчик – это сорняк*, мы выразили некоторый смысл, но он не является, строго говоря, объективным. Ведь люди относят к классу сорняков растения, с которыми они борются на своих огородах и садах, и если кто-то вдруг задумал выращивать в своём

саду одуванчики, то для него они уже не сорняки, а культивируемые цветы. Следовательно, в характеристике «сорняк» выражается ценностное отношение человека к растениям.

Любая характеристика предмета отвечает на некоторый вопрос: что, где, когда, почему, какой, сколько, зачем, для чего, ради чего. Эти вопросы можно ставить в разных отношениях, ориентируясь на раскрытие как имманентных свойств объекта (т. е. отвечая на вопрос: *что сие есть?*), так и на раскрытие его значимости для человека (отвечая на вопрос: *что сие значит для меня?*). Первый вопрос ориентирует нас на раскрытие объективированного смысла, а второй – на раскрытие ценностной характеристики предмета для человека. Но любой ответ, как на первый, так и на второй вопросы, будет смыслом. Смыслотворчество всегда есть решение какой-то проблемы. Разрешение подобных проблем осуществляется путём интеллектуальных усилий, актов активности сознания.

Когда мы говорим о значимости, конституирующей некоторую ценность в обществе, то имеем в виду *отношение субъекта* (индивида или общества) к какому-то явлению или событию. Объект для нас ценностно значим, если мы можем как-то использовать его в своих интересах, включить в план своей жизнедеятельности, учесть в своих мотивах, проектах, ожиданиях, пожеланиях и т. д. Ценностная характеристика объекта – это характеристика её значимости для человека (группы, общества). При ценностном подходе к вещи обращают внимание прежде всего на возможность включения её в план своей жизнедеятельности или её роль, место в культуре. Фокусом, в котором стягиваются и пересекаются все ценности, является человек, его интересы, потребности, ожидания, мотивы.

В конституировании когнитивных смыслов и ценностных смыслов просматривается существенное различие. При формировании когнитивных смыслов (*что сие есть?*) субъект идёт от самого объекта к его объективному образу в сознании. При формировании ценностного смысла (*что сие значит для меня?*) субъект отправляется от своих интенций, потребностей и формирует свою оценку объекта: это хорошее, полезное, то, что мне необходимо и т. д.

Есть ещё одно различие в когнитивных и ценностных смыслах. Когда мы формируем когнитивный образ некоторого объекта (дерева, животного, человека, социального института), мы опираемся на объективные, присущие самому объекту свойства, и поэтому эти смыслы носят интересусубъективный и общенациональный характер. Когда же мы оцениваем этот же объект с позиции его значимости для нас, то эти оценки могут существенно различаться у разных индивидов, в разных странах. Не даром говорят, что русскому хорошо, то немцу – смерть.

Итак, в познавательной установке мы формируем *знания* о мире, в оценивании мы устанавливаем *ценности* предметов для нас. В этих установках проявляется коренное различие между гносеологией и аксиологией.

Конечно, спектр возможных смыслов не ограничивается только когнитивными смыслами. В этот спектр входят и проективные смыслы, порождающие новую реальность (артефакты), коммуникативные (обеспечивающие общение людей), фантастические, художественные и т. д. Наш акцент на когнитивных смыслах обусловлен лишь тем, что мы хотим подчеркнуть различие между смыслами и ценностями. Но в целом смысловой симбиоз смыслов и ценностей в обществе определяют его культуру во всём её многообразии. Однако все мы знаем, что национальные культуры существенно различаются, и это различие коренится в её ценностях.

Общим для формирования знаний и ценностей является сам процесс *осмысливания*, т. е. формирования смысла суждения. Но в знаниях мы утверждаем когнитивные смыслы, присущие «вещам», а в ценностных смыслах даём им осмысленную оценку. *Осмысление*, конституирующее в конечном результате смысл, и *оценивание*, формирующее ценность чего-либо в жизни и деятельности человека, идут параллельно, рука об руку, пересекаются друг с другом в нашем самоопределении в мире. Вот почему смыслы и ценности трудно различить непрофессиональному, не-философскому разуму.

В основе любого процесса конституирования смысла в повседневной жизни, научной и художественной деятельности лежит ценностный выбор, оценивание как ответ на вопросы, зачем,

для чего я *это* делаю. В то же время всякая ценность для человека становится осознанной, эксплицированной, взвешенной только благодаря её осмыслению, выражению в форме некоторой мысли об этой ценности. А это уже смысл.

Прежде чем дать более строгое, модельное представление о соотношении смыслов и ценностей, необходимо остановиться на важнейшем вопросе о сфере бытования этих феноменов. Существуют ли они в самом мире или находятся в сфере человеческого сознания? Вот кардинальнейший философский и довольно запутанный вопрос о существовании смыслов и ценностей.

Представление о существовании смыслов в самом объективном мире высказывается некоторыми нашими философами вследствие какой-то непомерной абсолютизации и фетишизации принципа отражения. В примитивной интерпретации принцип отражения гласит: всё, что есть в сознании, есть и в мире, одно соотносится с другим на основе взаимно однозначного соответствия друг с другом. Отсюда недалеко до прямолинейного вывода: смыслы существуют в самом мире и отражаются нашим сознанием в форме мысли.

Однако смысл мы не находим предзаданным в мире, а создаем путём мыслительной работы. Переводя мир в план сознания, мы получаем определённую свободу в конструировании смыслов.

Трактовка смыслов как принадлежащих самому миру возникает, в частности, из абсолютизации установки на их отражение, которое не в примитивном, а в своём диалектическом значении, признающем творческую активность субъекта в образовании смыслов, присуще познавательным интенциям. Только в познавательных процессах возникает интенция на *соответствие* конструируемых субъектом научных смыслов самой реальности. Но это обстоятельство не меняет бытийного статуса смысла, он всегда существует в теориях, гипотезах, научных утверждениях, от которых требуется только одно: чтобы они были истинными. Но именно потому, что смыслы находятся в сфере сознания и сконструированы человеком, возникает проблема истинности научных утверждений. Научные утверждения, в основе которых лежат некоторые смыслы, могут быть как истинными, так и ложными, тогда как мир всегда остаётся миром: не истинным, не ложным, он

такой, какой он есть. В мире существуют вещи, свойства, процессы, а в сознании – сконструированные человеком смыслы об этих реалиях мира.

Иллюзия о преднаходимости смыслов (впрочем, как и ценностей) в мире, преданности их в вещах возникает в силу того, что они всегда в своей проекции ориентированы на мир. Это находит своё отражение в понятиях референта и референтной ситуации. Собственно говоря, концепция трактовки смысла как положения дел в мире и опирается на идею существования референтной ситуации в мире, соответствующей этому смыслу. Смысл никогда не может быть ни о чём. Он всегда «говорит» об объекте, который обладает каким-то свойством, находится в каком-либо состоянии либо изменяется определённым образом и т. д.

Смысл выступает в качестве мысленного заместителя (репрезентанта) в сознании положения дел в мире. Благодаря его содержательной направленности на мир в сознании возникает своеобразная **склейка** смысла с миром, пропозиции с положением дел, понятия с вещью. Отсюда и возникает соблазн трактовать эффект склейки смыслов с положением дел, имён с вещами в духе существования смыслов в самой реальности. Однако ни понятие, ни пропозиция, ни смысл не существуют в вещах, но повествуют о вещах. Мир и смысл мира – это совершенно разные феномены. Обескураживающее нас несовпадение того и другого выявляется лишь при обнаружении ложности смысла.

На самом деле смыслы возникают только при встрече человека с миром, в «бытие-человека-в-мире» (Хайдеггер). Без мыслящего человека, конечно, не может возникнуть ни один смысл, но он не может возникнуть и без мира, который осмысливается человеком. Смысл всегда есть смысл о мире, хотя первое существует в сознании, а второе – в реальности.

Естественность и сама собой разумеющаяся очевидность *склейки* смысла с миром быстро разрушаются, как только мы выходим за пределы установки на познание *существующего* в мире. Лишь в познавательной установке, которая имеет место быть не только в науке, но и в повседневной жизни, смысл ориентируется на отражение сущего. Но уже в модусе будущего обнаруживается раскол между сущим, которое существует в мире,

и смыслом, претендующим на выявление будущего положения дел в мире.

Ещё явственнее проявляется различие в бытийности смыслов и вещей в *проективной установке*, которая реализуется в техническом, художественном, социальном и иных видах творчества. Проект, особенно новационный, относится к замышляемому «положению дел», которое в принципе не существует ещё в мире. Реализация этого проекта мыслится как цель, осуществимая в будущем. В проективной установке, которая в качестве цели планирует предмет, еще не существующий в мире (так возникают все артефакты), принцип отражения не работает. Субъект здесь ориентируется на принцип (мотив) достижимости желаемого, нужного, полезного и т. д., необходимости созидания того, что отсутствует в мире. Так, созданию нового типа самолета, которого ещё нет в реальности, предшествует его проект. Замышляемый проект и есть смысл, посылаемый деятельности по созданию самолета. Этот смысл выражается на техническом языке в виде расчетов, чертежей, планов. То же самое относится к социальному проекту реформ в обществе, политическому проекту нового государственного устройства, замыслу нового романа и т. д. Всё это проективные смыслы.

Ни один предмет культуры не может возникнуть в установке на принцип отражения в смыслотворчестве, ибо культура по своей сути есть преодоление существующего «положения дел» в природе. Человек, создавая предметы культуры, опирается на проективную установку, ориентированную на созидание надприродного мира, преодоление косности существующего. И в этом ему помогают новые проективные смыслы, выходящие за пределы сущего.

Безусловно, в этом проективном творчестве не отбрасываются и научные смыслы (когниции), полученные в установке познания сущего, которые используются в качестве ресурса (средства) успешной реализации проекта. Так, в создании самолета используются данные аэродинамики, механики, материаловедения, электроники и т. д. Воплощение замысла в жизнь, в реальность сущего опирается на диалектику взаимосвязи когнитивных и проективных смыслов.

Возможность проективных новаций в творчестве человека убедительно доказывает автономность смыслов, их относитель-

ную независимость от реальности. Благодаря тому, что смыслы не прикованы железными цепями к миру, возможен выход человека за пределы сущего, преодоление застоя, прорыв к новым формам жизни и, в конечном счете, достижение человеческой свободы.

Погружаясь в многообразие человеческих смыслов, мы обнаруживаем в нём их богатейшее разнообразие, в котором они отличаются друг от друга установками, глубиной, степенью научности: смыслы сущего, смыслы будущего, должного, желаемого, смыслы-фантазии, смыслы-утопии и т. д. Все эти смыслы конструируются человеческим разумом, творчески мыслящим человеком и человечеством.

Перейдём теперь к проблеме бытийности ценностей. Можно сразу же предположить, что сфера их бытования принципиально не отличается от существования смыслов. Однако существует довольно распространённое мнение, что они находятся в самом мире, а человек лишь осознаёт (отражает) их в своём сознании.

Когда говорят об идеалах, оценках, нормах (т. е. об аксиологических формах знания), то признают, что они выражают ценностное отношение человека к миру и, безусловно, принадлежат человеческому сознанию. Но вот понятие ценности, по мнению многих, предполагает существование соответствующих феноменов (т. е. ценностей) в самом мире. И в подтверждение своего мнения указывают на такие ценности, как артефакты культуры (и материальные, и духовные): самолеты, компьютеры, науку, религию, философию, искусство, здоровье, образование и т. д. Относительно духовных ценностей ситуация всё-таки достаточно прозрачна. В основе этих ценностей лежат смыслы (научные, религиозные, философские, художественные и т. д.), порождённые творческим разумом. Но поскольку эти смыслы представляют определённую ценность для других (помимо их творца) людей, они манифестируются и опредмечиваются в некоторой предметной форме, прежде всего в языке. Определенный и отчуждённый от творца смысл, конечно, существует уже не в сознании творца, а в предметности сущего: в социальном действии, артефакте, языке. Но этот смысл доходит до адресата (потребителя духовных ценностей) только тогда, когда тот распредмечивает его, присваивает (интерпретирует) его своим сознанием. Таким образом, духовная

ценность обретает подлинное бытие только в сознании её творца или потребителя: ученика, верующего, актора, интерпретатора.

Конечно, то, **что** признаётся ценностью, должно существовать в какой-либо форме: объективной (как вещи мира) или intersубъективной. Таковы артефакты, тексты, формы общественного сознания (мораль, религия, наука, искусство и т. д.). Понятие ценности обладает ещё большим коварством, чем понятие смысла. Мы уже указывали, что смысл обладает объективно-субъективной природой, является осмысленной рефлексией субъекта по отношению к миру, и результатом этой рефлексии в сознании субъекта оказывается своеобразная *склейка* содержания смысла с миром (с референтом, референтной ситуацией, положением дел). В ценностях эта склейка субъективной значимости чего-либо для человека со свойствами самого объекта достигает ещё большей силы и неотторжимости одного от другого. Именно благодаря этой склейке (осуществляемой сознанием) возникает превратное, иллюзорное мнение, что ценностные признаки присущи вещи самой по себе, без участия человека, который способен лишь осознавать их.

Обратимся вначале к некоторым природным объектам. Так, нефть, являясь природным продуктом, безусловно, признаётся ценностью в обществе. Что делает её в глазах общества ценностью? С одной стороны, это её высокая теплотворная способность при сгорании. Ценность всегда основывается на каких-то имманентных свойствах вещи. С другой стороны, нефть становится ценностью в обществе благодаря её использованию в качестве источника тепловой энергии. Именно возможность практического использования нефти, т. е. определённая позиция общественного субъекта предопределяет отношение к нефти как к общественному богатству, т. е. как к ценности. Если вдруг обнаружатся (уже сейчас обнаруживаются) вредные последствия использования нефти в качестве топлива, возможно, общество потеряет к ней всякий практический интерес, и тогда она перестанет быть ценностью, но останется жидкостью с определёнными химическими свойствами.

Сказанное относится также ко всем полезным ископаемым. И вода, и воздух, и некоторые разновидности флоры и фауны также признаются общественным мнением ценностью благодаря их использованию в жизнедеятельности человека. В таких случаях

говорят, что все перечисленные вещи имеют полезные для человека свойства.

Именно полезность (как оценка) становится критериальной для признания какой-либо природной вещи ценностью. Таким образом, человеческий разум (обыденный или научный) сначала должен обнаружить в вещах те объективные свойства, которые могут быть использованы обществом на практике или в жизнедеятельности человека, затем тот же разум должен найти способ практического применения этих вещей, и тогда они получают признание в обществе в качестве ценностей. Следовательно, ценность – это определённая позиция человека по отношению к вещи, связанная, безусловно, с наличием в ней определённых полезных (или вредных) свойств. Вне этой осмысленной позиции вещь остаётся вещью мира, но не является ценностью.

Обратимся к другому примеру. Кремний содержится в песке и в некоторых рудах. Известно, что он используется в полупроводниковой промышленности. Благодаря разработанным технологиям обработки (кремниевосодержащих) руд содержащийся в них кремний признаётся ценностью, а кремний, содержащийся в песке пустыни Сахары, не является таковой.

Таким образом, именно от человеческого отношения, рефлексированного в сознании, идёт признание того или иного продукта природы ценностью. Когда люди сопрягают с некоторой природной вещью понятие ценности (это и есть склейка), они проецируют на неё свои возможности использования её в человеческой практике или жизнедеятельности.

Теперь обратимся к материальным предметам культуры (орудиям, машинам, телевизорам, телефонам и т. д.). Отличие данного случая от рассмотренного выше заключается в том, что в изготовлении материального предмета уже предусмотрено его функциональное применение человеком. Каждая такая вещь (от утюга до компьютера) удовлетворяет определённую потребность человека, отвечает на вопрос «для чего?»: утюг – для глажки белья, автомобиль – для передвижения, компьютер – для вычислений, и т. д.

Эта функциональная способность удовлетворять определённым потребностям человека запечатлена в свойствах артефакта:

его устройстве, технических, технологических, эстетических характеристиках искусственной вещи. Мы не можем сказать, что все такие ценности существуют в мире культуры вне сознания человека. Сознание человека имеет самое прямое отношение к возникновению (вернее, к изготовлению) и применению подобных вещей. В них, в этих вещах, опредмечены смысловые и ценностные интенции актора, создателя вещи (конструктора, инженера, архитектора и т. д.).

Изготовление любого артефакта мотивировано модусом «для чего?», основано на целесообразной и осмысленной деятельности. Смыслы, как когнитивные, так и ценностные, предшествуют производству вещи и, в конечном счёте, воплощаются в её материальном устройстве, характеристических параметрах (скорости, прочности, мощности, управляемости и т. д.). Артефакт представляет (выражает) опредмеченный и отчуждённый от сознания актора смысл. Однако для того, чтобы вещь использовалась по назначению, в соответствии с воплощёнными в ней функциями, она должна встретиться с другим сознанием – сознанием потребителя, понимающим и восстанавливающим исходный смысл и ценностное предназначение предмета культуры. Потребитель должен в своём сознании распредметить искусственную вещь (понять её устройство и назначение) и перевести в план своей жизнедеятельности. Иногда в этом распредмечивании потребителю помогают специальные тексты (инструкции, технические описания, рекомендации), сопровождающие покупку вещи.

Таким образом, можно утверждать, что все материальные артефакты воплощают в себе отчуждённый от актора смысл, и они находят своё применение только в сопряжении с ценностными ориентациями и жизненными смыслами потребителей. Любой предмет культуры воплощает в себе не один, а множество смыслов, как когнитивных, так и ценностных. Так, в производстве автомобиля предусмотрена его основная ценность (средство передвижения), а также масса других ценностей (эстетическая форма кузова, безопасность, экономичность, простота в управлении). Вместе с тем в его устройстве воплощена масса когниций: сведений из физики, технических наук, аэродинамики, химии, электроники и т. д.

Автомобиль, как и любой предмет культуры, можно сравнить с текстом, содержащим проективные смыслы его творца, но отчуждённые от него в предметной форме артефакта. С этой точки зрения все предметы культуры, не говоря уже о духовных ценностях (науке, религии, идеологии, искусстве), представляют собой тексты, содержащие разнообразные смыслы. Мы можем сказать, что они (эти смыслы) существуют не только в индивидуальном сознании, но и в общественном сознании благодаря их манифестированности в определённом тексте.

Теперь обратимся к так называемым духовным ценностям. Безусловно, все они существуют в обществе и их смыслы воплощены, как правило, в определённом тексте. Все они являются ценностями «в квадрате», за исключением, пожалуй, науки. Во-первых, общество признаёт их ценность (полезность, необходимость, желаемое и т. д.) и поэтому культивирует их возникновение (освоение, изучение) и развитие. Во-вторых, все эти духовные феномены, как правило, содержат внутри себя ценностные императивы (оценки, нормы, жизненные идеалы). Исключение составляет только наука, которая ориентируется на раскрытие объективных (имманентных) смыслов. Однако благодаря именно своей основной гносеологической функции (получению объективного знания о мире) наука приобретает в глазах общества статус общественно полезной ценности.

Если спросить человека с улицы, существуют ли духовные ценности, то он, безусловно, ответит «да» и даже, возможно, перечислит их (наука, искусство, религия и т. д.). Но вот вопрос, в какой форме они существуют, вероятно, повергнет его в недоумение. Всё дело опять-таки в пресловутой склейке. Здесь принципиально важно с философской точки зрения различать существование самих духовных феноменов, которые обычно манифестированы в определённых текстах, и их ценность (значимость) в общественном мнении.

Итак, духовные ценности бытийствуют в общественном и индивидуальном сознании благодаря содержащимся в них смыслам, за которые, собственно говоря, они и ценятся. Вместе с тем они обладают и предметным существованием вследствие их манифестации в соответствующих текстах. Здесь можно говорить об

аналогии в существовании материальных и духовных ценностей: и те и другие воплощают определённые смыслы и ценности и в то же время имеют предметную форму существования.

Однако между материальными и духовными ценностями есть принципиальное различие. Ценность произведённой человеком вещи коренится именно в её предметности (материале, физических характеристиках и т. д.). Ценность же духовных феноменов коренится в содержащихся в них смыслах (научных, религиозных и т. д.). Впрочем, это различие нельзя абсолютизировать. Например, в искусстве форма предметной манифестации смыслов чрезвычайно важна, а в таких его областях, как скульптура и живопись, носит, пожалуй, определяющее значение.

Следует ещё раз подчеркнуть различие между предметными формами артефакта и предметной формой языка с точки зрения понимания стоящих за ними (т. е. воплощенных в них) смыслов.

Язык, представляющий собой единство материальной формы (знака) и идеального смысла, является универсальным транслятором смыслов, объединяющим автора и читателя, говорящего и слушающего, общественное и индивидуальное сознание. Язык — общезначимая коммуникативная система, функция которой в том и состоит, чтобы транслировать в своих предметных формах (знаках) смыслы от их демиурга к реципиенту.

Функция же артефакта (искусственной вещи) совсем другая, не коммуникативная. Артефакт — это вещь, созданная человеком и для человека, и в основе её порождения лежат определённые ценности: как прагматические, так и духовные (моральные, эстетические). Поэтому понимание опредмеченного в артефакте смысла может представлять большую загадку для обычного человека, не профессионала. Вряд ли каждый человек знает устройство телефона, но это не мешает людям пользоваться им, ибо они легко усваивают функции пользования этим аппаратом, тогда как его техническое устройство остаётся им неведомым.

Итак, смыслы, как когнитивные, так и ценностные, рождаются в разуме человека, но они способны через различные формы деятельности отчуждаться от сознания демиурга и опредмечиваться в вещах. Чтобы употребить вещь по её смысловому назначению, необходима обратная операция распредмечивания (хотя

бы частичного) предмета культуры, т. е. «высвобождение» смысла от предметной формы, его перевод в план сознания потребителя вещи. По отношению к предметам культуры (но не предметам природы) справедлива идея Г. В. Ф. Гегеля о том, что подлинным (первичным) бытием в культуре обладает дух, а предметы культуры являют собой лишь инобытие этого духа.

До сих пор, говоря о ценностях, мы имели в виду только осмысленные ценности, на основе которых человек осуществляет социальную деятельность. Однако существуют и неосознаваемые значимости в деятельности людей (например, щажение раненой руки человеком, о котором говорит в своей книге Д. А. Леонтьев¹⁸⁸).

Учитывая всё сказанное, можно ввести модель соотношения смыслов и ценностей в виде двух пересекающихся множеств (рис. 9).

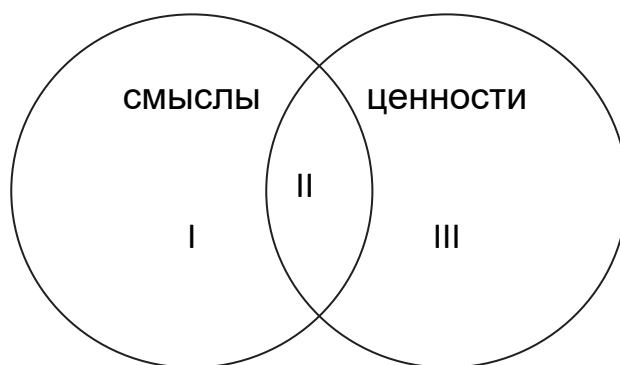

Рис. 9

Область I на рис. 9 содержит когнитивные смыслы об имманентных свойствах вещей. Они получены в установке элиминации, отвлечения от какой-либо ценностной значимости вещи и направлены на выявление положения дел как в существующем, так и любом возможном мире.

Область III на том же рисунке содержит неосознаваемые значимости, которые являются стимулом для ответных действий людей (рефлекторная деятельность, не эксплицированная мотивация, подражание). В принципе за этим множеством значимостей было бы правильнее закрепить термин «значимость», отличая их от осмысленных ценностей.

¹⁸⁸ См.: Леонтьев Д. А. Психология смысла... С. 171.

Область II (рис. 9) представляет ценностные смыслы, они входят в полное многообразие всех человеческих смыслов, но не исчерпывают его. Ценностные смыслы реализуются в оценках, нормах, идеалах, мотивах.

Глава 10

ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДИАЛЕКТИКА СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО СМЫСЛОВ

В непрерывно обогащающемся дискурсе о природе смысла постоянно появляются новые подходы, тематизации, концепты. Интересно, что многие из этих новаций опираются на концептуальные пары понятий, фиксирующих основной идейный нерв разворачивающихся дискуссий, схватывающих диалектическую проблемность того или иного аспекта проявления сущности смысла как предельно общего междисциплинарного понятия.

К числу подобных оппозиций можно отнести: смысл и бессмысленное (абсурд) в раскрытии родовой (универсальной) сущности смысла; идеальное и материальное в анализе знаковой формы смысла; личностное и общественное (общезначимое) в социальном генезисе смыслов; когнитивные и ценностные смыслы; прямые и косвенные и т. д. Весьма распространённой оппозицией является *противопоставление понятий объективного и субъективного смыслов*. Однако оказывается, что данная оппозиция фигурирует в существенно различных по своей предметности направлениях дискурса о смысле.

Прежде всего нужно отметить, что категории «субъективное» и «объективное» имеют в рамках философии различные значения. Предикат «субъективное» обычно относят к человеческим продуктам творчества, тогда как «объективное» характеризует природные явления (т. е. то, что существует вне и независимо от человека). В рамках гносеологии указанные категории связывают с достижением истины: содержание истины относят к объективному знанию, а форму его представления — к субъективному. В аксиологии могут говорить о субъективных (личностных) цен-

ностях, которым противопоставляют «объективное» мнение большинства.

Совсем иное значение приобретают термины «субъективный» и «объективный» смыслы в социальных действиях, которые носят проективный характер. В социальных действиях актор (действующий субъект) продвигается от продуманного проекта к его реализации в какой-либо предметной форме.

Более полная характеристика социальных действий включает такие фазы их реализации: мотив – цель действий, ориентированная на выполнение задуманного проекта, – план реализации действий с учетом привлекаемых ресурсов – далее поэтапное исполнение задуманных практических операций по достижению цели.

Всё, что *задумано* в проекте, является субъективным смыслом. То, что реализовано в практических (наблюдаемых) действиях, расценивается наблюдателем как объективный смысл. В этом плане любой речевой акт содержит субъективные смыслы, которые содержатся в сознании говорящего, и объективированные – в языковой форме его выражения.

Всякая искусственная вещь (артефакт) хранит в себе следы субъективных смыслов своего творца (конструктора, мастера, деятеля). Это и есть «инобытие» смыслов – вторая, *объективированная* форма их существования. Иногда вместе с покупкой какой-либо искусственной вещи (от утюга до компьютера) мы получаем инструкцию по её использованию. Конечно, эта инструкция содержит лишь часть задуманных (субъективно) производителем смыслов, но вполне достаточных для практического использования купленной вещи.

Вот эти запечатленные в артефактах смыслы являются «объективными смыслами». Они уже отчуждены от своего творца, имеют внешнее проявление в устройстве вещи, её функциях. Объективными смыслами являются: человеческая речь, любые тексты, социальные действия людей, все артефакты. Всякое понимание начинается с распрямления объективных смыслов, и только, стартуя от этого начала, можно проложить дорожку к пониманию субъективного смысла творца (автора, актора, деятеля).

Понимание социального действия, совершаемого некоторым индивидом, начинается наблюдателем с установления (распозна-

вания) смысла наблюдаемых операций, совершаемых актором для достижения своей конечной цели. Эти манифестированные действия действующего субъекта презентируют наблюдателю то, что мы назвали объективным смыслом. Чтобы его понять, наблюдатель совершает в своём сознании распрямление манифестированных действующим субъектом практических действий, т. е. реконструирует их смыслы, предполагая, что действующий субъект исходил именно из установленных им (наблюдателем) проявленных действий актора. Понятие реконструкции смыслов в классической герменевтике называют обычно интерпретацией. Интерпретация наблюдателя может расходиться со смыслами действий самого актора.

Однако как быть с выявлением субъективного смысла самого актора, т. е. с его замыслами, целями, планами и, прежде всего, мотивом предпринимаемой деятельности актора? Дело в том, что желаемое, мотивационное никак не проявляется в манифестированных действиях актора. Полнота понимания смысла действий актора предполагает не только адекватность интерпретированных наблюдателем манифестированных операций актора (что не всегда доступно наблюдателю), но и скрытых мотивов всего действия.

Как же мы можем подступить к решению этой задачи, если субъективный, т. е. имманентный смысл, конструируемый творческим субъектом, скрыт в его сознании? Об этом постоянно говорит и Э. Гуссерль, подчёркивая, что поток «переживаний» субъекта всегда скрыт от нас. На помощь герменевту (внешнему толкователю) смысла приходит так называемый «объективный смысл», который является «инобытием» субъективного смысла. Объективный смысл — это единственная зацепка, позволяющая нам говорить о существовании субъективного смысла. Пока он не манифестирован в знаках, внешних действиях, артефактах культуры, он недоступен для восприятия других людей.

Герменевтическая установка в понимании социальных действий основывается на предположении, что действующий субъект действовал осмысленно, когда он выражал свою задуманную мысль в речевом акте, тексте, социальном действии, поступке. Считается, что субъективный смысл как-то запечатлевается в объективном смысле, *выражается* в нём. Объективный смысл явля-

ется «инобытием» субъективного смысла, представляет собой уже отчуждённый от творца смысл, в принципе доступный для наблюдателя через свою опредмеченную форму.

В процессе понимания другого человека или результатов его творчества неизменно возникает герменевтическая категориальная пара «субъективный – объективный смысл». Двигаясь от распределения (т. е. интерпретации, толкования) объективного смысла, манифестированного каким-либо субъектом, мы можем рассчитывать на понимание его субъективного смысла.

Проблема понимания субъективного смысла особенно обострилась с момента зарождения социальной герменевтики (термин «социальная герменевтика» введён нами¹⁸⁹). Её основные идеи изложены в работах немецкого социолога М. Вебера (проект понимающей социологии) и австрийского философа А. Шюца (проект социальной феноменологии).

§ 1. Субъективный и объективный смыслы в трактовке М. Вебера

Проблема субъективного и объективного смыслов, их сущности и возможностей понимания поднимается М. Вебером в связи с проектом «понимающей социологии», представленным в основном в двух его работах¹⁹⁰.

С точки зрения Вебера, предметом понимающей социологии должны стать смыслы социальных действий. Социальное действие философ принципиально отличает от действия физиологического (например, моргание глазами при резкой вспышке света), биологического (волнение мужчины при виде красивой женщины) и даже психологического (проявление страха, гнева, тревоги, радости и т. п.) порядка.

Немецкий социолог приводит яркий пример для различения социальных и физиологических действий. Когда два велосипеди-

¹⁸⁹ См.: *Кравец А. С.* Становление социальной герменевтики // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Философия. 2012. № 1 (7). С. 48–100.

¹⁹⁰ См.: *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990 ; *Его же.* Основные социологические понятия // Там же.

ста едут навстречу друг другу и крутят педали велосипедов, то они совершают физиологическое действие. Но вот эти велосипедисты вдруг сталкиваются, и между ними возникает перебранка. Это уже будет социальное действие.

Социальное действие, по Веберу, удовлетворяет двум условиям. Во-первых, оно обращено к «другому». Во-вторых, оно содержит субъективный смысл, т. е. выражает смысловые интенции действующего субъекта. Эти требования, предъявляемые к социальным действиям, на первый взгляд, довольно просты и очевидны. Но это только «на первый взгляд».

Понятие «другого» (которое сейчас получило весьма диверсифицированное значение в культурной антропологии и постмодернистской философии) наглядно проявляется в парных контактных (непосредственных) взаимодействиях двух субъектов. Например, в ситуации «купли – продажи» возникает целая серия интеракций: один (субъект) покупает, «другой» продает товар; один спрашивает, сколько стоит товар, другой называет его цену; первый (покупатель) вручает продавцу деньги, продавец отдаёт покупателю товар. В каждом отдельном действии «другим» попеременно становится то покупатель, то продавец. Каждое отдельное действие и покупателя, и продавца наполнено смыслом. Оно укоренено в повседневном примордиальном мире и легко понимается каждым из участников интеракции. Важнейшим условием взаимопонимания действующих субъектов является типичность и массовость производимых действий. Типичные действия всегда выражают типичные смыслы, известные всем.

Помимо непосредственных взаимодействий, в которых субъекты попеременно обмениваются действиями и смыслами, существуют социальные действия, предполагающие в своей реализации *опосредованную* смысловую соотнесённость с «Другим». Уже Дж. Мид (основатель американского символического интеракционизма) вводил понятие «обобщённого Другого», важного для понимания «символических значений» действий, производимых субъектами в обществе¹⁹¹.

¹⁹¹ См.: Мид Дж. Г. От жеста к символу. Интернализированные другие и самость. Аз и Я // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во МГУ, 1994.

Переход к «обобщённому Другому» связан с проблемами социализации индивида в обществе. В онтогенезе (детском развитии) на реализацию действий ребёнка значительное влияние оказывают ценности первичного круга его взаимоотношений с родителями и близкими знакомыми. По мере взросления ребёнка его круг значимых (для принятия решений) людей постепенно расширяется и, наконец (обычно при достижении 12 лет), ребёнок входит во второй круг социализации, в открытое общество. Здесь он и сталкивается со смыслами и ценностями, существующими в общественном сознании социума. Это и есть встреча с «обобщённым Другим».

Идея об *опосредованной связи* социального действия индивида с «обобщённым Другим» была детально разработана Вебером, хотя немецкий социолог не использует указанных понятий.

Все действия людей Вебер разбивает на три класса:

- 1) действия *массовые*, совершаемые людьми одновременно, без взаимодействия и согласования друг с другом;
- 2) действия *общностные* (*Vergesellschaftung*);
- 3) действия *общественные* (*Gesellschaftshandeln*), связанные с учётом общественных норм, институтов, традиций.

Массовые действия совершаются людьми при наличии какой-либо общей причины (очень часто природного характера, хотя фактор, их вызывающий, может иметь и социальные истоки). Например, при начале дождя все люди открывают зонтики; при возникновении пожара они стараются быстро покинуть здание; при банкротстве компании её акционеры пытаются одновременно продать свои акции. Массовые действия подобного рода нельзя, с точки зрения Вебера, назвать социальными, ибо в этих действиях отсутствует согласование индивидов *по смыслу* друг с другом. Они реализуются одновременно, независимо и параллельно друг другу.

Общностные действия уже предполагают взаимодействие друг с другом, когда, например, люди общими усилиями вытягивают автомобиль из грязи, или при организации охоты одни гонят зверя по тропе, а другие поджидают его для выстрела. Для реализации общностных действий люди уже договариваются о распределении своих функций, соблюдении определённых правил, со-

гласованности своих действий. Такие действия являются социальными, ибо в них присутствует и субъективный смысл, и его соотнесённость (согласованность) с действиями других людей.

Наконец, общественные действия опираются на существующий в обществе социентальный порядок. Социентальный порядок предполагает наличие в обществе определённых универсальных (общих) норм (правовых, моральных, экономических, политических, религиозных, эстетических); институтов, регулирующих общественную жизнь (суды, банки, почта и т. п.); диверсификацию в обществе социальных ролей (почтмейстера, полицейского, юриста, священника и т. д.); общих социальных законов и традиций.

Общностные и общественные действия вступают в реальности во взаимосвязи друг с другом не всегда прозрачные и чётко разделённые. Наш пример с «куплей – продажей» предполагает, с одной стороны, *общность* действий покупателя и продавца, с другой стороны, и тот и другой действуют с учётом *общественно* ожидаемых (экономических) от них смыслов. Такими общественно значимыми в их взаимодействии смыслами будут признаваемая всеми функция денег как эквивалента стоимости, гарантируемая обществом законность сделки (хотя некоторые товары, например, наркотики обычно запрещаются для продажи) и т. п.

Действия, совершаемые в одиночестве и как бы лично для себя, конечно, не являются общностными. Но они вполне могут быть социальными (общественными), если соответствуют социентальному порядку, учитывают общественные нормы, традиции, ценности. В этом случае «другой» – это не мой сосед или напарник, а опосредованный в моих мотивациях, желаниях, действиях «Другой», каким и является социум. Иначе говоря, «обобщённый Другой» – это и есть общество, в котором я совершаю своё действие. Поэтому мы не можем согласиться с Вебером, который в качестве примера не социального действия приводит молитву, совершаемую в одиночестве. Ведь любая молитва опирается на признание определённых конфессиональных норм, религиозных традиций и смыслов, уходящих в далекую тысячелетнюю историю. Здесь, конечно, присутствует «обобщённый Другой» и даже сакрально персонифицированный Другой в виде Бога.

Наш экскурс в анализ типов социальных действий не уводит нас от проблемы субъективного смысла, а наоборот, вскрывает в нём совершенно неожиданные стороны. Казалось бы, субъективный смысл есть феномен абсолютно субъективный, лишённый какой-либо объективности. Субъективный смысл живёт в моём сознании, является его продуктом, обусловленным моими мотивами и желаниями, в нем всё должно было бы быть личностным. Но даже краткий анализ социальных действий показывает, что в конституировании субъективного смысла своих действий я вынужден учитывать надличностные, объективированные в социуме смыслы: общепризнаваемые знания, нормы, ценности. Это нечто «не моё» всегда присутствует в любом субъективном социальном смысле. Неслучайно Дж. Мид назвал присутствие «обобщенного Другого» в моём сознании «обществом во мне»¹⁹².

Что касается *субъективного смысла*, являющегося целью познания понимающей социологии, то его характеристика Вебером, несмотря на довольно обстоятельные рассуждения немецкого социолога, страдает некоторой недосказанностью и нечёткостью в определениях. Прежде всего, немецкий социолог отличает действия социальные, основанные на предваряющем субъективном смысле актора, от действий физиологических (рефлексивных, интуитивных, аффективных), лишённых осмысленности. С его точки зрения, перед социологом, наблюдающим социальное действие индивида (в его терминологии – актором), стоит задача реконструкции его объективного и субъективного смысла.

Неопределённость толкования субъективного смысла у Вебера осложняется тем, что немецкий социолог вообще понимает под «смыслом». Несколько раз Вебер упоминает такую характеристику «смысла», как его «осмысленность» в сознании действующего субъекта. В соединении с другой важной характеристикой смысла, такой как «предполагаемый» (смысл), получается, что субъективный смысл носит *предваряющий* по отношению к самому социальному действию характер.

Другими словами, субъективный смысл есть, по существу, осмысленный (задуманный, проработанный в сознании, рассчи-

¹⁹² См.: Мид Дж. Г. Указ. соч.

танный по определённом плану) мысленный проект социального действия. Здесь повторяется известная рекомендация для рационального действия: прежде чем сделать что-то, хорошо продумай свои действия и их последствия. Следовательно, субъективный смысл (или просто «смысл») противоположен реактивным, инстинктивным, бессознательным, чисто аффективным, неконтролируемым действиям человека.

Однако у Вебера иногда встречаются суждения о том, что аффективные действия тоже имеют смысл. Вот одно из них: «Во всех этих случаях, в том числе и тех, где действуют аффекты, мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как предполагаемый смысл (выходя тем самым за рамки обычного словоупотребления, где о “предположении” в таком понимании говорят только при рациональном или целенаправленном поведении)»¹⁹³.

Конечно, смысл есть только там, где есть процесс его конституирования в сознании, т. е. осмысления действия. Действия, не осмысленные самим актором, *понять* нельзя, если под пониманием иметь в виду процесс реконструкции наблюдателем «субъективного смысла». Но аффективное, реактивное действие можно *объяснить* (как это делается в естествознании) на основе представлений о причинной связи между аффективным состоянием некоторого действующего индивида и его действием. Страх при пожаре, паника на бирже, гнев, вызванный изменой супруги, – всё это может стать причиной многих бессмысленных поступков. Эта путаница с осмысленными и бессмысленными действиями у Вебера связана с его попыткой трактовать понимающую социологию как науку, однотипную с естественными науками. Поэтому у него правомерными в понимании действий внешним наблюдателем (социологом) признаются два совершенно различных по своим гносеологическим основаниям принципа: каузальный и интерпретативный.

Что же осмысливается субъектом в предположении совершения некоторого социального действия? Конечно, осмысливается всё то, что входит в структуру замышляемого действия: все его

¹⁹³ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 606.

компоненты, как в отдельности, так и в их последовательной взаимосвязи. К ним относятся: мотивы, цели, выбор адекватных средств, способов достижения этих целей, а также все социокультурные условия успеха или неуспеха своих действий. «Чуждыми смыслу, – отмечает Вебер, – остаются все процессы или явления (живой или мёртвой природы, связанные с человеком или происходящие вне его), лишённые *предполагаемого* смыслового содержания, выступающие *не* в качестве “средства” или “цели” поведения, а являющие собой лишь его повод, стимул или помеху»¹⁹⁴

Когда все эти компоненты осмыслены актором, мы имеем дело, по Веберу, с правильным, идеальным типом действия. С точки зрения нашего социолога, такой тип действий наиболее понятен внешнему наблюдателю по своим смысловым взаимосвязям: мотив обуславливает цель, цель становится основанием для выбора подходящих (адекватных) средств, и далее по определённому плану (осмысленной стратегии) осуществляются операции (действия) по достижению поставленной цели. Такая взаимная обусловленность смыслов в идеальном типе действий кладётся в основу веберовского понятия «рационального действия».

Однако Вебер понимает, что идеальный тип действия реализуется в действительности крайне редко именно потому, что в сознании субъекта чаще всего рациональное тесно переплетается с иррациональным, осмысленное – с аффективным. «Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовём его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, – утверждает Вебер, – не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру, ...находится на границе того и другого. Осмысленное, т. е. доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других – может быть обнаружено только специалистами. Мистические, т. е. адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны»¹⁹⁵.

Напомним, что все переживания в сфере сознания, а также и формируемый ими субъективный смысл, не доступны наблюде-

¹⁹⁴ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 606.

¹⁹⁵ Там же. С. 603.

нию со стороны другого субъекта. Как же мы можем понять тогда предполагаемый (в сознании) субъективный смысл? Вот здесь и возникает герменевтическая проблематика «объективного смысла». Следует заметить, что в работах немецкого социолога практически отсутствует указанный термин. Лишь в примечании (один раз) он разъясняет, что его «педантическая пристрастность изложения объясняется желанием строго различать *субъективно* предполагаемый смысл от объективно значимого...»¹⁹⁶.

Чаще всего термин «объективность» Вебер употребляет в гносеологическом, но отнюдь не в герменевтическом толковании. Термин «объективное» автор понимающей социологии связывает с возможностями социолога реконструировать (познать) субъективный смысл актора.

Чтобы понять позицию Вебера, обратимся к примеру из физики. Конечно, критически мыслящий физик понимает, что в самой природе смыслов не существует (природа не мыслит). Однако в процессе познания учёный конструирует смыслы физических гипотез, законов, моделей теорий и т. д. Обо всех этих формах смысла (сконструированных физиком) наш учёный может сказать, что они правильны (или не правильны), истинны (или ложны), объективны (или субъективны). Объективность, конечно, будет трактоваться в данном случае как степень наибольшего приближения физических знаний (смыслов) к действительности. Почти то же самое толкование «объективности» мы находим в понимающей социологии Вебера.

Теперь вернёмся к истокам понимающей социологии. Она строится Вебером как методология понимания социологом смысла наблюдаемого им социального действия. Но о каком смысле идёт речь? В решении поставленной задачи у нас возможны два решения поставленной задачи.

Во-первых, речь может идти о реконструкции предполагаемого актором смысла, который Вебер называет субъективным смыслом. Но этот смысл не наблюдаем в принципе. Пока не ясно даже, как к нему можно подступиться.

¹⁹⁶ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. С. 546.

Во-вторых, речь может идти о смысле самого социолога (или постороннего наблюдателя), который им устанавливается при наблюдении манифестированных действий актора.

Герменевтическая установка в понимании социальных действий исходит из того, что актор действовал осмысленно (т. е. руководствовался некоторыми субъективными смыслами в планировании и производстве своих действий). Поэтому важнейшей задачей герменевта является конституирование такого смысла о наблюдаемых действиях, который можно было бы интерпретировать как субъективный смысл самого действующего субъекта. Он должен быть, как говорит Вебер, объективно правильным, т. е. соответствовать «субъективному смыслу» актора. Это и есть одно из гносеологических требований понимающей социологии, которое можно сформулировать в виде каламбура: объективный смысл (социолога) должен соответствовать субъективному смыслу (актора).

Но как подступиться к этому ненаблюдаемому, внешне не проявляемому субъективному смыслу? У нас есть только одна зацепка, необходимая для реконструкции скрытого смысла актора. Это само манифестированное, внешне проявляемое в каких-то операциях действие актора. Эта герменевтическая установка социолога знакома каждому из нас, когда мы пытаемся понять в жизненном мире скрытые (предпосылочные) смыслы действующих индивидов по их проявлениям в реализуемых ими делах и поступках. Другими словами, мы считаем, что между делами (манифестированными действиями) людей и их предпосылочными смыслами существует необходимая связь. Задуманное (запланированное) в проекте действующего субъекта должно как-то воплотиться в его внешне манифестированном действии. Опираясь на эту связь, можно попытаться перекинуть смысловой мостик от смысла наблюдаемого действия к скрытому субъективному смыслу действующего субъекта. Вот это проявляемое во внешнем мире манифестированное действие и можно назвать «объективным смыслом». Вернее, можно утверждать, что манифестированное действие хранит в себе «опредмеченный» субъективный смысл актора.

Так, наблюдая сидящего на берегу реки человека с удочкой, мы говорим, что «рыбак ловит рыбу», а, увидев в лесу человека, рубящего топором деревья, мы говорим, что «лесоруб рубит лес». Это и есть «объективные смыслы». Их объективность заключается в том, что они выражены в материальной форме, наблюдаемы (правильнее сказать, проявляются в наблюдаемых действиях акторов), являются источником для наших предположений о «субъективных смыслах» действующих субъектов. Без опредмеченных (объективных) смыслов вообще невозможны никакие медитации (термин Гуссерля) по поводу «субъективных смыслов».

Это хорошо понимает Вебер. Говоря о возможностях раскрытия мотивов социального действия (а именно это и есть основная задача понимающей социологии), немецкий социолог отмечает: «Сначала надо знать, что *делает* “король”, “чиновник”, “предприниматель”, “сутенёр”, “колдун”, т. е. какое действие индивида данного типа ... важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдём к такому анализу (субъективного смысла. — *А. К.*)»¹⁹⁷.

Недостатком работы Вебера является то, что он не останавливается на каких-либо определениях самой общей категории смысла, считая, по-видимому, это понятие известным читателю. Правда, он подчёркивает связь смысла с мышлением актора, его задумкой, т. е. с мотивом, целью, планированием. Это и есть субъективный смысл актора. Объективный смысл, как его трактует Вебер, есть опредмеченный и наблюдаемый смысл, не нуждающийся в каких-либо определениях, понятный каждому человеку, живущему в данном социуме.

Правда, Вебер полагает, что реальные действия людей довольно типичны, и мы поэтому легко их понимаем. Однако эту идею «типичности» действий в жизненном мире немецкий социолог глубоко не развивает. В дальнейшем социальные феноменологии подробно проанализировали происхождение «типичности» социальных действий и вскрыли процесс формирования их общезначимых смыслов в социуме.

¹⁹⁷ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 619.

Однако проблема *означения* наблюдаемого действия (т. е. наделения его смыслом) не так проста, как кажется на первый взгляд. Не случайно А. Шюц, критикуя М. Вебера, отмечает, что то, что последний назвал «объективным смыслом» действия, является на самом деле интерпретативным смыслом наблюдателя. И здесь автор социальной феноменологии, конечно, прав.

Следует снова напомнить, что родной стихией обитания «смысла» является сознание человека. Герменевтический процесс понимания предполагает наличие двух сознаний и их взаимосвязь. Первое, исходное, сознание творца (демиурга действия) конституирует предваряющий смысл (проект) действия. Второе – сознание интерпретатора – реконструирует предполагаемый смысл актора. Этот процесс реконструкции исходного смысла в герменевтике принято называть интерпретацией. Посредником смысловой связи двух сознаний и является манифестированное действие. Здесь дело обстоит примерно так же, как и в речевом общении. Говорящий (субъект) опредмечивает свой субъективный смысл в словах (материальных носителях информации), а слушающий (субъект) распредмечивает их, опираясь на общезначимый смысл слов, существующих в тезаурусе национального языка.

Приступая к задаче понимания какого-либо социального действия, наблюдатель (социолог) вынужден в первую очередь интерпретировать «объективный смысл» наблюдаемого действия. Есть все основания полагать, что если действие *типично* (в определённой культуре в определённое время), то этот смысл одинаково интерпретируют и актор, и наблюдатель. Если спросить человека, орудующего удочкой на берегу реки, что он делает, то наблюдатель получит вероятный ответ: «Ловлю рыбу». Но наблюдатель и без вопроса мог бы сформулировать для себя смысл наблюдаемого действия: *человек ловит рыбу*. Этот смысл он конституирует по некоторым *релевантным* для «ловли рыбы» действиям. И это требование релевантности является очень важным фактором в формировании смысла, возникающего у наблюдателя относительно действий актора. То обстоятельство, что «объективный смысл» реконструируется наблюдателем путём интерпретации действий актора, отнюдь не гарантирует его «подлинности», т. е. его соответствия имманентным (задуманным) смыслам самого актора.

Обратимся к примеру из недалекой старины. Русский крестьянин, собираясь нарубить в лесу дров, запрягал в телегу лошадь, складывал в неё топор, пилу, но перед выездом обычно перекрещивался. Спрашивается, является ли этот сакральный жест релевантным для рубки леса? Современный наблюдатель сказал бы, что это крещение не релевантно для действий, называемых «рубкой леса», но для нашего крестьянина оно имело «субъективный смысл». Приведённый пример с интерпретацией «объективных смыслов» особенно характерен для туриста, попадающего в чужую культуру, резко отличную от среды постоянного обитания путешественника или для этнографа, интересующегося культурой архаических обществ. Во всех этих случаях возникают большие трудности в понимании «объективных смыслов». Подобная непреодолимая трудность в понимании возникает также у русского человека, когда китаец обращается к нему на своём языке.

Препятствия на пути понимания объективных смыслов возникают в силу потери коммуникативной функции знака. Известно, что знак как носитель информации должен иметь двустороннюю структуру. Как отмечал Ф. Соссюр, любой знак должен обладать материальной (внешней) формой и внутренним (смысловым) содержанием, означающим (звук, изображение, действие) и означаемым (значением). В случае отсутствия какого-либо компонента всякая коммуникация прекращается, как и исчезает возможность понимания «Другого» (человека). Отсутствие материальной формы знака означает недоступность какой-либо информации (её источника) для коммуниканта (адресата, внешнего наблюдателя). Отсутствие означаемого в знаке равносильно признанию его бессмысленности, в этом случае мы не можем сказать, знаком «чего» он является¹⁹⁸.

Вместе с указанными требованиями к знаку, необходимыми его качествами также являются: 1) для материальной формы – её общепринятая конвенциональность (в пределах определенного сообщества), что обеспечивает узнаваемость знака; 2) для смысла (означаемого) – его определённости, ясность, непротиворечивость.

¹⁹⁸ Критику постмодернистской концепции потери «означаемого» см.: *Кравец А. С.* Теория смысла Ж. Делёза : pro и contra.

Социальное действие не является знаком в общепринятом (в лингвистике, семиотике) значении этого слова. Главная функция знака – это трансляция некоторого смысла или, выражаясь языком информатики, передача информации. Главная функция социального действия – это некое изменение в мире, порождение социального события (от покупки товара до полета в космос). Но поскольку социальные действия совершаются на основе предваряющего смысла действующего субъекта, и этот субъективный смысл запечатлевается в результатах творения, постольку материальные операции деятельности и сам материализованный продукт творчества могут стать для внешнего наблюдателя специфическими знаками смыслов деятельности. Их правильнее назвать *квазизнаками*, поскольку знаковая (коммуникативная) функция у них вторична. Так, скульптура Афродиты является в первую очередь предметом искусства, а во вторую очередь – транслятором смыслов, вложенных в неё скульптором; электрический утюг является предметом утвари, но вместе с тем и носителем информации о его функциях и устройстве, задуманных и воплощённых в нём конструктором. С современных культурологических позиций вся культура трактуется как текст¹⁹⁹.

Наблюдатель каких-либо проявленных действий актора встаёт перед очень непростой проблемой трактовки их смысла. Во-первых, он может трактовать некоторый незнакомый жест актора как не релевантный общему рациональному смыслу совершаемого действия, т. е. попросту его игнорировать. Во-вторых, он может оценить этот жест как знак с не известным наблюдателю смыслом и попытаться ввести гипотезы о влиянии мистических традиций на действия актора, существовании исторических (окказиональных) культурных особенностей производимых действий в данной местности, либо, наконец, считать следствием неадекватного психического состояния действующего субъекта. В любом случае в трактовке объективного смысла перед наблюдателем возникает препятствие, герменевтический провал.

На уровне повседневного мира «объективные смыслы» манифестированных (проявленных) действий обычно понятны для

¹⁹⁹ См.: Лотман Ю. Ф. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. С. 704.

современников в силу их типичности. Более того, эти смыслы зафиксированы в национальном языке и хорошо описаны. Другое дело с профессионализированными смыслами (научными, техническими, религиозными и т. д.). Они понятны лишь для профессионалов, но недоступны широкому кругу людей. Так что с утверждением Вебера об общепонятности «объективных смыслов» в принципе можно согласиться с указанными оговорками.

Допустим, мы установили смысл манифестированного актором действия более или менее правильно, т. е. в соответствии с его задуманным субъективным смыслом. Но на этом задача понимания субъективного смысла не заканчивается, а только начинается. Объективные смыслы – это только небольшая, надводная, видимая часть смыслового айсберга. Самую трудную для наблюдателя задачу представляет загадка *не наблюдаемого* «субъективного смысла» действий, в который входит, прежде всего, предполагаемый мотив действий актора.

Вернёмся к веберовскому примеру с лесорубом. Наблюдатель установил объективный смысл действий лесоруба: *«он рубит лес»*. Но для чего? Это вопрос о мотиве действия, который, к сожалению, не наблюдаем. Вопрос о мотиве действий не является праздным любопытством или абстрактным философским интересом. Он имеет важнейшее практическое значение во взаимопонимании людей. Именно поэтому вопросу о мотивах действия уделяют большое внимание и Вебер, и Шюц, и лингвисты, изучающие речевые акты.

Для социологов важно выяснить не только статистическое распределение голосов на выборах, но и объяснить мотивы дифференцированного голосования избирателей. В юридической практике судья старается выявить мотивы преступления обвиняемого, чтобы вынести адекватное обвинение. В общественных, т. е. совместных действиях партнёры для достижения коллективного успеха стараются скоррелировать свои мотивы. В речевых актах для их понимания очень важно установить мотивы говорящего. Например, когда соседу за столом некий человек задаёт вопрос: *«Не можете ли вы подать мне соль?»* – слушающий должен выяснить истинные мотивы вопроса. И, прежде всего, решить, что ему задан не вопрос о его физических возможностях (может или не

может подать соль), а сформулирована мотивированная просьба: спрашивающий нуждается в соли.

Мотив – это желание действующего, нужда в чём-либо, осознание для себя необходимости добиться каких-то результатов, осмысленная предрасположенность к какому-либо действию. Именно осмысленный мотив получает развитие в дальнейшем конституировании в сознании цели, плана, способов деятельности, выбора средств её осуществления. Мотивом, пишет Вебер, «называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определённого действия»²⁰⁰.

Каким образом социолог может понять мотив социального действия? Прежде всего, Вебер признаёт, что между мотивом и свершившимся действием существует связь, которую он называет «смысловым единством». Эта связь, безусловно, носит логический характер. Её логичность заключается не столько в применении законов формальной логики, сколько в размышлениях субъекта о возможных предпосылках реализации своих желаний, планировании способов практических действий, выборе наиболее успешных путей достижения своей цели. Все эти размышления протекают в сфере сознания действующего субъекта и являются конституантами субъективного смысла. Позиция социолога тоже, по существу, логическая: на основе «объективного смысла», т. е. интерпретированного им смысла наблюдаемого действия актора, он должен восстановить (реконструировать) его мотив. Эта связь смыслов (объективного и субъективного) всегда является, по Веберу, вероятной, ибо одни и те же действия люди могут совершать на основе различных мотивов.

Немецкий социолог разрабатывает методологию, позволяющую, с его точки зрения, реконструировать мотивы наблюдаемого действия актора. В основе этой методологии лежит понятие идеального типа.

Идеальный тип, по мысли Вебера, – это, прежде всего, методологический конструкт, позволяющий социологу восстановить смысловую связь мотива и действия актора. Идеальный тип, как

²⁰⁰ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 611.

утверждает немецкий социолог, должен действовать рационально. Это значит, что действующий рационально субъект продумывает свои действия, планирует их в соответствии – смысловом единстве – с мотивом. Поэтому смысл мотива в рациональном действии является порождающим фактором для конституирования смыслов цели, выбора средств и планирования стратегии деятельности. Выражаясь языком логики, можно сказать, что для рационально действующего субъекта мотив является *необходимым* условием конституирования всех компонентов деятельности или его причиной. Опираясь на предполагаемое смысловое единство мотива и всех компонентов деятельности рационального субъекта, социолог может «подобрать», т. е. восстановить в своём сознании, предполагаемый субъектом мотив.

«“Адекватным смыслу”, – утверждает немецкий социолог, – мы назовём единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством»²⁰¹.

Автор понимающей социологии хорошо осознаёт, что «идеальный тип» – довольно редкое явление в социальной действительности. В своих поступках и действиях люди часто опираются на жизненные императивы, которые трудно назвать рациональными. В их сознании нередко происходит борьба и даже конфликты внутренних мотивов, иррациональное тесно переплетается с рациональным. В типических действиях люди обычно руководствуются общечеловеческими ценностями как исходной основой мотивации, но не исключением являются и порочные стремления: тщеславие, зависть, корысть, лицемерие, месть и т. п. Поэтому социолог, приступающий к реконструкции субъективного мотива, должен быть весьма осторожен в своих предположениях о его рациональности.

Вебер говорит о возможных познавательных ситуациях в наблюдении действий различных акторов. Социолог может считать, что актер действовал рационально, тогда как он на самом деле

²⁰¹ Там же. С. 611–612.

действовал интуитивно, реактивно (т. е. не осознанно), иррационально. И, наоборот, социолог может исходить из гипотезы иррациональности наблюдаемых действий, тогда как на самом деле они были вполне рациональны. Так что ситуация, когда замыслы действующего субъекта и предположения о них наблюдающего социолога совпадают, является скорее редким и счастливым для социолога случаем. И это совпадение позиций наблюдателя и действующего субъекта наиболее вероятно для «идеального типа», для действий типических, опирающихся на соблюдение общественных норм, коллективных установлений, доминирующих в обществе ценностей.

В установлении мотива действий социолог должен, по мысли Вебера, руководствоваться двумя методологическими принципами: 1) адекватной смысловой связи (мотива и действия); 2) каузальной адекватности (возможного мотива). Эти принципы не столь очевидны, как может показаться, и не очень чётко определены Вебером.

Дело в том, что немецкий социолог пытается найти некоторые методологические гарантии в тонком процессе реконструкции подлинных мотивов актора. Этот процесс предполагает выстраивание со стороны социолога (или некоторого внешнего наблюдателя) логического моста от наблюдаемого действия к ненаблюдаемому скрытому мотиву, от объективного смысла к субъективному. «В науке, предметом которой является смысл поведения, “объяснить” означает постигнуть смысловую *связь*, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие»²⁰².

Именно эту логическую конструкцию, если она правильна (т. е. соответствует тому, что планировал актор в своём сознании), автор понимающей социологии и называет «адекватной смысловой связью».

Но где гарантии, что социолог осуществил эту реконструкцию «правильно»? По мнению Вебера, представление социолога о мотиве действия актора будет «правильным», если этот мотив *действительно* являлся запускающей (порождающей) причиной

²⁰² Вебер М. Основные социологические понятия. С. 608–609.

всех компонентов деятельности актора, подобно тому, как действие магнитного поля отклоняет положение магнитной стрелки. Вебер, собственно говоря, и определяет мотив рационального действия довольно традиционно. «Мотивом, – пишет он, – называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определённого действия»²⁰³.

Конечно, автор понимающей социологии отнюдь не считает «мотив» некой разновидностью «природной причинности». Мотив – это смысл, имеющий императивную силу для субъекта действия. Он зарождается в сознании этого субъекта и относится к сфере субъективного смысла. Если операциональное действие, которое также зарождается в сфере субъективного смысла, в конечном счёте опредмечивается в делах и поступках субъекта, то мотив так и остаётся в сознании актора. Следовательно, каузальность мотива означает возникновение осмысленного желания, т. е. замысла индивида совершить необходимое действие для реализации определённой цели (будущего желаемого результата). Так, прочитывается мотив в описании: «*Он хотел стать юристом, усиленно готовился к экзаменам и поступил на юридический факультет университета*».

Из сказанного напрашивается вывод, что каузальность, о которой говорит немецкий социолог, по существу, совпадает с принципом адекватной смысловой связи мотива и действия. И, действительно, Вебер сам подтверждает эту мысль: «Правильное каузальное толкование *типичного* действия (понятого типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется (в известной степени) адекватным смыслу и может быть установлен как (в известной степени) каузально адекватный»²⁰⁴. Казалось бы, что наличие двух принципов истолкования осмысленного действия (смыслового и каузального) в концепции Вебера становится излишним, ибо они означают одно и то же: смысловую связь мотива и действия.

Однако нам представляется, что подобный отказ от принципа каузальности (мотива) был бы неверным с точки зрения понима-

²⁰³ Там же. С. 611.

²⁰⁴ Там же. С. 612.

ния особенностей социальной деятельности человека. Принцип каузальности является более сильным по своей детерминирующей действенности, чем принцип смысловой связи мотива и действия. Сам смысл желания, потребности, нужды в чём-либо ещё не предопределяет реальных действий индивида. От мечты к действию – дистанция огромного размера. Чтобы мотив претворился в практическое действие, необходима ещё решительность действовать в желаемом направлении, необходимо соединение смысла с волей, с решимостью воплотить замысел в действительности.

Нам представляется, что в принципе каузальности Вебер и хотел выразить эту детерминирующую особенность подлинного (т.е. действующего) мотива. Вместе с тем существуют и такие действия индивидов, в которых вообще отсутствует осмысленный мотив. Это действия инстинктивные, реактивные, аффективные. К их объяснению не применим принцип адекватной смысловой связи мотива и действия, но обычно для их объяснения часто применяют (юристы, социологи, другие наблюдатели) принцип каузальности в особой его трактовке – как внешней причины, вызвавшей реактивное действие субъекта.

Вернёмся к смысловой схематике социального действия. Эта схематика предусматривает переход из сферы субъективного смысла в сферу практических действий, от замысла к действию, от желаний к их осуществлению. Однако замышляемое субъектом желание ещё не определяет жёстко того, *что* он будет в конечном счёте – предпринимать или не предпринимать.

В работе Дж. Сёрла критикуется старая классическая (юмовская) концепция человеческого действия, согласно которой путь от мотива к результату развивается как жёстко детерминированная цепь запланированных действий, по аналогии с природной (механической) причинностью²⁰⁵. С точки зрения автора, в реальности актер всегда может разорвать замышляемую цепь операций. Он может отказаться в силу реальных препятствий от первоначального замысла и сформировать новый мотив и цель действия, использовать новые средства или тактику действий и т. д. Между каждой из операций, направленных на достижение цели, по мысли

²⁰⁵ См.: Сёрл Дж. Р. Рациональность в действии.

Сёрла, существуют «смысловые разрывы». Именно поэтому мотив никогда не является достаточным условием рациональной деятельности, а представляет её необходимое условие.

С точки зрения логики, необходимое условие *A* (например, мотив) обуславливает лишь возможность некоторого действия *B*, но если *A* не реализовано, то *B* не может наступить. Достаточное условие *A*, наоборот, предопределяет однозначно (каузально) некоторое действие *B*, а его нереализация допускает лишь возможность этого действия.

Рациональная деятельность в идеально-типическом случае всегда опирается на некоторый осмысленный мотив, но этот мотив может быть реализован в различных вариантах предпринимаемых действий. При этом одни и те же действия индивидов реализуются «сплошь и рядом» при весьма различных мотивациях.

Необходимо отметить, что сам Вебер, рассматривая феномен рациональности человеческих действий, говорил о чрезвычайной сложности её установления применительно к действиям конкретного индивида. Не всё, что представляется для действующего субъекта рациональным, является таковым для наблюдающего социолога.

Вообще, понятие «рациональность» имеет релятивный характер по отношению к мыслительным и практическим способностям человека. Оно зависит от богатства жизненного опыта человека, степени его образованности, социокультурных особенностей развития. Человек может вести себя весьма рационально в одних ситуациях и крайне иррационально в других ситуациях.

В чём же тогда эвристическая ценность конструкта «идеального типа» М. Вебера? По мысли немецкого социолога, идеальный тип (подобно идеальным объектам физики) – это некоторая идеализированная модель актора, действующего абсолютно рационально, осмысленно. Именно такие действия предполагают смысловую связанность всех компонентов: мотива, цели, плана, выбора средств и осуществления практических операций, направленных на достижение цели. Только в такой модели существует согласованность между принципом смысловой адекватности (связи) всех компонентов деятельности и принципом каузальности мотива по отношению к действию. Опираясь на эту идеализиро-

ванную модель, социолог может строить предположения относительно мотивов наблюдаемых действий.

По существу, социолог вынужден прибегать к мысленному эксперименту относительно ненаблюдаемых мотивов действия. Сначала он устанавливает «объективный смысл» наблюдаемых действий и на основе стандартной (типической модели) делает предположения о том, как бы выглядела эта деятельность, если бы она была идеально рациональной. Если социолог обнаружит отклонения от стандартной модели, т. е. нарушение идеальной рациональности, то он может попытаться скорректировать свои представления о подлинных мотивах действующего субъекта. Он может объяснить нарушение субъектом рациональности в своих действиях какой-либо внешней причиной: нервным срывом, депрессией, давлением со стороны, страхом, эйфорией и т. п.

Учитывая вариабельность рациональности в реальных действиях субъектов, Вебер вводит представление о четырёх типах социальных действий. Действия могут быть: целерациональными, ценностно-рациональными, аффективными и традиционными. Лишь первые два вида действий (целерациональный и ценностно-рациональный) немецкий социолог относит к рациональному поведению, два других он считает нерациональными. В целерациональном действии все компоненты связаны адекватной смысловой связью, а мотив входит в состав действия. Этот вид действия наиболее прозрачен для понимания. «Целерационально действует тот индивид, — отмечает Вебер, — чьё поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий»²⁰⁶.

Ценностно-рациональное действие совершается не ради его конкретного практического результата, а ради личностных убеждений о долге, достоинстве, красоте, религиозных предназначениях, благочестии и т. п. Здесь мотив (высшая ценность, которую разделяет действующий субъект) не входит в структуру самого действия, безразличен к цели и результату действия. Для действующего субъекта важно лишь, чтобы сама деятельность соответствовала «благородным» идеалам. «Чисто ценностно-рационально, — по Веберу, — действует тот, кто невзирая на возможные

²⁰⁶ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 629.

последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода»²⁰⁷. С позиции целерационального субъекта ценностно-рациональная деятельность всегда представляется нерациональной.

Традиционное действие, согласно Веберу, совершается по привычке, на основе подражания, т. е. без осмысленных мотивов. Субъект действует в этом случае по принципу «так действуют все» или «так поступали мои предки». Принцип «адекватной смысловой связи» для понимания традиционных (неосмысленных) действий не применим, но зато применим усечённый принцип каузального объяснения: «субъект действует так, как мы видим, потому что он следует древним традициям».

То же самое происходит с восприятием действий, обусловленных аффектом. В аффективном действии нет предваряющего размышления, сознательного его планирования: «Индивид действует под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были»²⁰⁸.

Правда, Вебер иногда оговаривается, что аффективные действия удаётся объяснить на основе «смысловых связей» между аффектом и наблюдаемым действием. Однако на самом деле это объяснение основано не на предполагаемом отрефлексированном смысле, существовавшем в сознании действующего, а на каузальном объяснении внешнего наблюдателя (социолога, судьи т. д.). Когда судья говорит, что обвиняемый совершил убийство в состоянии аффекта, то он конструирует *смысл причины* убийства. Эта смысловая связь причинно-следственного характера возникает в голове судьи, тогда как обвиняемый действовал реактивно, без предварительного замысла.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. С. 628.

§ 2. Социальная феноменология в поисках смысла

Дело М. Вебера в раскрытии основ понимания социальных действий индивидов продолжил австрийский учёный (впоследствии мигрировавший в США) А. Шюц. Его считают основателем социальной феноменологии. Основные идеи феноменологического анализа социальных действий изложены А. Шюцем в его работе 1932 года «Смысловое строение социального мира»²⁰⁹.

С точки зрения Шюца, Веберу, ориентирующемуся на свою методологию идеальных типов, не удалось последовательно разрешить проблему понимания смысла социального действия. Австрийский учёный возвращается к вопросу о том, что же мы понимаем, когда исходим из установки понимания рационального действия: смысл наблюдаемого действия или смысл, который имеет в виду актор, осуществляющий определённое действие. Ответ Шюца заключается в том, что мы всегда понимаем смысл действия, как он представляется внешнему наблюдателю, но это не совсем то, или даже совсем не то, когда мы говорим о подлинном (субъективном) смысле актора (*alter ego*).

Для того чтобы понять «субъективный смысл» действующего субъекта, по мнению Шюца, следует прежде всего уяснить само понятие смысла и ответить на вопрос, каким образом человек создаёт смыслы. Для ответа на эти вопросы Шюц обращается к творчеству великого немецкого философа Э. Гуссерля, создателя трансцендентальной феноменологии.

С точки зрения Шюца, Гуссерль выявил способ формирования смысла человеком в своих внутренних переживаниях, в особой форме рефлексии, которую автор трансцендентальной феноменологии назвал «феноменологической установкой». Эта установка, по мнению Гуссерля, присуща только философскому разуму. Смыслы, по мнению немецкого феноменолога, всегда являются субъективным продуктом человеческого творчества. Понятие «объективного смысла» для него представляет нонсенс. Именно в «естественной установке», существующей в жизненном мире, как считает Гуссерль, происходит реификация смысла, когда не реф-

²⁰⁹ Шюц А. Указ. соч.

лектирующий субъект (массового сознания) отождествляет смыслы с вещами.

Ставя задачу объяснения процесса понимания социальных действий, Шюц возвращается к «естественной установке», доминирующей в жизненном мире. Социальный феноменолог считает, что, если мы желаем понять, как действующие люди понимают друг друга, мы должны исходить из существования смыслов «жизненного мира», в которых люди воспринимают и объясняют вещи жизненного мира, социальные действия друг друга и собственные интенции. Но это не означает тождества смыслов и вещей.

Для анализа процесса понимания действий актора, как считает Шюц, весьма важным является различение объективного и субъективного смыслов. А. Шюц подвергает критике позицию М. Вебера по этим вопросам.

Прежде всего, он показывает проблематичность самого понятия объективного смысла.

Объективный смысл, устанавливаемый наблюдателем, – это всегда смысл наблюдателя, подводящего (интерпретирующего) действия актора под свой прошлый опыт. Так, наблюдатель опознаёт в действиях лесоруба объективный смысл – «рубка леса». У другого наблюдателя, вообще говоря, может сформироваться другой смысл наблюдаемых действий. Достаточно предположить, что в опыт наблюдателя не входит знание какой-либо профессиональной деятельности. Например, на телевизионном экране наблюдатель видит какие-то манипуляции астронавта. Вряд ли наблюдатель соотносит эти действия с каким-либо содержательным смыслом. Вообще говоря, в установке на «объективный смысл» наблюдатель, по существу, производит *означение* внешних феноменов, точно так же, как услышав лай, он говорит: «Собака лает». Это и есть веберовский «объективный смысл».

Следовательно, в объективной установке наблюдатель не предполагает у актора никакого конституированного потока переживаний, т. е. никакого *подразумеваемого смысла* у актора. Это хорошо видно в примере с собакой. Утверждая, что собака лает, наблюдатель отнюдь не предполагает, что у собаки существует какой-то «свой» смысл. Он просто констатирует смысл происходящего явления (*собака лает*). Таким образом, в установке объек-

тивности (а это и есть естественная установка человека, живущего в мире) сознание актора вообще не присутствует. Эта установка определяет смысл действий, конституированный самим наблюдателем, но не субъективный смысл действующего.

Теперь предположим, что наблюдатель наблюдает какой-то отдельный вырванный фрагмент из деятельности актора. Например, человек прицеливается. Может ли наблюдатель сказать, что он наблюдает охоту или сцену убийства? Конечно, нет. Ведь актер мог иметь в виду (задумать) попугать кого-то своим прицеливанием. Отличие действий человека от проявлений жизнедеятельности собаки существенно отличается (у человека) своей осмысленностью, что означает их планируемость в модусе предвосхищения, проектирования. Мотив скрыт от наблюдателя, он находится в сознании действующего. Следовательно, в установке объективности мы не пробиваемся к смыслам актора, даже наблюдая его действия.

Наоборот, если мы поставим вопрос о конституировании собственного смысла действующего, мы должны будем, по Шюцу, обратиться к его потоку переживаний, т. е. к сфере субъективных переживаний актора, конституирующих его личностный смысл.

В субъективный смысл входят замыслы (мотивы и цели) актора. Если объективный смысл проявляется в манифестированных действиях актора, то мотив чаще всего скрыт от взора наблюдателя. Шюц вводит чёткое разделение двух типов мотива. Первый тип – это мотив «для того чтобы», направляющий и регулирующий деятельность. В нём актер предвосхищает будущий результат деятельности. Второй тип – это мотив «потому что», отвечающий на вопрос, почему актер приступил к той или иной конкретной деятельности. Он лежит вне контекста деятельности и коренится в личностных обстоятельствах жизни актора.

И тот и другой мотивы имеют место в рациональной деятельности и чрезвычайно важны для её понимания. Ошибкой Вебера Шюц считает неразличение этих двух типов мотива. Мотив «для того чтобы» детерминирует пофазовое развёртывание деятельности по единому плану, от замысла – к его осуществлению. Мотив «потому что» объясняет возникновение самого замысла,

относит нас к биографически детерминированной истории зарождения (генезиса) замысла, т. е. к жизненным обстоятельствам, подтолкнувшим индивида к определённым действиям.

Мотив «для того чтобы» задаёт смысловой контекст плана действий. Он находится уже внутри деятельности, ибо планирует цель в *modofuturiehacti*, т. е. как свершившееся в будущем переживание. Для каждого замышляемого действия в пофазово развёртывающейся деятельности существен вопрос «для чего?», ответом на который будет замышляемое действие в модусе свершившегося, предвосхищаемого будущего. Поэтому мотив «для того чтобы» задаёт смысловой контекст, который рассматривает любое действие как включённое в план, реализующий конечную цель.

Мотив «потому что» нацеливает на поиск причин обращения актора к той или иной деятельности. Подлинный мотив «*потому что*» всегда связан с конституированием замысла, предшествует замыслу и находится вне конкретно планируемой деятельности. По Шюцу, основания деятельности (или мотивы «потому что») — это всегда биографически детерминированная значимость, подталкивающая субъекта к определённой деятельности, а именно — к формированию замысла. По существу, это означает, что мотив «потому-что» не входит в смысловую связь компонентов деятельности, т. е. непосредственно в её субъективный смысл.

Заслугой А. Шюца является анализ различных ситуаций отношений *ego* и *alter ego*, в которых он оценивает шансы понимания субъективного смысла *alter ego*. Исходной моделью понимания у Шюца является двучленное отношение «Я — Другой». При объяснении взаимопонимания «Я и Ты» у Шюца появляются экзистенциалистские нотки.

Взаимопонимание Я и Ты, согласно Шюцу, имеет свои объективные и субъективные шансы. Объективный шанс в понимании Другого заключается в том, что я обращаю внимание на Другого, включаю его деятельность (вернее, манифестированные её симптомы) в план своего сознания (в поток своей длительности), а Другой, в свою очередь, находится по отношению ко мне в такой же установке на *alter ego*. Другими словами, между нами устанавливаются какие-то корреспондирующие отношения. Если я обращён к Другому с замыслом мотива-для, а он, в свою очередь, от-

носится ко мне заинтересованно с замыслом мотива-потому-что (т. е. готов ответить мне соответствующей реакцией), то можно говорить об установлении между нами социального отношения. Если такое отношение в действительности установилось, то существует реальный объективный шанс нашего взаимопонимания.

Однако этот шанс может быть по-разному использован каждым из нас: в зависимости от наших обращённостей друг к другу в живой интенциональности, во внимании к потокам наших переживаний в их длительности, т. е. во внимании не только к наличному бытию, но и к Так-бытию каждого, к способности включить в свои переживания мотивационные контексты Я и Ты, и, соответственно, к способности применить интерпретативные схемы по отношению к деятельности друг друга.

Другими словами, мои ожидания по отношению к «Другому», касающиеся его внимания ко мне, толкуемости моих действий, проникновения в мои замыслы (определения мотива-для), могут быть осуществлены в большей или меньшей мере. Точно так же и «Другой» имеет определённые ожидания моих ответных действий, которые не всегда реализуются, с его точки зрения, полностью. Таким образом, истолкование деятельности «Другого» всегда имеет субъективные шансы, зависящие от реализации объективного шанса в действиях каждого интерпретатора.

Идеальным случаем объективного шанса во взаимопонимании является диалог, т. е. обращённая друг к другу речь коммуникантов: Я обращаюсь с высказыванием к тебе, Ты отвечаешь высказыванием мне.

Диалог осуществляется в обстановке близости коммуникантов, когда партнёр находится в пределах слышимости и видимости, ему доступны не только слова другого (т. е. знаки), но и симптомы (телодвижения, например, мимика). Диалог осуществляется в общей для коммуникантов контекстной (т. е. находящейся за пределами самих высказываний, референтной) ситуации, которая часто является логической подсказкой в понимании смысла сказанного. В диалоге Я обращаюсь к тебе с надеждой, что я попал в поле твоего зрения, что Ты обратишь своё внимание на меня, что Ты услышишь меня, поймёшь смысл сказанного и ответишь мне. Последнее означает, что Ты надеешься на то, что и Я не упускаю

тебя из виду, что я заинтересован в твоём ответе. Другими словами, в ситуации диалога Я отношусь к тебе в установке *alter ego*, как и Ты находишься по отношению ко мне в такой же установке. Кроме того, в диалоге я не просто нахожусь в установке на Чужого, но и воздействую на твоё сознание с определённой мотивацией, например, я вопрошаю *для того, чтобы* получить от тебя определённый ответ. Моё воздействие побуждает тебя к ответу, т. е. является мотивом для твоего высказывания. Ты отвечаешь, *потому что* Я спросил, и тем самым воздействуешь на моё сознание.

По мнению Шюца, условия понимания существенно различаются в «ближнем» и «дальнем» кругах наблюдения. Ближний круг характеризуется Мы-отношением – непосредственным контактом Я и Ты в установке внимания друг к другу и взаимного воздействия сознаний *Ego* и *Alter ego*. Дальний круг характеризуется как Вы-отношение (в терминологии Н. М. Смирновой – *Они-отношение*)²¹⁰, в котором отсутствует взаимная соотнесённость сознаний.

Каковы же отличительные качества Мы-отношения?

Первый признак (и одновременно условие) Мы-отношения – это близость партнёров, их контактность, дающая возможность осуществления корреспонденции переживаний в установке на Другого, чем обеспечивается объективная, с точки зрения Шюца, возможность пофазовой синхронизации этих переживаний, когда мне доступны не только результаты твоей деятельности в *modoplusquamperfecti* (т. е. в модусе прошедшего), но и замыслы твоей деятельности в *modofuturiexacti* (т. е. в модусе будущего).

Второй признак, который обусловлен близостью, – это совпадение смысловых контекстов, в которых живём Я и Ты: «Я бросаю монотетический взгляд не только на выстраиваемые фазы *моих* переживаний, но и на выстраиваемые фазы *твоих переживаний сознания*»²¹¹. Тем самым обеспечивается высокая, по Шюцу, адекватность понимания Другого.

Пожалуй, наиболее характерным признаком Мы-отношения, по Шюцу, является особая интимность отношений Я и Ты. Мы не

²¹⁰ См.: Смирнова Н. М. Указ. соч.

²¹¹ Шюц А. Указ. соч. С. 894.

просто соотносим наши переживания в момент Здесь и Сейчас, мы проживаем общую жизнь, мы стареем вместе.

Только в Мы-отношении возникает возможность такого социального отношения, которое можно назвать диалогическим, когда мои мотивы-для (т. е. мой замысел в отношении тебя) становится мотивом-потому-что в твоей установке на меня.

Раскрывая эту идиллическую картину понимания в Мы-отношении, Шюц, как ни странно, входит в противоречие с самим собой, ибо вначале он чётко заявляет, что понимание всегда означает экспликацию смыслов (субъективных и объективных) в действиях субъекта, а в анализе Мы-отношений предметностью понимания становится скрытое от наблюдения «переживание». Кроме того, в его интерпретации термин «переживание» вновь приобретает весьма размытые коннотации «от любви до ненависти», различные чувственно-аффективные окаймления (печаль, тревогу, горе, гнев, радость и т. д.). Напомним, что, по Веберу, аффект не несёт в себе смысла (т. е. в состоянии аффекта субъект не мыслит, а аффектирует).

Шюц не принимает известную концепцию «вчувствования» в понимании субъективного смысла, ибо это означало бы возможность вхождения наблюдателя в «поток переживаний» наблюдаемого субъекта, подмену сознания действующего сознанием наблюдателя. Как верный ученик Гуссерля, он принимает тезис своего учителя о закрытости субъективного мира переживаний Другого. Тем не менее для понимания Так-бытия Шюц вводит весьма сомнительную концепцию «сопереживания», которая предполагает пофазовую согласованность переживаний его и alter ego, что делает позицию наблюдателя эмпатически близкой позиции актора.

Сопереживание предполагает, по Шюцу, синхронизацию в Мы-отношении потоков переживаний его и alter ego. В сопереживании, согласно социальному феноменологу, я могу стать свидетелем замыслов и смыслов зарождающейся деятельности близкого мне человека. Однако такая операция неосуществима, ибо «переживание» другого (т. е. субъективный смысл) недоступно нам. Правда, Шюц оговаривается, что о переживаниях «другого» я могу судить на основе *симптомов* его переживаний (выразительных

телодвижений). Но здесь Шюц входит в противоречие с самим собой, ибо интерпретация симптомов (как и действий другого человека) является всегда смыслом, конституируемым наблюдателем. Следовательно, концепция сопереживания так же абсурдна, как и концепция вчувствования.

В «Мы-отношении» действительно появляются наибольшие шансы в понимании Другого. Но дело здесь не в особой способности наблюдателя в проникновении в поток переживаний *alter ego*, а в появлении реальной герменевтической подсказки для обнаружения субъективных смыслов. Мы имеем в виду общий жизненный контекст, сопричастный действиям *ego* и *alter ego*. В этом ближнем круге, сталкиваясь «лицом-к-лицу» с «*alter ego*» и проявляя постоянное внимание к его действиям и высказываниям, я получаю дополнительные шансы к различным фазам зарождения замыслов, целей и мотивов созревающего действия моего друга. Именно в этой непосредственно взаимосвязанной ситуации общения индивидов у каждого из них возникает возможность реализовать эмпатию, т. е. встать на позицию понимания Другого. К тому же у каждого из нас всегда есть дополнительная возможность задать своему визави вопрос и получить ответ, т. е. вступить в диалоговые отношения.

Установку на Другого в более широком социальном окружении (дальнем круге) Шюц называет установкой на Вы-отношение. Это отношение имеет разные степени удалённости от Мы-отношения, начиная со стороннего наблюдения за *alter ego* вплоть до его теоретического познания в социально-гуманитарных науках.

Другой в отстранённом наблюдении дан мне опосредованно и анонимно, не как конкретная личность со своими переживаниями, а как такой же человек, как и другие, действующий так же, как и вот этот, и другой, как Вы (более приемлемым является термин «Они»), как человек *типичный*.

Все мои выводы относительно другого в Вы-отношении я могу делать на основе моей *интерпретативной* деятельности наблюдаемых манифестированных действий Другого. Когда я пытаюсь судить о Другом в Вы-отношении, мне дан исключительно объективный смысловой контекст, но не доступно Так-бытие Дру-

гого в его конкретике, в потоке длительности, в его живой интенциональности, обусловленной фактической ситуацией Сейчас и Так. В своих суждениях о Другом я опираюсь на свои знания (рекогниции) о том, что обычно делают люди в подобных ситуациях, на что они рассчитывают, к чему стремятся. Поэтому, по мнению Шюца, «то, что я узнаю о более широком окружении путём суждений и умозаключений, оказывается для меня *первично* заключённым в *объективном* смысловом контексте, и только в нём»²¹². Субъективный смысл актора мне не доступен.

Именно поэтому в Вы-отношении познаётся не конкретная личность с её неповторимыми замыслами и переживаниями, а *идеальный тип*, чем, по мнению Шюца, оправдывается установка Вебера на познание идеальных типов в понимающей социологии. В дальнем круге акторы предстают перед исследователем «не в их индивидуальном Так, а именно в качестве “почтовых служащих”, “принимающих деньги кассиров”, “жандармов”»²¹³.

Из всего сказанного Шюц делает вывод, что в Вы-отношении мы никогда не пробиваемся к адекватному пониманию Другого. Можно даже сказать, что подлинность «Другого» всегда является *трансцендентной* для внешнего наблюдателя. Специфика Вы-отношения заключается и в том, что мы никогда не можем проверить наши гипотезы о субъективном смысле другого, ибо не можем задать ему вопрос, в отличие от общения в ближнем круге.

Роль наблюдателя в Вы-отношении Шюц сравнивает с работой Пигмалиона, создавшего ожившую статую. Ведь пониманию Другого в позиции теоретика предшествует *предпонимание* (Гадамер), т. е. заготовленные пустые формы идеальных типов, которые исследователь (например, социолог) заполняет эмпирическим содержанием, почерпнутым из каких-либо свидетельств (зафиксированных в различных источниках действий Другого, высказываниях современников, ответов на анкетные вопросы и т. п.). Переходя от наблюдения действий Другого в ситуации «лицом-к-лицу» к анализу эмпирических свидетельств его деятельности, документальных и архивных источников, массовых выступлений, проявлений деятельности государства, партий, мы имеем дело с нарас-

²¹² Шюц А. Указ. соч. С. 915.

²¹³ Там же. С. 917.

тающей анонимизацией другого, в которых реконструкция мотива всегда является интерпретацией наблюдателя (ученого), допускаемой с определённой вероятностью. Таким образом, в опосредованной ситуации (тем более при анонимности актора), по мысли А. Шюца, нам не удаётся пробиться к подлинному субъективному смыслу.

В творчестве П. Бергера и Т. Лукмана (учеников А. Шюца) происходило развитие идей социальной феноменологии таким образом, что она всё больше отдалялась от гуссерлианской традиции (поиска истоков человеческих смыслов в «чистом», редуцированном, сознании) и всё более приближалась к социальной теории детерминации повседневных знаний, которые лежат в основе человеческих действий и, в конечном счёте, в основе конструирования социальным субъектом самой социальной реальности²¹⁴.

С феноменологической традицией этих авторов связывало лишь то, что осталось на заднем плане гуссерлианского анализа сознания: его концепт «жизненного мира». Жизненный мир – это повседневный мир типических человеческих действий, в котором люди не сомневаются в существовании других людей, а также социальных институтов, интерсубъективных норм и ценностей (не говоря уж о существовании природных явлений). Но, самое главное, для них не только «мир вещей», но и мир укоренённых в обществе знаний, особенно лежащих в основе повседневных практических действий, не подлежит никакому сомнению. Это возвращает нас к идее Дюркгейма, что в социальной жизни любое событие, социальный факт существуют так же объективно, как и сами «вещи».

Термин «феноменология» также лишается у социальных феноменологов гуссерлианской окраски (как науки об априорных формах сознания) и означает лишь интенцию на познание (и объяснение происхождения) идей (знаний), исторически укоренённых в повседневном мире. «Феноменологический анализ повседневной жизни, или, скорее, даже её субъективного восприятия, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – воздерживается от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онто-

²¹⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.

логического статуса анализируемых феноменов (что как раз характерно для гуссерлевского подхода. – А. К.)»²¹⁵.

Авторов интересует не вопрос о том, как генерируются субъективные смыслы в отдельной голове, а как возникают объективные смыслы, опредмеченные в языке и социальных действиях людей.

Главный вопрос, на который отвечают наши авторы, – «каким образом субъективные значения *становятся* объективной фактичностью?». Термины «субъективный» и «объективный» смыслы трактуются здесь в специфически социологическом смысле. Субъективные смыслы – это духовные явления, т. е. все знания, идеи, порождаемые людьми. Объективные смыслы – это их особенность, связанная с существованием таких смыслов, идей, ценностей в обществе, называемая интерсубъективностью.

Другими словами, Бергер и Лукман не отрицают того банального факта, что смыслы порождаются субъектами (большинство из которых нам не известны), но эти смыслы в повседневном жизненном мире приобретают форму интерсубъективности, становятся общедоступными и понятными для всех. Смыслы эксклюзивные, отклоняющиеся, от общих значений, экстравагантные вытесняются из сферы общения и практической деятельности. Я не могу купить товар по цене ниже его стоимости, прийти за зарплатой в фирму, где я никогда не работал, высказать просьбу к моему другу на «тарабарском», непонятном языке.

Таким образом, категориальная оппозиция «субъективный смысл» – «объективный смысл» несколько видоизменяется по сравнению с точкой зрения уже проанализированных авторов. Бергер и Лукман о субъективности смысла говорят, имея в виду его индивидуальный авторский характер, – в отечественной литературе чаще для указанной коннотации употребляется термин «личностный» смысл. Субъективность смысла ни в коем случае здесь не означает, что они ложны, поверхностны или, наоборот, глубоки, истинны и т. д. У наших авторов гносеологическая точка зрения на смыслы вообще не присутствует.

²¹⁵ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.

Объективность смыслов для них означает, что в социуме (в повседневном мире) в общении и действиях люди ориентируются на общезначимые, понятные им и общедоступные смыслы, которые можно назвать «объективными» с тем же правом, с которым мы признаём факты существования в обществе денег, браков, прав наследования, нотариальных контор, выборов президента и т. д. Объективные смыслы поддерживаются всем социетальным порядком общества и их интерсубъективность, в свою очередь, обеспечивает (сохраняет) этот порядок. Так, если в Средние века люди считали, что ведьмы существуют, что они зловредны и что их следует судить, то это было, с социологической точки зрения, объективным фактом. Эксклюзивные же смыслы, сформулированные гением или шизофреником, встречают отпор со стороны общества, сопротивление и обычно вытесняются на периферию общественного сознания. Объективные смыслы ещё называют «надличностными» (этот термин употреблял А. Шюц), общественными (такой термин часто встречается в отечественной литературе).

Таким образом, понятие «объективного смысла» у рассматриваемых авторов не совпадает с нашим, толкуемым как «опредмеченный смысл». Введённая авторами оппозиция «субъективный – объективный» (смыслы) больше напоминает известную в нашей литературе оппозицию «личностный и общезначимый» (смыслы), которую мы здесь не обсуждаем²¹⁶. Объективный смысл, подразумеваемый Бергером и Лукманом, может существовать как в опредмеченном виде (например, в текстах), так и в сознании отдельных индивидов (например, в общественном мнении).

Предметом исследования для наших авторов становится жизненный мир в его естественной установке, признающей реальное существование не только людей, институтов, действий, но и повседневных норм, ценностей, интерсубъективных смыслов. «Рядовые члены общества в их субъективно осмысленном поведении не только считают мир повседневной жизни само собой разумеющейся реальностью. Это мир, создающийся в их мыслях и

²¹⁶ См.: *Кравец А. С.* Соотношение личностных и общественных (общезначимых) смыслов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 17–23.

действиях, который переживается ими в качестве реального. Поэтому, прежде чем обратиться к нашей главной задаче, — отмечают П. Бергер и Т. Лукман, — мы должны попытаться прояснить основания знания обыденной жизни, а именно объективации субъективных процессов (и смыслов), с помощью которых конструируется intersубъективный повседневный мир»²¹⁷.

Конечно, здесь скрывается какая-то неизъяснимая тайна перехода от субъективной (в своём генезисе) формы смысла к объективированной её форме существования в обществе. Эту тайну Бергер и Лукман и пытаются раскрыть в своей концепции конструирования социальной реальности, метко называя такой социальный процесс «фабрикой значений». Вывод, к которому они приходят, заключается в том, что в социально организованном (социетальном) обществе устанавливаются типические (универсальные) социальные действия и соответствующие им смыслы, мотивы, цели, а всё нетипическое вытесняется на периферию общественной жизни или, попросту, запрещается. Типическое и становится в смыслах общепонятным, intersубъективным.

Заслугой П. Бергера и Т. Лукмана является раскрытие пофазово развертывающейся динамики возникновения и трансформации типического в обществе.

Исходной «клеточкой» возникновения типического является ситуация *«лицом-к-лицу»*, в которой формируются хабиитуализированные (опривыченные) социальные действия и соответствующие типические смыслы. От того, насколько мы понимаем друг друга в совместных интеракциях, зависит наш общий успех взаимодействия. Этот успех обусловлен прежде всего нашим общим пониманием ситуации, релевантностью (адекватностью) взаимных действий, когда мой мотив-для становится мотивом «потому-что» для твоего ответного действия. В ситуации лицом-к-лицу у нас всегда существует возможность корректировки наших действий с помощью «слова». Язык способен воплощать наши замыслы и «дублировать», сопровождать смыслы наших действий. Именно в ситуации лицом-к-лицу у нас образуется *взаимная общая перспектива* на суть совместно решаемой жизненной проблемы.

²¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 12.

Эта взаимность перспектив оценок и смыслов конкретной ситуации обусловлена, в конечном счете, общим жизненным миром взаимодействующих субъектов. «Идеализация взаимозаменяемости точек зрения, – пишет Н. М. Смирнова, – и совпадения систем релевантностей совместно образуют *всеобщий тезис взаимности перспектив*. Он конституирует всеобщие *типизации* (курсив наш. – А. К.) обыденного мышления. Использование подобных идеализаций и позволяет предположить наличие общего сектора мира, воспринимаемого одинаково, невзирая на различие биографических ситуаций»²¹⁸. В ситуации лицом-к-лицу я могу понять, чего ты хочешь и встать на твою позицию, как и ты можешь встать на мою позицию. «Только здесь субъективность другого является эмпатически “близкой”. Все прочие формы связи с другими людьми в той или иной степени являются “отдалёнными”»²¹⁹.

Типизация происходит одновременно в двух направлениях.

Во-первых, типизация предполагается каждым субъектом в процессе применения своих личностных (т. е. биографически детерминированных) запасов знания ко все более широкому спектру социальных ситуаций на основе расширяющейся аналогии (*эта ситуация такая же, как и прежняя, следовательно, к ней применимо то же самое действие, что и прежде*).

Во-вторых, типизация происходит в пространстве межсубъектных связей и отношений, социальных обменах (интеракциях). Жизненный мир протекает в форме рутинных, устойчивых и воспроизводящихся действий. «В общем, все повторяющиеся действия становятся в некоторой степени привычными, так же как все действия, которые наблюдает другой, обязательно включают некую типизацию с его стороны».

Сходные ситуации ведут к формированию сходных, типичных, принятых в обществе образцов действия и, соответственно, их смысловых схем (мотивов, целей, планов, систем релевантности). «Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации (т. е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть

²¹⁸ Смирнова Н. М. Указ. соч. С. 234.

²¹⁹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 52–53.

воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем»²²⁰.

Именно типизации в межсубъектном пространстве приводят к образованию интерсубъективного смыслового запаса знаний. Интерсубъективные смыслы и схемы интерпретаций воспринимаются действующим субъектом как обьективированное, анонимное (лишённое биографической привязки к определённом субъекту), надличностное знание. Это даже не знание, рождённое в двучленном отношении «Я – Ты», – это знание, общее всем членам социума. Такое интерсубъективное, надличностное, обьективированное знание социальные феноменологи удачно назвали «символическим универсумом».

Типичное закрепляется в языке, сигнифицируется, т. е. получает языковое оформление в виде всеобщих номинаций (*рыбак – это тот, кто ловит рыбу; лесоруб – это тот, кто рубит лес*) и описаний типичных схем деятельности. Смыслы типичных действий, выраженные в языке, всегда универсальны (т. е. общезначимы) и анонимны (т. е. теряют связь с биографически детерминированной историей субъективного смысла). Любое слово всегда обобщает. Смысл типичного действия – это, по терминологии Шюца, всегда обьективный смысл. Смыслы типичных действий представляют собой общепринятые рецептуры (алгоритмы) способов деятельности. Именно благодаря сигнификации типичных действий становится возможным как их понимание (т. е. их эксплицирование наблюдателем), так и обучение подрастающего поколения парадигмальным образцам действий.

Хабитуализация, т. е. установление совокупности воспроизводящихся от поколения к поколению «опривыченных» повседневных действий подготавливает их *институционализацию*, под которой социальные феноменологии понимают нормативный, т. е. обязательный для всех, интерсубъективный статус хаби́туализированных действий и смыслов. Институциональный мир воспринимается в качестве несомненной обьективной реальности. У него есть своя история, существовавшая до рождения индивида, которая недоступна его индивидуальной памяти. Он существовал до

²²⁰ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 89–90.

его рождения и будет существовать после его смерти. «Институты в качестве исторических и объективных фактичностей предстают перед индивидом как неоспоримые факты»²²¹.

Институциональные нормы не терпят отклонений, более того, всякие нарушения институциональных норм трактуются общественным мнением как уход (отклонение) от объективной реальности. В этом отношении институты оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность, независимо от того, нравится она ему или нет.

Институциональное знание представляет собой всё то, что «каждый знает о социальном мире, – это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное»²²².

Институциональные смыслы подвергаются в дальнейшем *седиментации* и *легитимации*. Седиментация означает «выпадение в осадок» повторяющихся (т. е. типичных) индивидуальных смыслов в надличностное общественное знание. Это знание хранится в коллективной памяти общества, оно передаётся от поколения к поколению в устной традиции, существует часто в виде пословиц и поговорок, закрепляется в каких-либо текстах, подкрепляется воспитанием и образованием молодого поколения.

Хотя любые смыслы зарождаются в голове индивида (нет коллективной головы), всё же никакой социализированный индивид не начинает смысловтворчество с «чистого листа». Конституированию субъективных смыслов предшествует доставшийся индивиду смысловой опыт предшествующих поколений, седиментированный в общественном надличностном запасе знаний.

Термин «легитимация» социальные феноменологии употребляют в не совсем обычном смысле. Если обычно под легитимацией понимают узаконение (т. е. подведение под закон) какого-либо вида деятельности, организации, должности и т. д., то наши авторы применяют это понятие по отношению к институционализированному, надличностному и интерсубъективному знанию. Легитимация, с их точки зрения, является оправданием и обоснованием

²²¹ Там же. С. 100–101.

²²² Там же. С. 109.

институционального знания, обеспечивающим устойчивость и преемственность социального порядка.

Легитимация есть построение теорий, учений, объяснений, подтверждающих «законность», «правильность» устоявшихся институциональных смыслов. Нетрудно видеть, что задача «обоснования» уже сложившегося институционального порядка выходит за пределы задач, решаемых в жизненном мире. Легитимация проводится профессионализированными или специально уполномоченными субъектами социального мира: старейшинами, жрецами, теологами, философами, идеологами и т. д., которые осуществляют не что иное, как теоретическую (или квазитеоретическую) рефлексию над «первыми значениями» (т. е. первичными смыслами жизненного мира). Результатом их творчества становятся новые «обосновательные» (или оправдательные) смыслы, специализированные тексты.

Таким образом, ряд описанных трансформаций индивидуальных смыслов, сопровождающих типичные действия, приводит в конечном счёте к образованию *символического универсума*, который в марксистской традиции очень близок к понятию общественного сознания. Символический универсум хранит весь запас надличностных знаний (смыслов). Он обладает иерархизированной структурой, начиная с самого простого повседневного знания, знакомого всем (содержащегося уже в национальном языке), и заканчивая углублёнными обосновательными (теологическими, мировоззренческими, философскими и т. д.) текстами.

Процесс понимания социальных действий получает простое разрешение в концепции П. Бергера и Т. Лукмана: мы можем понимать социальные действия различных индивидов, потому что они типичны, а их интерсубъективные смыслы содержатся в надличностном символическом универсуме. Причём мы понимаем не только смыслы наблюдаемых действий, но и их мотивы, потому что, как считают Бергер и Лукман, типичным действиям соответствуют типичные мотивы. С этой мыслью трудно согласиться, поскольку, как показал Вебер, одни и те же действия у разных индивидов могут исходить из различных мотивов. Поэтому познание мотива (т. е. субъективного смысла) может быть осуществлено всегда с некоторой вероятностью. Правильнее было бы сказать,

что типичным действиям индивидов в обществе соответствуют типичные разнообразия, наборы разрешенных для данной ситуации мотивов.

Кроме того, по отношению к изящной концепции П. Бергера и Т. Лукмана можно высказать ещё одно существенное замечание. Это замечание касается обоснования самого первого звена в представленной цепи трансформаций субъективных смыслов. Мы имеем в виду ситуацию «лицом – к – лицу». В этой контактной встрече «Я и Ты», по мысли наших авторов, совершается обмен личностными смыслами, в результате чего возникает первичная *взаимная перспектива* в оценке ситуации и согласование личностных смыслов. Далее эта взаимная перспектива повторяется и распространяется на все социальные обмены в многочисленных интеракциях индивидов и приводит к формированию типического (объективного) смысла. Однако трудно представить себе ситуацию в устоявшемся обществе (т. е. с укорененным социетальным порядком), в котором действующие индивиды не опирались бы на типические (хабитуализированные) смыслы. Разве что подобное могло случиться в некотором придуманном обществе дикарей. В реальном обществе любая интеракция уже наполнена типическими (общественно значимыми) смыслами.

Не означает ли это, что понятие «личностного» («субъективного») в трактовке Бергера и Лукмана) смысла является лишним?

Ни в коем случае! В реальном (а не придуманном) обществе надличностные, интерсубъективные смыслы не могли возникнуть **вне** соотнесения, интеграции, согласования личностных смыслов, как и не может возникнуть любой личностный смысл, не опирающийся на общественно- значимый, интерсубъективный смысл. Ошибка наших авторов состоит не в том, что они признают существование субъективного (личностного) смысла, а в том, что они исходят из идеи *первичности* этого смысла. Однако и идея первичности «объективного» (т. е. надличностного) смысла так же порочна. В системе социальных интеракций нет первичного субъективного или объективного смыслов. В органических системах, каким является социум, нельзя часть оторвать от целого, индивид – от общества, личностный смысл – от общественного, надличностного. Впрочем, эта диалектика личностного и надличностного смыслов, как мы уже указывали, требует особого рассмотрения.

Субъективный смысл как фактор социализации человека (Заключение)

Субъективный смысл неразрывно связан со специфически характерным свойством общественного человека (*Homo sapiens*) – внутренним мышлением. Чтобы успешно действовать в социальном мире, человек должен научиться мыслить. Мышление и есть операции со смыслами, которые человек производит в своей голове, прежде чем начать практические действия.

Если животное, опирающееся на «метод» проб и ошибок, приспособляется к внешней среде, то человек, живущий в социальном мире, не может позволить себе этой роскоши. Он вынужден действовать, постоянно «просчитывая» будущий результат своих действий. Это значит, что исходя из социально обусловленных мотивов, разумный человек в своём сознании продумывает и формулирует смысл цели своих действий, оптимальный способ достижения цели, использование тех или иных подручных средств (инструментов, ресурсов) для успешного осуществления деятельности и т. д.

Чем сложнее и масштабнее социальная деятельность разумного человека, тем больше его ответственность перед обществом, тем разнообразнее сфера его субъективной рефлексии, включающей не только образы творимого социального мира, но и осмысление моральных и правовых оснований своих действий. Можно сказать, что, прежде чем изменять мир, человек должен его создать в своей голове, осмыслить «прообраз» нового мира в своём сознании.

Способность рефлексировать, т. е. обдумывать свои действия прежде, чем их совершить, не является врождённой, а формируется в процессе социализации человека. Причём эта способность к рефлексии не является элитарной привилегией философов, а характеризует любого действующего социального субъекта. Конечно, у разных индивидов она развита в той или иной степени.

Раскрывая закономерности социального конструирования реальности, П. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на ключевую роль экстерииоризации и интериоризации индивидов в их социализации.

Интериоризация – это процесс усвоения необходимых для общественной деятельности объективных, опредмеченных смыслов в сознании индивида, т. е. перевод их в субъективную форму, в личностный запас знаний субъекта.

Экстериоризация – это противоположный процесс претворения субъективных смыслов индивида (осмысленных проектов) в практические действия, т. е. конструирование социального мира субъектом.

В процессе интериоризации индивид становится социальным субъектом, в процессе экстериоризации он становится творцом социального мира.

Интериоризация предполагает расширение сферы субъективных смыслов, экстериоризация – их превращение в предметы культуры, т. е. в опредмеченные объективированные смыслы.

Способность рефлексировать, мыслить прежде, чем действовать, формируется у человека постепенно с возрастом и расширением социального опыта.

Особый интерес для нашей темы представляют исследования швейцарского психолога Ж. Пиаже по онтогенезу детского мышления²²³. Он установил, что дети в возрасте от четырёх до семи лет мыслят и говорят эгоцентрически. Эгоцентризм детской речи проявляется в том, что дети рассуждают вслух, говорят как бы для самих себя и не слышат других, что проявляется в неспособности воспроизвести адекватно прочитанный им рассказ. Дети в указанном возрасте не обладают ещё социализированной речью, ориентированной на взаимопонимание и сотрудничество с другими детьми.

Эгоцентрической речи соответствует и эгоцентрическое мышление, в котором господствуют синкретизм (слияние противоречащих посылок), псевдодетерминизм (когда ребёнок стремится объяснить всё, что угодно, случайно подобранными причинами), отсутствие какой-либо критичности по отношению к собственным объяснениям, неспособность осуществлять логические операции (индукцию, дедукцию, обобщение, разбиение предметов на классы и т. д.). По существу, это означает неразвитость в дан-

²²³ См.: Пиаже Ж. Указ. соч.

ном возрасте внутреннего мышления, способностей оперировать субъективными смыслами.

С подобными явлениями мы сталкиваемся, когда обучаем детей интеллектуальным играм. Например, при обучении игре в шахматы ребёнок предпочитает перед очередным ходом двигать по доске пальцами воображаемой фигурой и только позже он осваивает способность делать все расчеты «в уме». При обучении счёту в школе на первых порах используются предметы (палочки, кубики и т. д.). Во всех этих случаях обнаруживается отсутствие навыков работы со смыслами, особенно абстрактными.

Впоследствии, как установил Ж. Пиаже, к двенадцати годам, у подростков формируются навыки внутреннего (как выражается Пиаже «интимного») мышления, когда они начинают понимать логические связи суждений, предвидеть ход событий, оценивать альтернативы своих действий, просчитывать реакцию собеседника.

Позже наш выдающийся соотечественник Л. С. Выготский, продолживший исследования детского онтогенеза, высоко ценя эмпирические исследования Ж. Пиаже, тем не менее, подверг его концепцию эгоцентрической речи суровой критике. Наш знаменитый психолог считал, что Пиаже неправомерно отнёс детскую эгоцентрическую речь к проявлениям детского аутизма. С точки зрения нашего соотечественника, любое развитие предполагает преемственность между этапами его осуществления. Низшее состояние должно как-то проявить свои позитивные качества на высших этапах становления объекта. Эта идея была заимствована Выготским из марксистской философии. Поэтому философская оценка эгоцентрической речи как проявления аутизма, отвергаемого всем ходом социализации ребёнка, не соответствует, как считал наш психолог, диалектике.

Философский аргумент от «диалектики», конечно, считался серьёзным возражением в 30-е годы прошлого столетия в нашей стране. В наше время подобная апелляция к философии выглядит довольно архаично, если не сказать более жёстко – просто абсурдно. Если какая-либо философия противоречит эмпирическим фактам, то нужно спасать (вернее, корректировать) философию, а не факты.

Дело в том, что Пиаже связывает эгоцентризм не только с речевыми навыками детей указанного возраста (речь, обращённая к себе во время игры или действий), но и с их мышлением, мировоззрением, общением в коллективе и т. д. Общая оценка детского мышления данного периода как аутистического вполне соответствует его природе, ибо оно обусловлено ещё недостаточной социализацией ребёнка, неспособностью вписаться в социальные связи, осуществлять полноценные социальные действия. Ведь социальное действие, согласно М. Веберу, – это действие, обращённое к другому индивиду со смыслом. Оно опирается на ожидания реакции других на мои действия, ориентируется на взаимопонимание моего «визави».

М. Веберу вторит и А. Шюц, когда анализирует простейшую клеточку взаимодействий индивидов в ситуации «лицом-к-лицу». Здесь, как считает феноменологический социолог, устанавливается благоприятная ситуация диалогического общения, когда *мой* вопрос является мотивом для *твоего* ответа. Человек учится всю жизнь действовать осмысленно, и навыки осмысленного поведения просто не могут возникнуть у детей указанного возраста.

Но мы хотим обратить внимание на другую сторону возникшей заочной дискуссии между выдающимися психологами. В ходе указанной полемики с Пиаже наш соотечественник приходит к открытию «внутренней речи». Конечно, представление о внутренней речи у взрослого человека существовало и до Л. С. Выготского, но она (эта речь) трактовалась упрощённо, если не сказать примитивно, – как постепенное «затихание» вокализации речи, как шёпот, переходящий в молчание. С точки зрения нашего психолога, «внутренняя речь» – это мыслительная деятельность нашего сознания, сопряжённая с речью²²⁴.

Другими словами, взрослый человек думает, прежде чем высказать своё суждение. Этот процесс внутренней речи Л. С. Выготский трактует (на многочисленных примерах из поэтического и литературного творчества) как муки мысли в поисках адекватного слова.

²²⁴ См.: Выготский Л. С. Указ. соч.

С точки зрения нашего психолога, речь и мышление – взаимосвязанные процессы, но не тождественные, скорее – это две стороны единого процесса речемышления. За каждым словом стоит смысл. Этот смысл и есть, с нашей точки зрения, субъективный смысл. Слово без смысла, по Выготскому, – пустой звук; смысл без звука – это внутренний, не манифестированный, субъективный смысл, а человеческая речь – это опредмеченный, объективированный смысл. С этих позиций становится понятным, что открыл на самом деле Ж. Пиаже, – эгоцентрическую речь раннего онтогенеза, когда ребёнок говорил лучше, чем мыслил. Навыки взрослого (логического) мышления (и мировоззрения) были ему ещё не доступны, а речевая техника уже была освоена. Другими словами, у малолетнего ребёнка слова обгоняли мысль. Выготский же считал, что эгоцентрическая речь – это первичное мышление вслух, которое в позднем развитии человека переходит во внутреннюю речь. С данной мыслью нашего известного учёного трудно согласиться, поскольку в действительности это было весьма специфическое мышление: не понятийное, не логическое, не критическое, не рефлексивное, не социализированное, и которое Пиаже справедливо отнёс к аутистическому. Оно с развитием ребёнка и его социализацией должно было если не отмереть, то уступить своё место рациональному взрослому мышлению, как молочные зубы заменяются у человека постоянными зубами.

Сейчас, после работ Дж. Остина и Дж. Сёрла, общепринято считать речевые акты социальными действиями, ибо они удовлетворяют всем требованиям социального действия. Более того, речевые акты – это самый распространённый вид социальной деятельности, в которой участвуют все. Социализация ребёнка начинается с освоения языка и навыков речи. По существу, речевое общение сопровождает всю жизнь человека и открывает ему доступ к пониманию всех других видов повседневной деятельности. В национальном языке содержатся все слова для обозначения всех социальных действий, существующих в жизненном мире. Национальный язык составляет, по Бергеру и Лукману, первый слой символического универсума, с освоением которого индивид приобщается к обществу, становится социализированным субъектом.

С помощью языка человек не только общается с другими людьми, но и мыслит. Однако говорить и мыслить, как подчёркивал Л. С. Выготский, – это все-таки разные вещи. На первой стадии онтогенеза мы как раз наблюдаем разрыв во временном развитии того и другого. Даже взрослый человек, осваивая новое для него слово, стремится сформировать его субъективный личностный смысл, который не всегда совпадает с общезначимым смыслом, содержащимся в толковых словарях. Мы понимаем слово, когда сформировали свой субъективный смысл о нём, но верно и обратное: мы говорим осмысленно, т. е. по-человечески, когда у нас в сознании сформировались субъективные смыслы того, что мы хотим сказать.

С речевой деятельностью происходит то же, что и с практической: вначале мы конституируем субъективные смыслы, а затем говорим, т. е. опредмечиваем эти смыслы в словах. Только в практической деятельности между субъективным смыслом и действием (т. е. опредмеченным, объективированным смыслом) обычно всегда существует лаг, т. е. заметный промежуток времени, а в речевой практике мы этого лага не наблюдаем. Объясняется эта быстротечность перехода от субъективного смысла к объективному (опредмеченному в словах) высокой стандартизованностью правил речевого общения, общим смысловым запасом лексики у коммуницирующих субъектов и натренированной практикой речевого общения на родном языке. Кстати, при попытке вести разговор на плохо освоенном иностранном языке это замедление перехода от субъективного смысла к объективному становится заметным.

Внутренняя речь (с нашей точки зрения, являющаяся операцией с субъективными смыслами) – это подготовка речевого акта, её перехода во внешнюю речь, которая всегда адресована другому. Внешняя речь, как мы указывали, есть речевой акт со всеми признаками социального действия, т. е. мотивом, целью, с определённой «чтойностью», содержащей смысл констатации факта, просьбы, совета, согласия, возражения, приказа, совета, декларации и т. п.²²⁵

²²⁵ См.: *Кравец А. С.* Деятельностная парадигма смысла // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 160–188.

Но, самое главное, он обращён к «Другому», будь то индивид, аноним, друг, враг, любимый человек, аудитория слушателей, толпа на площади, общество в целом. Но прежде чем совершить переход от *ego* к *alter ego* в самой реальности, субъект совершает этот переход в своём уме, в собственном сознании. Он обращается в своих мыслях к «Другому» как к своему оппоненту.

В. С. Библер в своём послесловии к труду Л. С. Выготского указывает на самую важную особенность открытия «внутренней речи» – на её **диалогизм**. «...Внутренняя речь, – пишет он, – порождает коренную ситуацию диалога, и, вместе с тем, коренной содержательный замысел диалога (как исходного определения мышления) ... в той же внутренней речи предопределяется и основная формальная “затравка” спора с чужим, ничего не понимающим человеком. Во внутренней речи я к самому себе обращаю обычное в споре ... “прекословие”, отношение к другому, мысль об оппоненте»²²⁶.

По существу, во внутренней речи человек разыгрывает свой сценарий обращения к Другому. Допустим, у человека, давно работающего в фирме без повышения зарплаты, возникает идея обратиться к директору с просьбой повысить ему оклад. Далее следует развитие мысли в сознании служащего:

«Завтра же пойду и попрошу. Но что я ему скажу? Ведь он может сказать, что многие так думают, что они получают недостаточно, но не многие достойны повышения в зарплате. Тогда я отвечу, что в отделе я самый старший по стажу, что у меня нет замечаний по работе, что я никогда не отказываюсь от сверхурочных заданий. Возможно, он скажет, что надо подумать, посоветоваться с моим непосредственным начальником, а возможно, ответит, что фирма переживает трудное время и нужно немного переждать. Не будет ли это вежливым отказом? Может, мне лучше написать ему записку, в которой более обстоятельно изложу суть дела? Я смогу тогда указать на мои финансовые затруднения в связи с предстоящим поступлением моего сына в университет. Но все записки директору передаются через эту надменную Элен, которая вообража-

²²⁶ Библер В. С. Понимание Л. С. Выготским внутренней речи и логика диалога (ещё раз о предмете психологии) / послесл. к кн.: Выготский Л. С. Мышление и речь : психологические исследования. М. : Лабиринт, 1996. С. 386.

ет себя царицей Тамарой. Она сортирует их по темам и раскладывает в папочки. Воображаю, как она в самый последний миг положит на стол шефу папочку с заявлениями и скажет, кривя рот: “Вот эти опять о повышении зарплаты, их пять”. Тогда шеф непременно пробурчит: “Отложить!” Нет, всё-таки с ним надо непременно переговорить лично. Но как пробиться к нему на приём? Элен обязательно спросит: “По какому вопросу?”. И тогда мельница снова закрутится по тому же кругу: “Напишите заявление, по какому вопросу, я передам дело шефу, учтите, что он очень занят” и т. д. А не пойти ли мне на маленькую хитрость? Я уже давно раздумываю над вопросом, как нам улучшить работу с рекламациями. Запишусь у этой чертовой Элен по вопросу об улучшении работы с клиентами, шеф примет меня в назначенный срок. Я изложу ему суть дела о рекламациях, а потом и верну вопрос о моей зарплате. Верно, так и сделаю. Только завтра я не успею хорошо всё продумать и подготовиться. Начну-ка я всё с понедельника».

Субъективная сфера внутреннего мышления является инкубатором человеческой мысли. В ней зарождаются все субъективные смыслы. Они конституируются субъектом, обосновываются, ставятся под сомнение, развиваются или критикуются им же, воплощаются в реальности или отвергаются, т. е. уходят в небытие. Лишь малая часть этих смыслов превращается в объективные опредмеченные смыслы, практические действия. Поэтому понимание «Другого» всегда ограничено. Мы никогда не узнаем всех ходов субъективной мысли конкретного человека, его мук рождения манифестированного, опредмеченного им в действиях, объективного смысла. Ведь внешнему наблюдателю представлен всегда лишь этот манифестированный в предметных формах (письменных источниках, переписке с друзьями, речи, формулах, чертежах, романах, картинах, технических устройствах и т. д.) смысл. Какие сомнения терзали субъекта, какие смыслы ещё имел в виду он перед принятием решения, какие альтернативы были им отвергнуты – всё это предано забвению его памяти и останется тайной для Другого.

Только в субъективной сфере своего сознания творческий субъект подлинно свободен и ненаказуем. Он может позволить себе всё: от альтруистической мечты осчастливить человечество

до самых порочных фантазий, он может бросить вызов богам и проявить сострадание к униженным и оскорбленным, он безумно смел и бесконечно милосерден. И только перед последним шагом, при выборе окончательного практического действия человек становится благоразумным, осмотнительным и ответственным за свои поступки.

Его решение действовать, опредметить свои смыслы и замыслы предполагает неизбежную редукцию всех замысленных им вариантов действия к одному единственному, которое и появляется на свет. Здесь и заканчиваются пределы допустимой самому себе свободы. Человек отвечает по всем существующим моральным кодексам только за содеянное.

Пределы герменевтического понимания субъективного смысла принципиально ограничены произведённой редукцией субъективного запаса мучавших нас смыслов к его опредмеченной, явной форме, т. е. к объективному смыслу. Этот смысл возникает в реальных манифестированных действиях индивидов. Внешний наблюдатель понимает прежде всего это совершённое индивидом действие и трактует его смысл как типический, общепринятый в повседневных социальных обменах. Свою интерпретацию он заимствует из освоенного запаса надличностных знаний (рыбак ловит рыбу, лесник рубит лес), т. е. из символического универсума общества. Никакой субъективности в обнаруженном смысле (т. е. в проникновении в сферу сознания деятеля) пока нет. И часто такой трактовки вполне достаточно для продолжения ответных действий другого индивида в жизненном мире.

Однако нередко случаи, когда возникает потребность выявить замыслы произведённого действия. Обычно в этих случаях говорят о мотивах наблюдаемого действия. Например, судья, выносящий приговор, пытается выяснить мотивы противоправных действий обвиняемого. Социолог, анализирующий результаты опросов электората на предстоящих выборах, пытается объяснить мотивы тех или иных ответов опрошенных. Сотрудник по найму на ответственную и рискованную работу выясняет мотивы желающих поступить к ним на службу. Дипломат, ведущий долгие переговоры со своим иностранным визави, пытается понять истинные мотивы его возражений и т. д. Во всех этих случаях мы

имеем дело с попыткой проникновения в субъективную сферу жизни актора.

Существуют, как упоминалось выше, два рода мотивов: мотив «*для того чтобы*» и мотив «*потому что*». Оба мотива имеют место как в понимании повседневных, так и специализированных, профессиональных действий. Но оба мотива имеют лишь вероятностное значение в понимании Другого, ибо проникнуть в его субъективную сферу (т. е. в чужое сознание) не дано никому. Оба мотива реконструируются логически, исходя из предположения об их типичности. Например, по схеме: *обычно все люди действуют так, потому что...* или *обычно все люди действуют так, для того чтобы...*

Ясно, что подобные схемы объяснения поведения людей явно ограничены. Во-первых, они претендуют только на малую часть раскрытия богатого содержания субъективного смысла (т. е. мотива). Во-вторых, они лишь правдоподобны, но не истинны. В-третьих, они не действуют в понимании людей неординарных, выходящих за пределы типического ряда, бескомпромиссных новаторов, бескорыстных альтруистов, гениев. Гений всегда одинок, его никто не понимает.

Выходит, что нам понятны только конформисты: такие как все, люди, ведущие вялотекущий образ жизни в стабильном социуме. Творцы подлинно нового всегда остаются на периферии нашего понимания.

Субъективный смысл, казалось бы, умирает в объективном смысле, отчуждается от субъекта, становится даже не смыслом, а его инобытием в предметных формах. Но опредмеченный объективный смысл некоторого индивида может найти отклик в сознании другого субъекта, и тогда он вновь превратится в субъективный смысл, но уже другого человека. Конечно, это будет уже переинтерпретированный субъективный смысл, который даст импульс новым размышлениям, идейным новациям и новым мотивам к действиям. Так, не иссякает духовная жизнь общества, обеспечивается идейная связь поколений, рождаются смысловые новации. В этой круговерти от субъективных смыслов к объективным и от них снова к субъективным раскручивается спираль духовной и практической жизни человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Три парадигмы смысла (<i>Введение</i>).....	3
---	---

Часть I. ЛОГИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ СМЫСЛА.....	7
---	---

<i>Глава 1. Словоцентристская парадигма смысла</i>	7
--	---

§ 1. Предметные имена, предикаты, денотаты	7
--	---

§ 2. Семный анализ слова	29
--------------------------------	----

<i>Глава 2. Пропозициональная парадигма смысла</i>	34
--	----

<i>Глава 3. Основные категории семантики: дискуссии о ментальном и реальном смыслах</i>	42
---	----

<i>Глава 4. Топологическая структура смысла</i>	59
---	----

<i>Глава 5. Деятельностная парадигма смысла</i>	64
---	----

<i>Глава 6. Логика смысла</i>	88
-------------------------------------	----

§ 1. Логика языковых выражений.....	92
-------------------------------------	----

§ 2. Логика речевых актов	100
---------------------------------	-----

§ 3. Косвенные речевые акты	109
-----------------------------------	-----

<i>Глава 7. Абсурд как нарушение смысла</i>	123
---	-----

§ 1. Абсурд как нарушение семантических конвенций.....	125
---	-----

§ 2. Абсурд как нарушение принципов коммуникации	132
---	-----

§ 3. Преодоление абсурда	138
--------------------------------	-----

§ 4. Софизмы и парадоксы: абсурд в рассуждениях	145
---	-----

§ 5. Антиномии Канта.....	157
---------------------------	-----

Часть II. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКЦИИ СМЫСЛА.....	173
--	-----

<i>Глава 8. Формы бытия смысла</i>	173
--	-----

§ 1. Критика концепции, признающей существование смысла в объективной реальности.....	175
--	-----

§ 2. Концепция смысла Э. Гуссерля	196
---	-----

§ 3. Концепция смысла Ж. Делёза	204
---------------------------------------	-----

§ 4. Предметные формы смысла	215
<i>Глава 9. Соотношение понятий смысла и ценности</i>	<i>220</i>
<i>Глава 10. Понимание социальных действий: диалектика субъективного и объективного смыслов.....</i>	<i>243</i>
§ 1. Субъективный и объективный смыслы в трактовке М. Вебера	246
§ 2. Социальная феноменология в поисках смысла	268
 Субъективный смысл как фактор социализации человека (Заключение)	 286

Научное издание

Кравец Александр Самуйлович

**ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ
СМЫСЛА**

Монография

Редактор *Ю. С. Гудкова*

Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 01.04.2022. Формат 60×84/16
Уч.-изд. л. 16,9. Усл. п. л. 17,3. Тираж 500. Заказ 103

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3